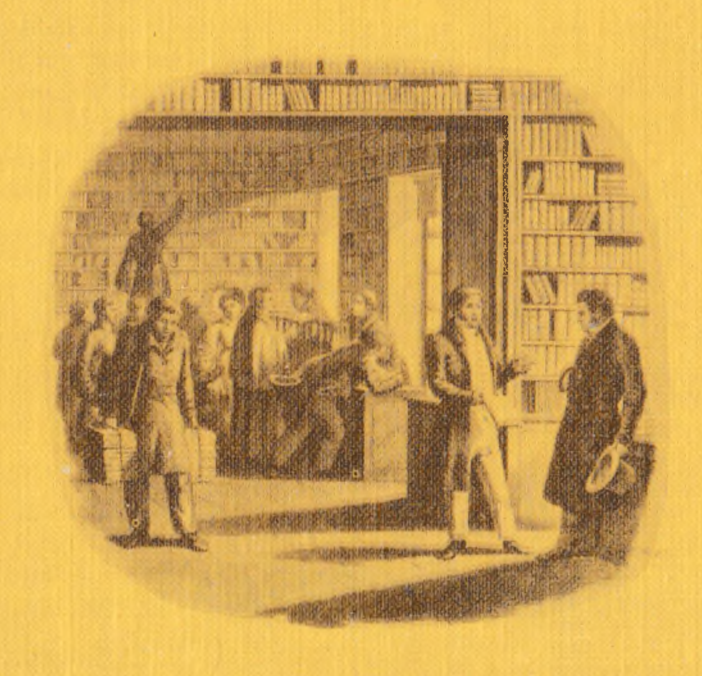
В. В. КУНИН

БИБЛИОФИЛЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

В. В. КУНИН

БИБЛИОФИЛЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

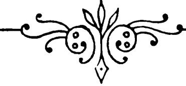

БИБЛИОФИЛЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

В. В. КУНИН

БИБЛИОФИЛЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

МОСКВА
«КНИГА»
1979

71.106
К 91

К $\frac{61001\text{-}092}{002(01)\text{-}79}$ 9-79 4503000000

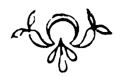

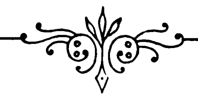

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года,
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

А. Блок

Памяти отца —
московского букиниста
В. М. Кунина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Дмитриевич Полторацкий, один из главных героев этой книги, приступая в 1862 г. к составлению каталога своей библиотеки, начал с того, что объяснил всю бессмысленность и даже вредоносность предисловий — они, по его словам, лишь отвлекают читателя и заведомо обрекают на зевоту. Эти суждения Полторацкий высказал, естественно, в длинном предисловии. Последуем его примеру, но будем предельно кратки.

Пушкинское время, как многократно отмечали исследователи, было временем необычайно обострившегося интереса к культурному собирательству и прежде всего — библиофильству.

В предисловии к сборнику «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков» академик М. П. Алексеев писал: «Несомненно, что это увлечение было знамением времени; оно укрепилось под влиянием идей и настроений, носившихся в

воздухе, обсуждавшихся и в печати, и в ученых кабинетах, и в аристократических салонах»[1]. Пушкин, как никто, чутко слышавший время, был самым прямым образом связан с собирателями книг, да и сам принадлежал к их числу.

По точной формуле М. П. Алексеева, «всеобъемлющий и необыкновенный по своему масштабу и универсальности гений Пушкина может быть понят только после многих и длительных усилий, которые мы должны затратить на то, чтобы сопоставить его творчество с различными и разновременными явлениями мировой литературы»[2]. С полным правом это можно сказать и о разнообразных явлениях русской культурной жизни. Изучение библиофильских коллекций уже во многом помогло исследователям пушкинского времени, пушкинского литературного окружения, биографии поэта и творческой истории его произведений и, несомненно, еще принесет немало интересного и важного.

Историк отечественного книжного собирательства П. Н. Берков справедливо отметил, что для создания истории библиофильства в России необходим так называемый монографический период, т. е. нужны развернутые очерки о крупнейших русских собирателях книг.

Именно в таком плане попытался рассмотреть книжные собрания и библиофильские труды С. А. Соболевского и С. Д. Полторацкого автор этой книги.

Книжные коллекции, им принадлежавшие, сыграли исключительную роль в истории культурного развития России прошлого столетия (что касается библиотеки Полторацкого, то, как увидит читатель, время ее влияния удлиняется, так сказать, «назад и вперед»). Сами же библиофилы не то чтобы позабыты, но все же как-то оказались в тени, не избалованные общественным вниманием. Между тем, стоило несколько углубиться в подробности их

---

[1] Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков. М.—Л., 1960, с. 63—64.

[2] Алексеев М. П. Пушкин. (Сравнительно-исторические исследования). Л., 1972, с. 3.

жизни и библиофильской деятельности, как оба они сами повели автора по дорогам, для него подчас неожиданным. Очень скоро выяснилось, что содержание их коллекций, методология собирательства, взаимоотношения с культурной средой неотделимы от свойств личности каждого из них, и тогда главная тема книги определилась как «библиофилия и судьба».

Соболевский и Полторацкий не были революционерами, хотя каждый по-своему ненавидели мертвящий дух николаевской России, как святыню собирали и хранили запрещенные цензурой произведения Радищева, Пушкина, Рылеева, Герцена; они не были писателями (если не считать эпиграмм Соболевского), хотя библиографические труды и того и другого отличаются остроумием и глубиной; они были собирателями книг, и даже библиографическая работа для них не существовала без библиофильской. Но это лишь подтверждает важное значение книжного собирательства в истории культуры. Пример обоих библиофилов убеждает в том, что только общественная функция библиофильства (при всем многообразии его форм), только гуманистическая и просветительская роль в культурной жизни народа дает ему право на признание. Вне этой общественной функции библиофил неизбежно превращается в библиомана.

Помимо двух главных персонажей в книге появятся и другие библиофилы и библиографы; автор не стремился во что бы то ни стало «привязать» их к пушкинской поре — достанет и того, что без Пушкина, без выраженного отношения к Пушкину никакое собирательство у нас в XIX веке попросту было невозможно. Важно было показать Соболевского и Полторацкого в реальных взаимосвязях с другими книжниками, ибо, как писал М. Н. Куфаев, «действительная любовь к книге связала всех этих библиофилов в культурный прочный цех, где все насыщено атмосферой живительной силы книги, где ничего не предпринимается без проверки созвучия своего дела мыслям и делу других» [3].

---

[3] Куфаев М. Н. Пушкин — библиофил.— Альманах библиофила. Л., 1929, с. 100.

И еще два обстоятельства. Одно: герои первой и второй части — совершенно противоположные по характеру люди. Это проявлялось в их яростном библиографическом противоборстве, чаще всего дружеском, но иногда весьма резком, что дало возможность в какой-то мере выявить «библиофильские конфликты», которые, разумеется, в конечном счете неотделимы от противоречий общественных и литературных.

Второе: иногда считается, что библиография — дело кропотливое и скучноватое; библиофилия же — нечто вроде приятного развлечения. Соболевский и Полторацкий всей своей жизнью доказали, что, соединившись вместе, эти два рода занятий превращаются в *увлекательный труд*. Анатоль Франс писал: «Немало библиофилов знавал я на своем веку и убежден, что некоторым порядочным людям любовь к книгам скрашивает жизнь»[4]. Он не знал Соболевского и Полторацкого, но сказано это именно о них. Если читатель лишний раз убедится в том, что книги собирать не легко, а библиографией заниматься интересно, автор будет считать задачу выполненной.

* * *

В работе много цитат. Строго говоря, она в значительной степени написана Соболевским и Полторацким. Это определялось особенностями материала: огромными массивами неопубликованной или почти неопубликованной переписки и других архивных источников и разбросанностью даже той части наследия Соболевского и Полторацкого, которая когда-либо увидела свет. При этом автор стремился не к полной публикации документов, а лишь к раскрытию на их основе темы «библиофилия и судьба».

Помимо ряда статей, заметок и публикаций, использованы фонды С. А. Соболевского в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), С. Д. Полторацкого в

[4] Франс А. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1960, т. 8, с. 113.

Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (РО ГБЛ) и, в меньшей мере,— в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РО ГПБ). Кроме того, привлечена переписка их с другими библиофилами, находящаяся в упомянутых архивохранилищах, а также в Рукописном отделении Института русской литературы (Пушкинский дом), Ленинградском отделении архива АН СССР и Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

Книга иллюстрирована литографиями и гравюрами с видами Москвы и Петербурга, любезно предоставленными Государственным музеем А. С. Пушкина. Автор надеется, что эти иллюстрации, пусть и не связанные непосредственно с текстом, в какой-то мере помогут читателю проникнуться атмосферой русской истории прошедшего столетия.

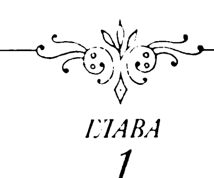
Автор благодарит сотрудников архивов, научный коллектив Государственного музея А. С. Пушкина, принимавший участие в обсуждении нескольких глав работы, а также И. К. Глаголеву и Е. В. Кунина, помогавших в переводе ряда текстов и в подготовке рукописи.

Часть первая

«НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЧИНИТЕЛЬ ВСЕМ ИЗВЕСТНЫХ ЭПИГРАММ»

ГЛАВА
1

ПУШКИН И СОБОЛЕВСКИЙ
(поэт и библиофил)

О Пушкине всегда хочется сказать слишком много, всегда наговоришь много лишнего и не скажешь всего, что следует.

В. О. Ключевский

ДАНЬ ПАМЯТИ

Автор не знает, нужно ли рассматривать первые страницы как пролог ко всему последующему или же как самостоятельный раздел текста. Знает лишь, что обойти затронутые здесь вопросы, рассказывая о Сергее Александровиче Соболевском, невозможно.

«Я твердо убежден, что если бы С. А. Соболевский был бы тогда в Петербурге, он по влиянию на Пушкина один мог бы удержать его. Прочие были не в силах» [1],— утверждал В. А. Соллогуб.

Писатель В. А. Соллогуб — один из заслуживающих доверия свидетелей последних месяцев жизни Пушкина, он был в числе получивших экземпляр анонимного пасквиля (сочинитель которого до сих пор так окончательно и не установлен); именно

В. А. Соллогуба избрал Пушкин секундантом первой, не состоявшейся, дуэли с Дантесом; вдобавок несколько ранее Соллогуб, по нелепой случайности, едва и сам не стал противником Пушкина на дуэли. Так что к его воспоминаниям, впервые прочитанным при вступлении в Общество любителей российской словесности, 23 марта 1865 г., а впоследствии неоднократно издававшимся, есть смысл прислушаться.

Личной приязни к Соболевскому Соллогуб не питал*, и это придает его воспоминаниям полную объективность.

С Соллогубом солидарен археограф и историк Павел Александрович Муханов (брат декабриста Петра Муханова), близкий знакомый и Пушкина и Соболевского, также полагавший, что «с Пушкиным не произошла бы катастрофа, если бы на то время случился при нем в Петербурге Сергей Александрович Соболевский. Этот человек пользовался безусловным доверием Пушкина и непременно сумел бы отвратить от него роковую дуэль»[2]. Муханов тоже имел конкретные резоны для такого суждения: однажды вместе с Соболевским он и сам помог расстроить дуэль Пушкина.

В талантливой, хотя небезошибочной и порой несколько безапелляционной по тону книге «Мериме в письмах к Соболевскому» А. К. Виноградов делает категорический вывод: «Твердо можно сказать одно, что устранив две дуэли Пушкина с Федором Толстым и Владимиром Соломирским (Виноградов не упоминает о третьей — с С. С. Хлюстиным.— *В. К.*) в годы

---

* В повести «Большой свет» Соллогуб не слишком-то доброжелательно изобразил Соболевского, да и тот относился к Соллогубу иронически. Как-то он «выстрелил» в него таким четверостишием:

Вчера я видел Соллогуба,
Как он солидно рассуждал,
И как ведет себя — ну любо!
Благодарю, не ожидал![3]

(Соллогуб был автором многих, одно время популярных легких куплетов с рефреном: «благодарю, не ожидал!»).

перед отъездом за границу, Соболевский, конечно, не допустил бы и роковой дуэли в 1837 г.»[4] Увы, утверждения, основанные на принципе «если бы», всегда опасны, а в данном случае просто не нужны*.

Рассуждать о том, в какой мере правы Соллогуб, Муханов и те, кто повторяет их слова, бесполезно. Интереснее проследить хотя бы отдельные эпизоды общения Пушкина с С.А.С.**. Их дружба основывалась не столько на совместных развлечениях и совместном посещении светских гостиных, Яра и Дюме (некоторые пушкинисты склонны были к подобной, явно упрощенной трактовке темы «Пушкин и Соболевский»), сколько на взаимной симпатии, некотором сходстве характеров, но более всего на несомненной общности интеллектуальных интересов, а в ряде случаев и литературно-общественной позиции.

---

* В последнее время версия о «гипотетической возможности» спасения Пушкина Соболевским получила несколько неожиданное литературное развитие. А. Дементьев пишет в «Комсомольской правде» 5/VI. 1977 г.:

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен
Сергеем Соболевским.
Его любимый друг
С достоинством и блеском
Дуэль расстроил вдруг.
Дуэль не состоялась,
Остались боль и ярость,
Да шум великосветский,
Что так ему постыл...
К несчастью, Соболевский
В тот год в Европах жил.

** В дальнейшем мы нередко будем в нашей книге так сокращать фамилию, имя и отчество Сергея Александровича Соболевского. Такое право дали нам Пушкин, впервые применивший это сокращение в предисловии к «Песням западных славян» в 1836 г., и сам Соболевский, пользовавшийся им постоянно.

Последнее же имеет прямое касательство к главной теме книги, ибо дух истинной гражданственности, гуманизма, высокого ума и не афишируемых чувств, который и называется «пушкинским», сформировал внутренний облик многих собирателей книг. «Их библиофильство,— по слову М. Н. Куфаева,— носило общественный характер, и собственно с этого времени русская библиофилия ведет свою историю» [5].

Трудно найти человека, который был бы более «представителен» для изучения отечественной истории книжного собирательства в XIX в., чем Соболевский. А ведь все началось с Пушкина...

Сам С.А.С. узнал о точке зрения Соллогуба тотчас же после обнародования его воспоминаний. Вот что писал он на следующий день М. Н. Лонгинову: «В одной из зал Нового университета... читал новый член Соллогуб воспоминания о Пушкине, Гоголе, Лермонтове; все это интересно, живо — совершенно новые подробности о дуэли и уверения, что будь тогда не за границею С.А.С., то он усмирил бы Пушкина и дуэли бы не было. Знай наших!» [6] Пусть читателя не смутит несколько ернический тон письма — это неотделимо от характера Соболевского.

Создается впечатление, что в последние годы жизни Соболевский и сам поверил в то, что он бы спас Пушкина. В 1924 г. В. М. Голицын, успевший повидать Соболевского в конце 60-х годов прошлого века, вспоминал: «Немало говорил он о Пушкине и о своих дружественных с ним отношениях. Между прочим, в памяти у меня сохранились его слова, что если бы он был в 1837 г. в Петербурге, он никогда не допустил бы рокового поединка, причем он как-то особенно на это напирал...» [7]

Страшные для русской культуры последние месяцы 1836 г. и первые месяцы 1837 г. никогда не оставляли Соболевского в покое. О смерти Пушкина узнал он в Париже, проводя вечер у А. Н. Карамзина, сына историка; Карамзин писал матери: «... этот человек, которого вы не любите, человек, щеголяющий

своей стоической бесчувственностью, плакал, глотая слезы, когда я ему показал ваше письмо» *[8].

Сразу же получил он письмо своего близкого друга и сотрудника по коммерческим предприятиям И. С. Мальцева: «Я должен сообщить тебе грустную весть, любезный Соболевский,— нашего милого и любезного Пушкина уже нет на свете. Он стрелялся со своим свояком Дантесом и через два дня после неизъяснимых мучений умер от последствия раны»[9].

Трудно удержаться и не вспомнить еще об одном письме, содержание которого стало известно Соболевскому в те же дни в Париже. Цитирую письмо Александра Ивановича Тургенева к брату Николаю от 7 (19) февраля 1837 г.: «Если встретишь Соболевского, то скажи ему или дай знать, что Пушк[ин] в первый день дуэля велел написать частные долги и надписал реэстр своей рукой довольно твердою. Тут и его долг, кажется 6 тыс. р. Следовательно он верно заплачен будет»[10]. Это был последний привет поэта. Не единожды С.А.С. выручал Пушкина в трудных материальных обстоятельствах, и не только Пушкина, но и М. И. Глинку, и П. В. Нащокина, и многих, многих своих друзей. В конце января 1836 г. Павел Воинович Нащокин писал Пушкину: «Скажи ему... (С.А.С.— *Авт.*), что я неблагодарным быть не умею, что я во всей силе чувствую его одолжение. Хотя ему это покажется неудовлетворительно как коммерческому человеку, но авось когда-нибудь сделается банкрут: тогда мы ему на деле постараемся доказать не коммерческую, а человеческую благодарность...»[11] (увы, когда С.А.С. «сделался банкрут», давно не было в живых ни Пушкина, ни Нащокина). И вот смертельно раненный Пушкин занес имя Соболевского в список своих кредиторов.

В ближайшие дни после получения горестной вести, не зная еще обо всех подробностях, непосредственно связанных с

---

* Это был ответ на замечание Е. А. Карамзиной: «Твои дружеские связи с Соб[олевским] мне не очень-то улыбаются, обнаженность хотя бы его цинизма смущает меня за тебя»[12].

гибелью Пушкина, С.А.С. принялся за письмо, которое первоначально предназначал В. А. Жуковскому, а потом передумал и переменил адресата: зачеркнул «В. А. Жуковскому» и написал «П. А. Плетневу». Этот интереснейший документ, из которого можно в какой-то мере понять и глубину истинной привязанности Соболевского к Пушкину, и характер их взаимоотношений, и наконец, особенности личности автора письма, был опубликован только однажды полвека назад[13]. Письмо это длинно. Приведем из него выдержки:

«Любезный Петр Александрович

Третьего дня получили мы роковое известие о бедном нашем Пушкине. Первые минуты отданы нашему горю, но теперь дело не в том, чтобы горевать о нем; дело в том, чтобы быть ему полезным во оставшихся после него. Государь обещал умирающему свое попечение о детях. Отец он добрый! но у этого отца сирот много; он может оградить Пушкиных от недостатка, но уделить им избытка на счет прочих он не может. Это бы дело России, а наше дело подстрекнуть, вызвать Россию на это!..»

С присущей ему практической хваткой С.А.С. в деталях продумал сложный финансовый план (снабдив его конкретными расчетами), который, как он надеялся, обеспечит будущее детей Пушкина.

«После покойного, вероятно, осталась бездна переплетенных и непереплетенных тетрадей, записок и записочек... Найдется многое, не имевшее продолжения, но уже полное само собою. Я желал бы, господа, чтобы вы оставили это до моего приезда, до мая. Я знаю многое, чего не знают другие и мог бы быть полезным в этой переборке!..»

Он не только многое знал, но немало хранил у себя черновиков, отрывков, записочек Пушкина, твердо следуя собирательскому правилу «ничего не выбрасывать». Однако недооценил оперативности ведомства Бенкендорфа — Дубельта. Эти господа и не подумали «ждать до мая».

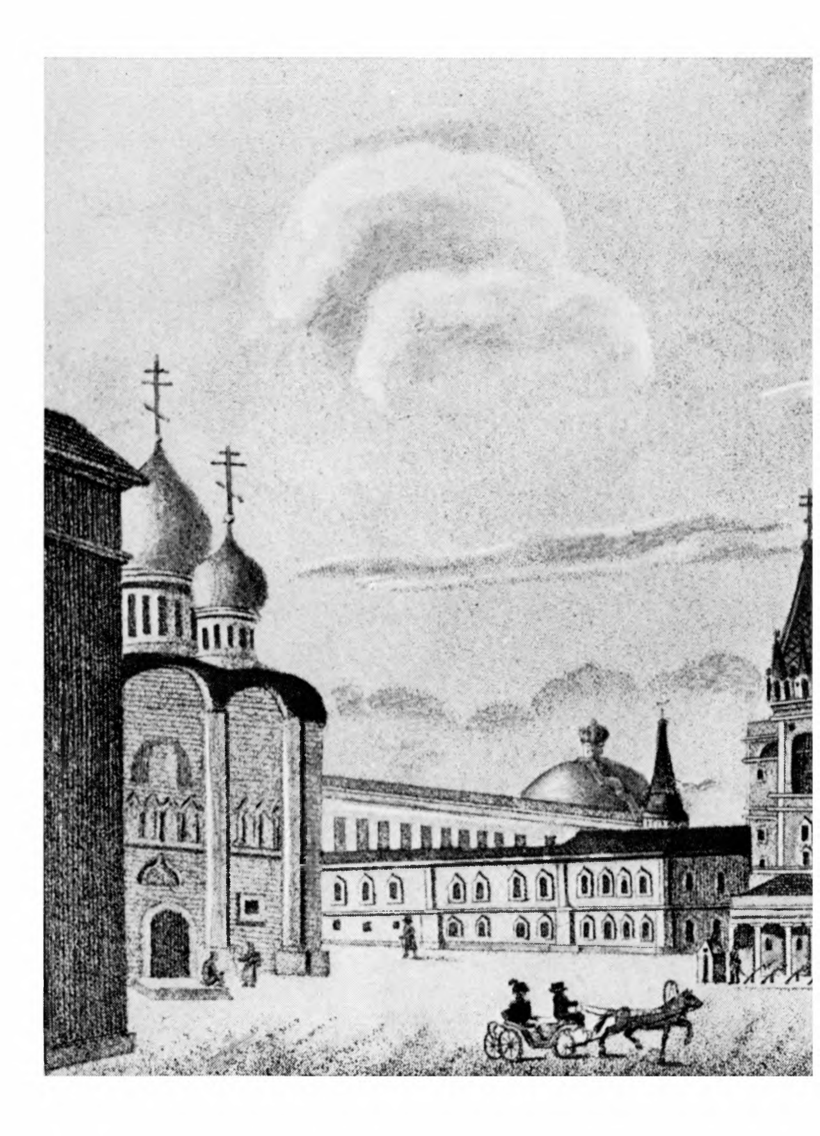
«В отдаленных местах людям давно умершим, Державину и Карамзину, людям умершим просто, оставившим обеспеченные семейства, спустя долго после их смерти вздумали поставить монументы. На эти монументы собираются деньги, и хотя ни Державин, ни Карамзин никогда не были так народны, так завлекательны, как Пушкин, хотя они давно умерли и умерли тихо, хотя монументы поставятся там, где их большая часть поставителей не увидят, хотя правительство (всем добрым у нас руководствующее) в это дело мешалось не горячо или даже вовсе не мешалось, собраны значительные суммы. Неужели напротив того подписка не суетная, а истинно полезная, подписка не на камни, а на хлеб, в пользу имени народного, в горячности первого горя сделанная, распоряжаемая теми, в ком время не простудит его, подписка, которая должна быть отражением народной нашей гордости... не принесет многого и очень многого? Пушкин сказал бы: с мира по ниточке, бедному рубашка...

Да не будет однако же подаянием! Бог сохрани нас от этого. Пока мы живы, дети Пушкина нищими не будут, но да будет это изъявлением русской благодарности к тому, кто так долго и так разнородно нас тешил; да будет это, как я сказал, монументом незабвенному, а за материальным монументом недостатка не будет. Его имени на простом камне довольно...»

Если бы нужно было вывести формулу отношения С.А.С. к Пушкину и ко многим своим знаменитым друзьям — глубокого понимания, чуждого малейшей аффектации и всякой позы, стоило бы выбрать именно эту последнюю фразу.

«... Александра Осиповна (Россет-Смирнова), Гоголь, Карамзин и я горюем вместе; бедный Гоголь чувствует, сколько Пушкин был для него благодетелем; боюсь, чтобы это не имело дурного влияния на литературную его деятельность...»

В каждой строчке письма обнаруживается характер самого Соболевского, его пристрастия и антипатии, его стиль — деловой, конкретный, лишенный какой бы то ни было внешней сентиментальности. Ниже следует его оценка Наталии Никола-

евны Пушкиной, допускаю, не во всем обоснованная, но искренняя и потому важная как свидетельство современника.

«... Еще повторяю: пользуйтесь первым горем жены, чтобы взять ее в руки; она добра, но ветренна и пуста, а такие люди в добре ненадежны, во зле непредвиденны... Пушкин, умирая, был к ней добр и благороден; большим охотником я до нее никогда не был, но крепко-крепко верую с ним вместе, что она виновата только по ветренности и глупости; а от ветренности и ребячества редкие и с тяжелых уроков оправляются. Государь верно даст достаточно на ее содержание, но без прихотей и без роскоши; а она к прихотям и роскоши привыкла...»

Всему этому, как говорилось, сопутствуют в письме С.А.С. подробнейшие выкладки, связанные с имущественным положением Пушкина, которое он хорошо знал, ибо в 1833—1836 годах «руководствовал» поэта в хозяйственных делах. И над всем этим главная цель: обеспечить будущее вдовы и сирот.

Но мы ни в коей мере не собираемся выбросить из письма ту часть, которая покажется теперь парадоксальной и странной не только историку книги и литературы, но и каждому из нас.

«... Библиотека Пушкина многова не стоит; эта библиотека не ученая, не специальная, а собрание книг приятного, общеполезного чтения; книги эти постоянно перепечатываются, делаются издания и лучше и дешевле; очень немногие из них годятся в библиотеки публичные. И так не думаю, чтобы их могло купить какое-нибудь правительственное место; а надобно их продать с аукциона, продать наскоро.

Для таких обыкновенных книг аукционная продажа выгодна, по незнанию толка в книгах публики. Книги же лучшие, солидные, стоющие денег, на этих же аукционах разберем подороже мы сами... Надобно только, выдавая книги, просматривать, нет ли в них вписанного или отдельных записок».

Как мог библиофил до мозга костей, человек, едва ли не родившийся с книгой, собравший уже к тому времени превосходную библиотеку, друг Пушкина, участвовавший, как увидим дальше, во многих его книжных покупках и книжных беседах,

как мог он так отнестись к библиотеке Пушкина? Что было бы, если бы совет его был принят и мы лишились и самой библиотеки — несравненного источника для исследования отечественной культуры прошлого столетия, и описания Б. Л. Модзалевского, необходимого пособия для каждого, кто приступает к изучению пушкинской поры? Кажется, никогда больше библиофил С.А.С. не совершал столь тяжелой ошибки, хотя еще раз в жизни подобную же «утилитарную» оценку одной превосходной библиотеки ему пришлось произвести. Но то были другие обстоятельства и другие цели. Однако дело все-таки не в ошибке и тем более не в том, что С.А.С. недооценивал роль библиотеки большого писателя для понимания его личности и его творчества (уж кого-кого, а Соболевского в таком невежестве не упрекнешь!). Весь вопрос в «угле зрения». С.А.С. в то время активно занимался коммерческой деятельностью, которая, как он рассчитывал, должна была принести и пользу отечеству, и материальную независимость ему самому, а значит, способствовать и независимости внутренней. Искренне стремясь помочь семейству Пушкина, он, когда писал это письмо, на время как бы забыл о своей библиофильской, так сказать, ипостаси (впрочем не совсем — он ведь собирался приобрести наиболее важные, «солидные» книги). Судить ли его за эту забывчивость? Вопрос риторический, ибо, к счастью, его не послушались.

Вот последние строки этого горького и делового письма-эпитафии и письма-автохарактеристики: «Все, что мы знаем об приготовившем страшное событие, для нас темно и таинственно; о мужественной смерти нашего друга знаем мало и не подробно. Не ленись, милый Плетнев, и пиши мне об этом; тут лень — жестокость.

Мало остается тех, для кого (кроме дел) есть охота возвращаться в Россию и то с каждым днем меньше».

Как бы то ни было, вернувшись из этого путешествия, С.А.С. сразу же начал свою собирательскую и справочно-библиографическую деятельность по отысканию и публикации

пушкинского наследия: он отдал П. А. Плетневу для «Современника» наиболее важные и завершенные отрывки из тех поэтических произведений Пушкина, которые у него хранились. Это был первый вклад Соболевского в пушкиниану, а сколько было их за оставшиеся ему 32 года жизни — и не счесть! 27 февраля 1838 г. П. А. Плетнев обратился к В. А. Жуковскому, как одному из членов опеки Пушкина, с письмом:

«М[илостивый] Г[осударь] Василий Андреевич!

Сергей Александрович Соболевский, бывший, как известно Вашему превосходительству, в самых близких сношениях с покойным Александром Сергеевичем Пушкиным, препроводил ко мне тетрадь с несколькими вариантами из «Евгения Онегина» и еще двумя-тремя небольшими стихотворениями Пушкина, которые автор не внес в собрание сочинений своих. Г. Соболевский, полагая, что эти пьесы, хотя и забракованные сочинителем, не должны пропасть для публики, предлагает мне их напечатать в «Современнике»...»[14]

После различных недоразумений и хлопот стихи эти действительно появились в 9-й книжке «Современника» на 1838 г.

И еще одну дату 1837 года стоит здесь вспомнить: 10 апреля, 60-й день со дня смерти Пушкина. В этот день в предместье Парижа Сен-Жермен на Вальдэ Марэ № 18 встретились два друга великого русского поэта — Адам Мицкевич и Сергей Соболевский. Отголоски их разговора — в статье Мицкевича, напечатанной в газете «Глоб» 25 мая 1837 г. То был один из первых откликов на смерть Пушкина, отмеченных пониманием истинного масштаба этой потери.

Всю жизнь не оставляла Соболевского мысль о том «темном и таинственном», что «приготовило смерть Пушкина». Во время последнего, пятого путешествия за границу, в начале 60-х годов, он предпринял своего рода частное расследование. Как известно, долгое время тень подозрения в сочинении пасквиля падала на И. С. Гагарина, русского князя, перешедшего в католичество и ставшего иезуитом. Самый этот поступок связывали с раскаянием Гагарина в содеянном. В 1861 г. в Италии

«старинный русский знакомый» расспрашивал Гагарина о всех обстоятельствах этого дела и получил достаточные подтверждения его невиновности и в то же время явной, по его мнению, причастности к составлению и рассылке пасквиля князя П. В. Долгорукова.

В письме из Москвы С. М. Воронцову, сыну «пушкинского» полумилорда, этот старинный знакомый — Сергей Александрович Соболевский рассказывал: «Находясь в последний раз в Петербурге, я обращался ко многим лицам, которые в свое время получили циркулярное письмо (анонимный пасквиль.— *Авт.*). (NB. сам я находился тогда, к несчастию, в Париже). Я не нашел его нигде в подлиннике, так как эти лица его уничтожили; если подлинник и находится где-нибудь, то только у господ, мне незнакомых, или, вернее всего, в III Отделении, куда я не намерен обращаться»[15].

Тогда же, в 1860 г., в Париже С.А.С. встретился с Дантесом-Геккереном. Сам, может быть, того не сознавая, он пришел к Дантесу от имени России, как приходили те немногочисленные русские, с которыми пришлось после отъезда из России встретиться убийце Пушкина. На прямой вопрос об его отношениях к Н. Н. Пушкиной Дантес ответил с циничным бахвальством, еще раз обнаружив свою истинную сущность. История той поездки С.А.С. и бесед о 37-м годе в 60-м была не слишком-то известна в России. Но все же известна. Вот что писала, например, об этой поздней встрече двух пожилых людей — друга Пушкина и его убийцы — Марина Ивановна Цветаева: «Какая страшная посмертная месть Дантесу! Дантес жил — Пушкин рос. Тот поднадзорный и дерзкий литератор, запоздалый камер-юнкер, низкорослый муж первой красавицы, им убитый, превращался на его глазах в первого человека России, не «шел в гору», а в гору — вырастал. «Дело прошлое», так начал Соболевский свой вопрос — в упор — Дантесу (на который солгал или нет — Дантес?) В том-то и дело, что делу этому никогда не суждено стать прошлым. Дантесу «освежала в памяти» Пушкина вся Россия»[16].

Весьма вероятно, что среди прочих тем и эта обсуждалась 26 октября 1860 г. на дружеском обеде в Париже тремя собеседниками. Эти трое — Иван Сергеевич Тургенев, Проспер Мериме, Сергей Александрович Соболевский. Во всяком случае Мериме воспринял отношение С.А.С. к Дантесу, как воспринимал многие его оценки русских событий. Французский писатель называл Дантеса «плутом, набившим руку на дуэлировании после убийства Пушкина».

В цитированном уже письме к Воронцову С.А.С. писал: «Мне только что сказали, что Дантес-Геккерен хочет начать другое дело с Д[олгоруковым] и что он намеревается доказать, что именно Д[олгоруков] составил подлые анонимные письма, следствием которых была смерть моего друга Пушкина. *Благоволите сообщитъ мне, дошло ли до вашего сведения это намерение Дантеса и сообщите об этом во всех подробностях*»[17]. Трудно отказаться от предположения, что безнадежное дело о своей «реабилитации» Дантес собрался начать под влиянием встречи с С.А.С., убежденным в виновности Долгорукова.

В истории нашего пушкиноведения были ученые, до такой степени глубины знавшие жизнь Пушкина, его сочинения, эпоху и людей, его окружавших, что их выводы и наблюдения можно рассматривать почти так же, как свидетельства современников поэта. Одним из таких пушкинистов был Борис Львович Модзалевский. А он считал, что «человек очень рассудительный и тонкий, а в то же время вполне уравновешенный и „деловой“»[18], Соболевский был ближайшим образом заинтересован в отыскании настоящего виновника смерти Пушкина. Оценка Модзалевского особенно важна потому, что характеристики Соболевского, разбросанные в сотнях малоизвестных статей, заметок, документов, мемуаров, писем, не только противоречивы, но и очень часто отрицательны. Так что С.А.С. приходится защищать. Такую защиту, начатую А. К. Виноградовым, в какой-то мере, может быть, продолжит и эта работа.

Разумеется, данные, собранные С.А.С. во время частного расследования, им предпринятого, впоследствии были уточне-

ны, но сейчас нам важен сам этот человек, которому и в 1860-х годах не давал покоя 1837-й...

Соболевский не оставил подробных воспоминаний о Пушкине. Он оказался в числе тех близких знакомых поэта, которые, по мнению многих историков, остались в неоплатном долгу перед его памятью. Прибегнем опять к Б. Л. Модзалевскому: «Действительно, что сделали для этого такие признанные друзья и приятели Пушкина, как Вяземский, Жуковский, Тургеневы, Плетнев, Нащокин, Соболевский, Погодин, брат поэта Лев Пушкин, его отец и сестра Павлищева?.. И кто из них позаботился собрать для нас что-либо цельное, существенное, важное?.. Мы имеем от них лишь жалкие крохи, как будто они не знали, что им следовало рассказать нам о Пушкине?»[19] Слова эти продиктованы горячей любовью к Пушкину и болью одного из тех ученых, кому мы обязаны многими документами и фактами, которые с большей легкостью и достоверностью могли бы сообщить потомкам близкие друзья Пушкина. И все же... Модзалевский не совсем прав. В конце концов «дань памяти» может быть разной, что в какой-то степени можно проследить на примере Соболевского.

Он, по крайней мере, трижды аргументировал свой отказ от сочинения подобных мемуаров. Первый раз в письме к М. П. Погодину 15 января 1852 г.: «...ведаю, коль неприятно было бы Пушкину, если бы кто сообщил современникам то, что писалось для немногих или что говорилось или не обдумавшись или для острого словца, или в минуту негодования в кругу хороших приятелей»[20]. Может быть, С.А.С. отчасти и прав, если вспомнить, например, что говорил сам Пушкин в известном письме к Вяземскому о подробностях жизни Байрона.

Как бы то ни было, Соболевский на своей позиции настаивал. Второй раз он сформулировал ее в письме к М. Н. Лонгинову (1855 г.): «Публика, как всякое большинство, глупа и не помнит, что и в солнце есть пятна; поэтому не напишет об покойном никто из друзей его, зная, что если выскажет правду, то будут его укорять в недружелюбии из-за каждого верного и

совестливого словечка; с другой стороны, не может он часто, где следует, оправдывать субъекта своей биографии, ибо это оправдание должно основываться на обвинении или осмеянии других еще здравствующих лиц. И так, чтобы не пересказать лишнего или не досказать нужного, каждый друг Пушкина обязан молчать»[21]. Точка зрения С.А.С., высказанная здесь с наибольшей ясностью, более чем уязвима. Укажем хотя бы на одно противоречие: автор письма смешивает вопрос о написании мемуаров с вопросом о разумном выборе времени для их опубликования. Между тем, окажись в огромном и разнообразном архиве Соболевского еще и записки о Пушкине, им бы цены не было: ведь архив стал доступен исследователям по сути дела только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако и С.А.С. постепенно менял позицию. Вот третье его высказывание на ту же тему, обнаруженное в архиве Г. Н. Геннади. В связи с появлением в печати первого тома Анненковского собрания произведений Пушкина (1855 г.), содержавшего первую подробную биографию поэта, С.А.С. писал: «Биографией Пушкина я чрезвычайно доволен; изданием тоже. Надеюсь, что мы вызовем теперь многих на добавки, анекдоты и так далее, что каждому легче и удобнее по готовой канве. Одни мы только, близкие друзья покойного (Плетнев, я и несколько других) будем продолжать молчать, ибо нам неприлично пользоваться, для увеселения публики, дружескою доверенностию покойного»[22]. Круг «молчальников», как видим, несколько сужается, и сам пуритански настроенный Соболевский, пожалуй, склонен выйти из этого круга.

Да и как не выйти тому, в чьей квартире был обронен листок с привезенным из Михайловского «Пророком», у кого состоялось первое чтение (самое первое!) «Бориса Годунова»? Как уйти из жизни, промолчав, тому, на чьих глазах создавалось послание, названное потом «В Сибирь», кто, не нарушая тайны, хранил самый верный список «Гавриилиады», а все остальные, по поручению автора, уничтожал? Как устраниться от воспоми-

Квартира С. А. Соболевского на Собачьей площадке в доме Ринкевича, где в 1826—1827 гг. жил А. С. Пушкин. С рисунка 1930-х годов.

наний человеку, коему довелось быть рядом с Пушкиным и в первый день его приезда в Москву после 15-летнего отсутствия, и в дни, когда зарождался замысел «Медного всадника», и в день, когда состоялось знакомство Пушкина с Дантесом?

Конечно же, Соболевский нарушил свой собственный запрет: в 1867 г. он написал письмо-воспоминание М. П. Погодину, не возражая против его публикации (правда, Погодин так его отредактировал, что подтвердил худшие представления С.А.С. о мемуарах и мемуаристах); теперь, наконец, это письмо (по тексту подлинника) заняло свое место в двухтомнике воспоминаний о Пушкине. Хочется все же привести хотя бы часть его:

«Ваше превосходительство, *заезжайте в кабак*! Я вчера там был, но меда не пил. Вот в чем дело.

Мы ехали с Лонгиновым через Собачью площадку; сравнявшись с углом ее, я показал товарищу дом Ринкевича (ныне Левенталя), в котором жил я, а у меня Пушкин; сравнявшись с прорубленною мною дверью на переулок, видим на ней

вывеску: *продажа вина и прочее.*—Sic transit gloria mundi!!!* Стой, кучер! Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич в... (как называется тулуп с мехом кверху??) Вот где стояла кровать его, на которой подле него родила моя датская сука, с детьми которой он так нежно возился и нянчился впоследствии; вот *то место*, где он выронил (к счастию, что не в кабинете императора) свои стихотворения о повешенных, что с час времени так его беспокоило, пока они не нашлись!!!... В другой стране, у бусурманов, и на дверях сделали бы надпись: *здесъ* жил Пушкин! — и в углу бы написали: *здесъ* спал Пушкин! — и так далее» **[23].

В 1870 г., последнем в своей жизни, С.А.С. напечатал в «Русском архиве» статью «Таинственные приметы в жизни Пушкина» (этот важный документ также опубликован в двухтомнике воспоминаний). Но еще более ценными мемориями представляются десятки историко-литературных, биографических и библиографических сообщений, замечаний, поправок, возражений, сделанных Соболевским на полях тетрадей одного из первых пушкинистов Петра Ивановича Бартенева, а также в письмах к М. Н. Лонгинову, С. Д. Полторацкому и другим корреспондентам; наконец, Соболевскому принадлежит заслуга публикации ряда текстов Пушкина (или вариантов к ним), оказавшихся у него в руках. Подробный рассказ обо всех таких случаях занял бы значительно больше места, чем наша книга. Отметим лишь, что эта работа Соболевского была частью того, что больше всего нас интересует: целенаправленного собирательства, подчиненного четко им поставленной и строго (для

* Так проходит слава мирская (*лат.*).

** Того дома теперь нет. Но в нескольких кварталах от бывшей Собачьей площадки открыт Государственный музей Пушкина, а еще ближе, на старом Арбате, готовится к открытию его филиал — мемориальный музей-квартира.

себя, по крайней мере) сформулированной цели. Эта особенность Соболевского-библиофила придает особый интерес всем его собирательским замыслам, процессу и итогу их осуществления и ставит его на одно из первых мест среди библиофилов и библиографов пушкинского и послепушкинского периодов в истории русской культуры.

Ну, а как же насчет связных воспоминаний? Похоже, что С.А.С. приступил и к ним, да, видимо, оборвал на полуслове. В 1924 г. М. Д. Беляев опубликовал сохранившийся отрывок рукописи С.А.С., найденный в архиве Лонгинова. Книжка эта редка, и публикация, насколько известно, не повторялась. Вот (в сокращении) этот текст, рассказывающий о первом знакомстве с Пушкиным:

«Тогда Пушкин не был еще знаменитостью; разницы между нами было мало: три года по летам* и та, которая существует между кончившим курс и школьником. В 1818 году отвезли меня в Петербург и отдали в Благородный пансион при Педагогическом университете (описка: институте.— *Авт.*). В первый же день подходит ко мне кудрявый мальчик, говорит мне, что он родной племянник Василья Львовича, что В. Л. пишет к его отцу обо мне и что он меня познакомит с семейством и с братом, недавно вышедшим из Царскосельского лицея.

Так действительно и было; Александр Сергеевич часто приходил к брату; мы сходились большей частью у Кюхельбекера, учившего нас русской словесности и жившего, вместе с М. И. Глинкою, в мезонине над пансионом. Отличительною чертою Пушкина была память сердца; он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу, особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценил добрые советы, данные ему вовремя, не в перекор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и

* С. А. С. ошибается: он был моложе на четыре года и три месяца.— *Авт.*

основанные не на общих местах, а сообразно с светскими мнениями о том, что есть честь, и о том, что называется честью...

...Для тех, которым все это мало известно, расскажу в коротких словах, как Пушкин и я познакомились, сблизились и остались близкими друг к другу...»[24]

С грустью думаешь, что через несколько строк воспоминания Соболевского обрываются. Но и в том, что здесь написано, видны и истоки дружбы Пушкина и С.А.С., и основные черты характера, их сближавшие, и даже набросок ответа на замечание Соллогуба — таким ответом и должны были стать эти воспоминания, ответом не шутливым, не ерническим, а серьезным, по существу. Но не написал — ни в этот раз, ни после, а лишь использовал эти мысли еще в одном письме, которое прибережем для расставания с Соболевским.

Знакомство «через кудрявого мальчика» Льва Пушкина, завязавшееся в пансионе, спервоначалу оказалось недолгим. Но уже тогда оно было не просто приятельским, но и деловым — литературным (19 декабря 1818 г. С.А.С. сообщил в письме отцу, что А. С. Пушкин поручил ему распространять подписные билеты на сборник своих стихотворений. Правда, издание это не состоялось).

Объединяла тогда Соболевского с Пушкиным и глубокая привязанность к Кюхельбекеру. В архиве С.А.С. сохранилось письмо Вильгельма Карловича. Оно было написано, когда С. А. С. пытался добыть вышедшему в отставку другу Пушкина место домашнего учителя в доме своего отца. Кюхельбекер отвечал на это 5 сентября 1822 г.: «... вы знаете мои обстоятельства и знаете, что я вас люблю и что всякая связь с людьми вам близкими должна быть для меня привлекательна.— Итак, вы можете сказать А. Н. Соймонову, что я готов приехать к нему в Москву или куда скажет, немедленно по получении от вас ответа. Лаконический ваш вопрос: что я возьму на год? на первый случай оставляю без разрешения: вы знаете, как я ненавижу математические задачи. Пусть

А. Н. Соймонов потрудится на этот раз быть не только вашим, но и моим опекуном...* Благодарить вас, любезный Соболевский, за ваше дружеское старание я не стану: я был уверен, что вы готовы были все сделать для меня, что было в ваших силах. Но поверьте, что ваша ко мне привязанность, привязанность некоторых ваших товарищей одно из немногих утешений, которые в жизни имею... Благодарю судьбу, что помощью обязан вам, юноше, которого прекрасному развитию и я, быть может, несколько способствовал»[25]. Попытка Соболевского помочь Кюхельбекеру не удалась, но связи с пушкинским кругом остались навсегда; здесь и П. А. Плетнев, и братья Виельгорские, и П. В. Нащокин, и В. Ф. Одоевский, и З. А. Волконская и многие другие.

И еще один любопытный документ связан с этим периодом. Он важен и как первое известное упоминание Пушкина о Соболевском, и по некоторым другим причинам. Это письмо Пушкина к Александру Ивановичу Тургеневу от 9 июля 1819 г.:

«Вот вам на память послание Орлову; примите его в ваш отеческий карман, напечатайте в собственной типографии и подарите один экземпляр пламенному питомцу Беллоны, у трона верному гражданину. Кстати о Беллоне: когда вы увидите белоглазого Кавелина, поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевского, воспитанника Университетского пансиона. Кавелин притесняет его за какие-то теологические мнения и достойного во всех отношениях молодого человека вытесняет из пансиона, оставляя его в нижних классах, несмотря на успехи и великие способности. Вы были покровителем Соболевского, вспомните об нем и — как кардинал племянник — зажмите рот доктору теологии Кавелину, который добивается в инквизиторы»[26].

---

* В. К. Кюхельбекер, конечно же знавший, что речь идет об отце Соболевского, проявляет в высшей степени ему свойственную деликатность.

Здесь интересна и характеристика С.А.С. в юные годы (между прочим, в пансионе он благодаря Тургеневу остался), и роль Тургенева, множество раз выступавшего заступником и ходатаем по делам Пушкина и его друзей. И еще одно. Препровождая с этим письмом стихотворное послание А. Ф. Орлову («О ты, который сочетал...»), Пушкин, хоть и в шутку, высказывает чисто библиофильскую идею об издании единственного подносного экземпляра своего стихотворения. Совпадение ли, что в письме, в котором упоминается будущий крупнейший русский библиофил и которое адресовано великому энтузиасту — собирателю книг и документов по русской истории, высказана подобная мысль? Разумеется, совпадение. Но все-таки не совсем совпадение. Во-первых, Пушкин исключительно тонко — это общеизвестно — чувствовал стиль и интересы собеседника или, как в данном случае, адресата, а во-вторых, не отразились ли в этом письме, пусть косвенно, какие-либо беседы библиофильского характера, которые вел Пушкин с Соболевским? Впоследствии мы будем отмечать библиофильское влияние С.А.С. на Пушкина. Однако не было ли в тот самый ранний период увлечения Соболевского «магией книги» и некоей обратной связи? Иначе говоря, не исключено, что сами-то библиофильские интересы С.А.С. формировались под влиянием Пушкина. Как бы то ни было, но письмо, в котором Пушкин впервые упоминает имя С.А.С., — не только деловое и дружеское, но и библиофильское.

Этим сведения о первом периоде знакомства Пушкина с Соболевским почти исчерпываются. Впоследствии С.А.С. вспоминал, что, уезжая из Петербурга в ссылку, Пушкин оставил брату Льву и ему, Соболевскому, «Руслана и Людмилу» для переписки и передачи издателю («Много было труда разбирать шестую песнь, не перебеленную сочинителем»[27], — отмечал С.А.С.). Несомненно, что постоянное общение со Львом Сергеевичем и семейством Пушкиных обеспечивало Соболевскому, так сказать, полную информацию о поэте на протяжении всей его ссылки.

CURRICULUM VITAE *

Остановимся ненадолго, чтобы сообщить читателю самые основные вехи биографии Сергея Александровича Соболевского, без чего будет трудно разобраться и во взаимоотношениях его с Пушкиным, и в библиофильской деятельности, и в библиографических трудах.

Родился он 10 сентября 1803 г. в Риге, детские годы провел в Москве. Был он, как иногда пишут, «побочным сыном своих родителей». Пушкин с трогательным сочувствием относился к этому обстоятельству, которое омрачало жизнь Соболевского, особенно в молодости (сам С.А.С. говорил: «Я заклеймен несчастным прозвищем сына любви»). Если верить воспоминаниям племянника Пушкина Л. Н. Павлищева (который вообще далеко не всегда правдив), Пушкин «применял» к Соболевскому лицейский свой «Романс»:

Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;

Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня...

В целом характеристика, которую дал Соболевскому племянник Пушкина в своих «мемуарах», во многом верна, хотя, может быть, и наивна. Л. Н. Павлищев писал: «Под маской

* Жизнеописание (*лат.*).

напускной веселости, выражающейся в сатирическом взгляде на общество и забавных выходках, порою доходивших до известного рода цинизма, С. носил в душе своей чувства теплые, возвышенные и, как принято теперь называть, «гуманные», точнее скажу по-русски — «человеческие», щеголять которыми С.А. находил совершенно не нужным. Обожая свою несчастную мать, всегда готовый на помощь друзьям и делом и добрым благоразумным советом, а нуждающимся оказывая поистине христианское милосердие, С. «пришел, увидел, победил» сердце моего дяди; бичуя же беспощадной сатирой всякого, кто имел низость ставить С.А. в укор, что он дитя любви, С.А. заставлял этих господ кланяться ему, что называется, ниже карманов»[28].

Отец его Александр Николаевич Соймонов принадлежал к числу тех богатых и знатных вельмож, которые занимали высокое положение при дворе Екатерины II, но были устранены или устранились сами от всякой государственной деятельности при Павле I. Это о таких, как он, писал Пушкин: «Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству»[29]. В год, когда родился Сергей Александрович, отец его был еще холост, а мать — Анна Ивановна Лобкова, внучка знаменитого обер-коменданта Петербурга С. Л. Игнатьева, уже овдовела. Так что и сыном он был как бы не совсем незаконным. Но вышло все же так, что судьбы свои его родители не соединили и прожили многие годы «параллельно» на одной улице — Малой Дмитровке, да в домах разных. А. Н. Соймонов вскоре женился на Е. А. Левашовой, у него были две дочери и сын. Дом Соймоновых на Малой Дмитровке стал одним из подлинных культурных центров Москвы: многие годы там устраивались музыкальные вечера, в которых принимала участие старшая дочь хозяина дома Екатерина Александровна, обучавшаяся пению в Италии; младшая — Сусанна Александровна — была способной художницей. С.А.С. любил сестер и заботился о них после смерти отца, о чем свидетельствует пачка родственной

переписки, хранящаяся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея.

«Сыну любви» был выбран польский герб Slepowron (Слепой ворон), принадлежавший вымершему роду Соболевских, и куплено дворянское звание*. С. А. С. любил шутить, что «слепая ворона залетела с берегов кофейной Вислы, где рожи очень кислы, к обитателю лазурных невских вод». (Некоторые приятели шутя обращались к С. А. С.: «Ваше Высокослеповронство».) Впрочем, С. А. С. все же отыскал гербу Slepowron полезное применение: он сделал рисунок герба основой своего экслибриса (имеющегося в нескольких вариантах — но непременно с гербом) и тем его обессмертил, иначе не попасть бы скромному гербу польских шляхтичей в крупнейшие библиотеки мира: Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, Публичную им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Британский музей, Лейпцигский университет и другие.

С отцом С. А. С., выйдя из отроческого возраста, сохранял довольно прохладные отношения. Мало кто в Москве не знал, что он сын этого знаменитого на весь город старика, высокого, стройного, с живыми, необычайно большими глазами, и все лицемерили, делая вид, что молодой Соболевский к старому Соймонову никакого отношения не имеет. Мать свою С. А. С. нежно любил. Именно она заботилась о его домашнем воспитании, которое вполне отвечало духу времени. «Сперва мадам за ним ходила», о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве книга «расходов при мадами». Расходы были такие: бедной женщине — 25 к., за мыло духовое — 50 к., а вот за книгу Fables de Lafontaine — 4 р. 50 коп. При сменившем мадам месье статьи расходов типа «за клучик», «за ножичек», «за игрушки для

* Так что автор книги «Потаенный Радищев» Г. Шторм был введен в заблуждение собеседником, назвавшим себя «дальним родственником пушкинского Соболевского». Женат С. А. С. не был и родственников Соболевских иметь не мог. (См.: Шторм Г. Потаенный Радищев. М., 1968, с. 247).

Катиньки» постепенно совсем уступили место тратам на книги[30]. Скажите после этого, что человек не рождается библиофилом, если в десятилетнем возрасте он заботится «об особых переплетах»! В детстве Сергей Александрович, окруженный «раздельными» попечениями обоих родителей, видно, и не чувствовал себя обделенным судьбой. Вот один из первых его стихотворных опытов:

В любезном здесь сижу уединеньи;
Пишу к тебе, отец, наставник мой.
Родители, как милы привиденья,
Ваших теней толпится скорый рой![31]

Домашнее воспитание сменилось, как мы уже знаем, пребыванием в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте, где среди соучеников Соболевского были Лев Пушкин, Михаил Глинка, Павел Нащокин, Николай Мельгунов и другие, а в число наставников входили, помимо Кюхельбекера, А. П. Куницын и А. И. Галич, те, кому отдал «дань сердца» лицеист Пушкин. Выпущен из пансиона С. А. С. был в 1821 г. по II разряду с правом на чин XII класса и определен на службу в Московский архив государственной коллегии иностранных дел. Здесь, в архиве, и составился кружок любомудров (философов), к которому принадлежали В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитинов, А. В. Веневитинов, А. И. Кошелев, братья Киреевские. Сам С. А. С. был также близок к любомудрам, хотя уже тогда, а позже — особенно, держался в стороне от каких бы то ни было кружков. А. И. Кошелев вспоминал: «Архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи, и звание «архивного юноши» сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попали в стихи начинавшего тогда входить в большую славу А. С. Пушкина»[32]. Стихи эти помнят все:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорят.

Но все ли помнят черновой вариант пушкинского «Опровержения на критики»: «А [шутка] неправильное выражение *Архивны юноши* принадлежит не мне, а приятелю моему С[оболевском]у?»[33] Это придуманное Соболевским выражение, кажется, осталось единственным следом его пребывания в архиве и на государственной службе вообще. «Присутствующий в архиве» А. Я. Булгаков сообщал брату в Петербург 23 мая 1828 г.: «Завтра призываем мы в архив молодца Соболевского объявить, чтобы подавал в отставку: рапортуется больным, а бывает на всех гуляньях и только что не живет на улице»[34]. Больше С. А. С. нигде не служил, хотя в молодости собирался вступить в штат того самого посольства А. С. Грибоедова, которое так трагически завершилось, а в пожилом возрасте хлопотал о предоставлении ему должности русского вице-консула в Триесте (по примеру своего хорошего знакомого Анри Бейля — Стендаля, занимавшего там пост французского консула),— но тщетно.

Получивший блестящее образование, наделенный поразительной памятью, острым умом и, как показала его коммерческая деятельность, несомненными деловыми качествами,— на что употребил все это Соболевский? Наиболее распространенный ответ почти всех, кто обращался к его биографии: на пустяки, растратил впустую.

В самом деле: кто измерит и кто определит ту пользу, которую принесло Пушкину, Лермонтову, Мицкевичу, Мериме, Глинке, Одоевскому... — этот список славных имен можно продолжать еще долго — общение с собирателем книг, незаконнорожденным острословом и «неизвестным сочинителем всем известных эпиграмм», как называла Соболевского поэтесса Е. П. Ростопчина? С. А. С. оставил в наследство грядущим поколениям одну книжечку эпиграмм и экспромтов, вышедшую через 42 года после его смерти[35] (большая часть этих стихов при жизни выведенных в них персонажей, понятное дело, не печаталась); несколько десятков библиографических статей, в том числе и вышедших отдельными брошюрами (почти все эти

статьи основаны на его библиофильских находках); работу об испанских библиотеках, также выросшую из путевых впечатлений библиофила — искателя книг*; несколько публикаций найденных им рукописей. Наконец, вместе со своим другом И. С. Мальцевым он основал в Петербурге бумагопрядильную Ново-Самсониевскую мануфактуру** (в конце 40-х годов она сгорела и более не возобновлялась). И все?

Нет, не все! Он собрал библиотеку, одно существование которой составило культурную славу отечества и вокруг которой в разные годы группировались интеллектуальные интересы лучших людей России. Он доказал, не стремясь, впрочем, ничего доказывать, что умное и не эгоистичное собирание книг само по себе есть дело огромного культурного значения... Но об этом после, а сейчас вернемся к необходимой биографической канве.

В 1827 г. мать Соболевского умерла. Пушкин писал ему: «Вечор узнал я о твоем горе и получил твоих два письма. Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трожды; не радуйся нашед, не плачь потеряв... Приезжай в Петербург, если можешь. Мне бы хотелось с тобою свидеться да переговорить о будущем. Перенеси мужественно перемену судьбы твоей...»[37] Как ни странно, деловой человек С. А. С. о своих делах не позаботился и материнского наследства не получил. В конце 1828 г., убедившись, что совместная поездка с Пушкиным несбыточна, он уехал за границу один и отсутствовал до конца июля 1833 г., побывав в Италии, Швейцарии, Франции, Англии и других европейских странах. Невозможно, разумеется, даже

* Поразительны зигзаги книжных судеб: эта работа С. А. С., написанная по-французски и на русский язык никогда не переводившаяся, в 1951 г. была переиздана в Испании отдельной книгой! Мы еще приведем выдержки из этой работы.

** При этом наряду с коммерческой выгодой он ставил перед собой и цели прогресса, промышленного развития России: «... думаю о такой вещи некоей, от которой в год толкну Россию на 10, в два на 50, в три на сто лет вперед...»[36]

вкратце рассказать обо всем, что он увидел, и перечислить тех, с кем он познакомился. Напомним только, что во время первой поездки он на всю жизнь подружился с Проспером Мериме и эта дружба открыла ему не только салоны, библиотеки и частные дома библиофилов Парижа (и не только Парижа), где пользовался уважением библиофил Мериме, но в какой-то степени и душу передовой Европы того времени.

Воротясь в Россию, он сразу же встретился с Пушкиным и много дней и недель провел с ним до конца августа 1836 г., когда отправился во второй европейский вояж (может быть, и вправду лучше бы ему не уезжать?!). Впоследствии он совершил еще три поездки в Европу и собрал библиотеку ни с чем не сравнимую. Получив значительные страховые суммы после пожара Ново-Самсониевской мануфактуры, Соболевский поселился в Москве. Последние 18 лет его жизни были наиболее «библиофильско-библиографическим» периодом, о них мы по возможности подробно расскажем в главе «Дом на Смоленском бульваре».

Прибавим только, что еще до второго путешествия С.А.С. сватался в Москве к княжне Александре Ивановне Трубецкой и получил отказ, несомненно связанный с его «сомнительным» происхождением. Пережил он этот отказ тяжело и никогда не женился. Во время заграничных поездок, по собственному признанию, «венчан был Амуром разов до пятисот». Близкая его приятельница и общая с Пушкиным и Лермонтовым знакомая Е. П. Ростопчина не без ехидства шутила:

Он в Венеции, в Париже,
В Вене, в Лондоне бывал
И, чтоб край узнать поближе,
Всюду женщин изучал[38].

И все же он был одинок и временами бесприютен душою. Не исключено, что отсутствие семейных радостей в какой-то мере способствовало концентрации огромной энергии этого человека на поисках книг, на упорядочении коллекции, а

главное — на тех многообразных формах *полезного применения библиотеки*, которые только и дают оправдание библиофильству, коренным образом отличая его от книжного безумия — библиомании.

Что такое вообще библиофильство (иногда — библиофилия), собирание книг (иногда — книжное собирательство)? Только ли это покупка, подбор книг по определенной тематике или по каким-то иным признакам? И только ли тем отличается один собиратель от другого, что у него столько-то книг по таким-то разделам, среди них с автографами столько-то, редких столько-то и прочее и прочее...?

Пример Соболевского и некоторых других крупнейших собирателей убеждает, что дело не только и не столько в этом. Истинный библиофил «любит книгу», а следовательно учится тому лучшему, что несет в себе книга,— он нравственно растет вместе с ростом коллекции. И наступает момент, когда библиофил не столько приобретает, сколько отдает все полученное из книг и от книг (а нередко бывает — и сами книги) людям. По меткой формуле В. Б. Шкловского, не только человек собирает книги, но «книги собирают человека». Соболевский всю жизнь вместе с книгами собирал себя. И вовсе не тем, что у него была богатая библиотека, был он дорог своим друзьям (Александру Сергеевичу Пушкину, Владимиру Федоровичу Одоевскому, Михаилу Ивановичу Глинке, Просперу Мериме, Адаму Мицкевичу) и интересен близким знакомым (Николаю Васильевичу Гоголю, Михаилу Юрьевичу Лермонтову, Ивану Сергеевичу Тургеневу, Льву Николаевичу Толстому, Анри Бейлю — Стендалю и многим другим). А тем, что во многом благодаря книгам умел Соболевский понять какие-то стороны характера каждого из них и прийти на помощь, когда того требовали обстоятельства.

Попробуем на нескольких сюжетах, связанных с самым прекрасным из друзей Соболевского, величайшим русским поэтом, проследить этот сложный процесс влияния библиофилии на развитие культуры.

У ГАЛЬЯНИ ИЛЬ КОЛЬОНИ...

Сотни раз описаны приезд Пушкина в Москву из ссылки в 1826 г. и вся жизнь его в древней столице. Это позволяет упомянуть только о некоторых деталях.

Первым, с кем беседовал Пушкин после ссылки и после 15-летнего отсутствия в Москве, был дежурный генерал Потапов, вторым — император Николай I, третьим — дядюшка Василий Львович, поэт и библиофил, четвертым был Соболевский. Извещенный на бале у французского посла Мармона о внезапном приезде Пушкина, С.А.С. поспешил к Василию Львовичу, куда заехал поэт, и с того самого дня — 8 сентября 1826 г.— сделался, по выражению К. Полевого, «путеводителем Пушкина по Москве»[39]. На другой же день началась та миротворческая деятельность С.А.С., которая придает определенный вес доводам Соллогуба и Муханова. Пушкин поручил Соболевскому немедленно отправиться к Ф. И. Толстому в качестве секунданта и от имени поэта вызвать его на дуэль. Соболевский помирил противников. 27 сентября С.А.С. писал в Петербург В. Ф. Одоевскому: «Здесь Пушкин, не Лев, и не Василий Львович, a Alexandre, с которым мы сделались неразлучны. С тех пор, как я с ним сблизился, он мне нравится более прежнего, ибо он в моем роде. Любит себя показать не в пример худшим, чем он на деле»[40].

Конечно же, долго оторванный от столиц Пушкин воспринимал Соболевского в частности и как отличного спутника и компаньона по светским развлечениям. Впоследствии С.А.С. вовсе не подходил бы для такой роли. «Перебесившись» в раннем возрасте, он, например, после первого путешествия в рот не брал вина, вместе с Пушкиным потешаясь по этому поводу над «храбрым капитаном» Львом Сергеевичем. Но это позже, а в 1826—1827 гг. Соболевский был еще достаточно легкомысленным, избалованным и склонным к развлечениям самого разного рода. В архиве его хранится, между прочим, поэма «[С Пушкиным] По Москве», ни один стих которой не

может быть сообщен читателю за полнейшим неприличием. И все же было бы огромной ошибкой видеть в их общении в тот период одну лишь «пирожную сторону» (выражение М. П. Погодина). В этом случае мы обманулись бы точно так же, как III отделение, агент которого доносил: «Поэт Пушкин здесь. Он редко бывает дома. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на свой счет. Соболевского прозвали брюхом Пушкина. Впрочем сей последний ведет себя благоразумно в политическом отношении»[41]. Возможно, С.А.С. даже несколько бравировал «пирожной стороной»; недаром он находил у себя общую с Пушкиным черту: желание прослыть худшим, чем есть на самом деле.

Между тем уже через четыре дня после приезда поэта на квартире С.А.С. был читан автором «Борис Годунов», обсуждались различные издательские планы и проекты журнала «Московский вестник». Дотошнейший из всех библиографов России (а может, и целого света) С. Д. Полторацкий подсчитал впоследствии, что 118 отрывков пушкинских рукописей, записок и черновиков хранились у Соболевского. Многие рукописи, несомненно, появились у него в эти неполных два месяца после ссылки поэта. Этим мы обязаны не только сказавшейся уже тогда в полной мере собирательской страсти Соболевского, но и, видимо, свойственному ему тонкому пониманию, «с кем имеет дело».

Как известно, при первом свидании в Чудовом дворце император повелел «обласканному», как он думал, поэту составить «Записку о народном воспитании». Для работы над этой «Запиской» Пушкин возвратился к месту недавней своей ссылки — в Михайловское. Одно из первых писем его оттуда было адресовано в Москву Соболевскому. Приведем полный текст этого письма и стихотворения, в него включенного.

9 ноября

«Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на переклад-

ных. Дорогою бранил тебя немилосердно; но в доказательства дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой Itinéraire от Москвы до Новагорода. Это будет для тебя инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом

На голос: *Жил*
да был петух
индейский

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок.

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,—
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая.— В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? Если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

На каждой станции советую из коляски выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-нибудь занятие. Прощай, пиши»[42].

Расшифруем некоторые намеки в письме и реалии, требующие пояснений. Соболевский собирался ехать в Петербург. Гальяни*—трактир в Твери, владелицу которого Пушкин называет Кольони (Coglione—негодяй, плут). Так что здесь игра слов, а отнюдь не два заведения на выбор. «Жил да был петух индейский»—намек на шуточное стихотворение «Цапли», сочиненное Соболевским вместе с Е. А. Баратынским тем же размером. «С пармазаном макарони»—Пушкин пародирует акцент трактирщицы. Ругал по дороге Пушкин Соболевского именно за то, что сломались колеса коляски. В письме к П. А. Вяземскому он жаловался: «... самый неприятный анекдот было то, что сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским»[43]. Это вполне понятно, поскольку С.А.С. был высокоросл и уже тогда достаточно массивен**.

Письмо Пушкина широко известно. Впервые опубликовано оно было в 1857 г. М. Н. Лонгиновым с разрешения С.А.С. («Искренне благодарю Соболевского за то, что он по дружбе своей ко мне доставил в мой сборник этот игривый отрывок из письма Пушкина»)[44], и всегда приводилось в пример неподражаемой способности поэта переписываться со своими корреспондентами в тоне им свойственном. Автор книги «Творческий путь А. С. Пушкина» Д. Д. Благой так трактует эти стихи: «...из этого шутливого послания рельефно проступает облик его адресата, славящегося страстью обильно поесть и попить. В то же время послание Пушкина исполнено какой-то почти детской беспечности, что отражается в необыкновенной даже для него простоте и легкости слагаемых стихотворных строк, поэтизиру-

* Гальянова улица впоследствии переименована в Пушкинскую.

**Н. В. Гоголь к нему, между прочим, так и обращался: «высокорослый и аппетитный для дам Соболевский»[46].

ющих самые что ни на есть «прозаические», обыденные, будничные предметы и явления»[45]. Действительно, письмо и фамильярное, и веселое, и остроумное, и «гастрономическое», т. е. совершенно в духе молодого С.А.С. Но ограничивается ли этим его содержание? Не будем торопиться с выводами...

Нет ничего более соблазнительного, более опасного и более ненадежного, чем любые, пусть самые частные, гипотезы в пушкиноведении. И если автор решается представить свое предположение на суд читателя, то лишь потому, во-первых, что внутренне убежден в реальной вероятности догадки, и, во-вторых, потому, что она связана с главной темой — важной ролью книжного собирательства в культурной истории России.

Через семь лет после описываемых событий, в декабре 1833 — апреле 1834 г. (а может быть, несколько позже) Пушкин работал над статьей «Путешествие из Москвы в Петербург» — едва ли не первой попыткой произнести в печати «страшное» название книги А. Н. Радищева. Попытка не удалась — автор понял, что цензура статьи все равно не пропустит, и она появилась в печати лишь через двадцать шесть лет. Сделаем теперь из нее несколько выписок: «Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург, по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки...

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастися книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар...

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю**, коего библиотекой привык я пользоваться... „Постой,— сказал мне**,— есть у меня для тебя книжка“. С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра

Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, по-видимому, изданную в конце прошлого столетия. „Прошу беречь ее,— сказал он таинственным голосом.— Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность". Я раскрыл ее и прочел заглавие: „Путешествие из Петербурга в Москву". С.П.Б. 1790 году...

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика...

В Черной Грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург»[47].

Давно уже раскрыли пушкинисты прозрачные две звездочки, за которыми скрылся друг Пушкина С.А.С. (в 17-м справочном томе Академического Собрания, например), давно объяснены цензурными соображениями нарочито сниженные оценки «Путешествия». Любопытно, что уже тогда Пушкин называет своего приятеля библиоманом (напомним, что это слово в ту эпоху ни в коей мере не могло восприниматься как уничижительное; скорее это синоним сегодняшнего «библиофил»). Важно также, что Пушкин *привык пользоваться* библиотекой Соболевского, в которой экземпляр «Путешествия» был, конечно, одним из первых раритетов — гордостью собирателя. Стоимость его временами достигала 1000 рублей. Отметим, что значительно позже, в 1836 г. Пушкин купил и собственный экземпляр «Путешествия», да не простой, а «особенный». На обороте мраморного листа (форзаца), после переплетной крышки, рукою Пушкина написано: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Заплачен двести рублей». Пометы в этом экземпляре принадлежат самой Екатерине II.

Но самое главное для нас — *когда именно* брал Пушкин «Путешествие» у Соболевского? Впервые с его библиофильской коллекцией Пушкин познакомился в сентябре 1826 г., а

Экслибрис С. А. Соболевского (первый вариант), 1821 г.

Соболевский с успехом библиофильствовал по крайней мере с 1820 г. (1821-м годом датирован первый его экслибрис) и успел уже собрать немалую библиотеку, разместившуюся в доме Ринкевича на Собачьей площадке. Тогда же, в 1826 г., всего вероятнее, Пушкин и получил от С.А.С. тайное тайных — «Путешествие» и познакомился с его *печатным вариантом* впервые. Ибо в прежние времена, до ссылки, он пользовался лишь *списком* «Путешествия» в доме братьев Тургеневых на Фонтанке в Петербурге, а в годы изгнания вообще «Путешествия» скорее всего не имел, хотя в Бессарабии и вел

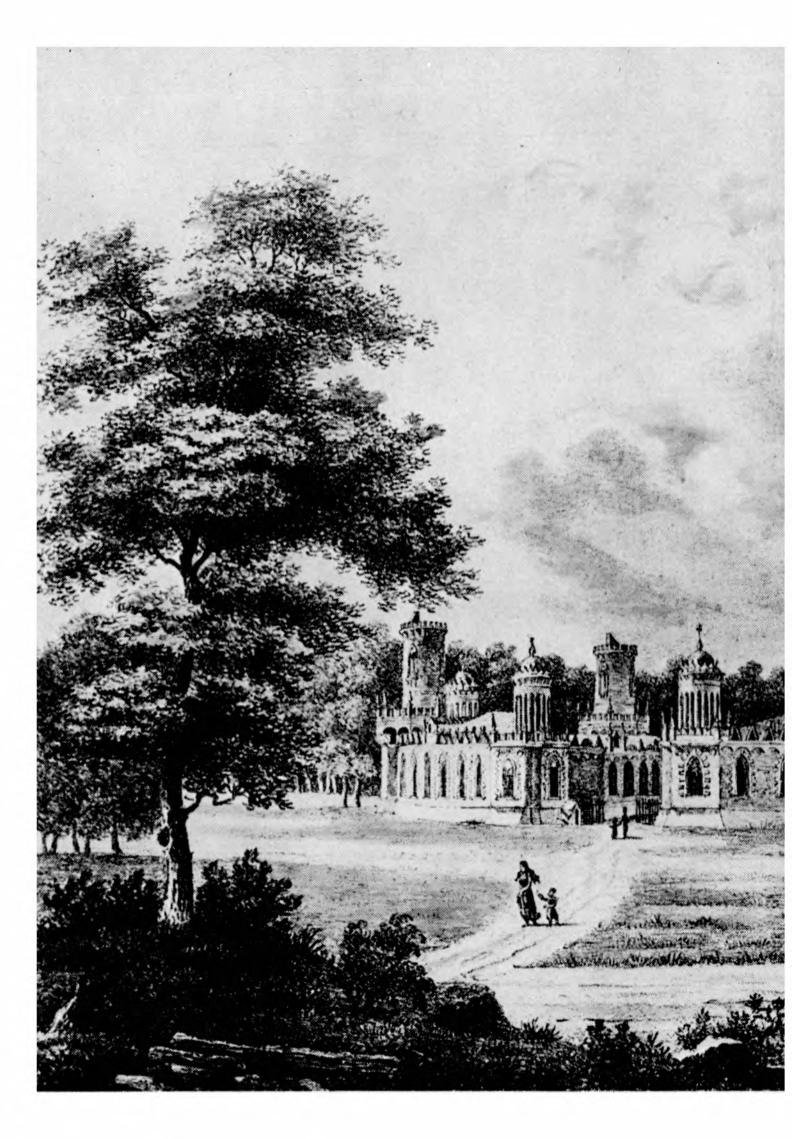
интереснейшие беседы о Радищеве с С. А. Тучковым. Правда, высказывались предположения, что история с «Путешествием», взятым якобы в дорогу, вообще вымышленная: ни один библиофил не рискнул бы в те годы дать кому-либо в руки «Путешествие», подвергая немалой опасности и себя и товарища. Вот что писал об этом один из первых исследователей темы «Пушкин и Радищев» В. Е. Якушкин: «Одну из статей о Радищеве Пушкин начинает рассказом, как он попросил у Соболевского книгу на дорогу, а тот ему дал „Путешествие" Радищева. Нельзя сомневаться, что этот рассказ, как и другие подробности такого же рода, составлен лишь для вступления, что это просто литературный прием. Конечно, Соболевский не дал бы Пушкину *на дорогу* такую книгу, которую он и сам-то у себя дома держал, таинственно спрятав ее за другими книгами, да и сам Пушкин не взял бы ее с собою в „поспешный дилижанс"»[48]. В том-то и дело, что Пушкин ехал не в поспешном дилижансе, а в собственной коляске, без посторонних глаз, и Соболевский мог решиться на это. Да и отношение его в то время к Пушкину было юношески восторженное, а скопидомство библиофила вообще ему никогда свойственно не было. Значит, подобная возможность не исключена. Но в таком случае «Путешествие» было взято только при первой встрече Пушкина с этой книгой в библиотеке Соболевского. Было взято как раз в ту дорогу, когда столько хлопот наделала «растрясенная другом и благоприятелем» коляска. Все это представляется весьма вероятным еще и потому, что Пушкин собирался в Михайловском работать над «Запиской о воспитании», а была ли другая книга в России, столь необходимая для этой цели человеку, который восславил свободу «вослед Радищеву»?

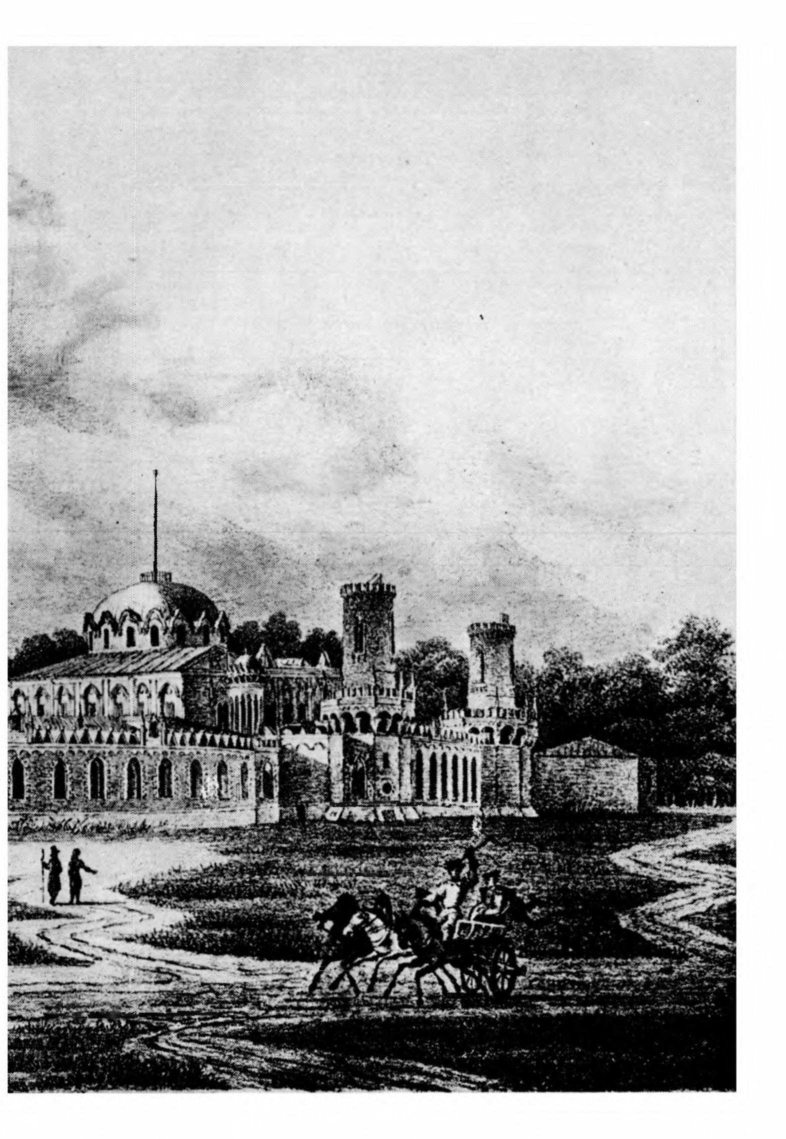
Но если предположение верно, и «Путешествие» было у Пушкина с собой в те осенние дни 1826 г. (или, по крайней мере, он впервые получил его из библиотеки С.А.С. в сентябре — октябре), то не приобретает ли несколько иное, дополнительное значение шуточное «гастрономическое» послание, включенное в письмо к С.А.С. от 9 ноября?

В самом деле, если сравнить текст этого стихотворения непосредственно с книгой Радищева, то параллели получаются очевидные.

Второй абзац главы «Валдаи» у Радищева начинается так: «Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных девок?»[49] Не правда ли, пушкинские стихи «у податливых крестьянок, чем и славится Валдай...» и т. д. выглядят своеобразным «поэтическим переложением» этих слов? Это давно замечено исследователями, например, Д. Д. Благим. Но, быть может, есть смысл сопоставить этот факт с тем, что у Пушкина был с собой или был только что прочитан экземпляр «Путешествия», взятый у С.А.С. Ассоциация очевидна. Конечно, можно предположить, что Пушкин получил экземпляр «Путешествия» от С.А.С. перед дорогой в Петербург в мае 1827 г., но против этого говорит сопоставление строк о «растрясенной коляске» из статьи «Путешествие из Москвы в Петербург» и из письма к Вяземскому, датированного ноябрем 1826 г. Нельзя не учитывать также, что параллели с книгой Радищева можно найти и в записке «О воспитании», над которой Пушкин работал в 1826 г. в Михайловском. Мы имеем в виду, в частности, близкое совпадение текста главы «Крестьцы» с мыслью Пушкина о недопустимо раннем получении чинов русскими дворянами. Более поздние сроки получения книги Радищева от С.А.С. практически исключены: библиотека его хранилась в 1833—1834 гг. в *ящиках* в доме Елагиных — Киреевских и никакой живописной сцены с «Херасковым» и «Сумароковым» Пушкин наблюдать не мог; да и стал бы С.А.С. семь лет скрывать от Пушкина свое библиофильское сокровище?..

Можно себе представить, что перечитывая (или продумывая) в дороге Радищева, Пушкин поражался актуальности и непостижимой связанности со своей судьбой многих мыслей в «Путешествии». Только что, «облагодетельствованный» царем, приобрел он высочайшего цензора и не мог не понимать, чем грозит ему эта цензура. В главе «Торжок» у Радищева он читал: «Книга,

проходящая десять цензур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, а поделка святой инквизиции; часто изуродованный, сеченный батожьем, с кляпом во рту узник, а раб всегда... В областях истины, в царстве мысли и духа не может никакая земная власть давать решений и не должна; не может того правительство, менее еще его цензор, в клобуке ли он или с темляком»[50].

Естественно, что мысли по поводу подобных строк «Путешествия» Пушкин не мог доверить почте, а вот о «податливых крестьянках и баранках» упоминал, быть может, намекая на нечто несравненно более важное, многократно обсужденное в московских беседах с С.А.С. с глазу на глаз.

Осенью 1830 г., задолго до работы над статьей «Путешествие из Москвы...» Пушкин еще раз имел повод вспомнить об этой давней дороге. В «Путешествии Онегина», поэт, как это часто у него бывало, использовал «заготовку» из стихотворения «У Гальяни иль Кольони». Соболевского давно уже не было в России, но трудно отделаться от мысли, что путешествуя осенью 1830 г. с Онегиным, Пушкин вспоминал и ту давнюю поездку в Михайловское, и отсутствующего приятеля.

Тоска! тоска! Спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком будто тени
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок...

Так трансформировался образ, несомненно рожденный ассоциацией с Радищевым.

Ну, а в том письме к С.А.С., о котором идет речь, Пушкин не просто сочинял понятный одному его корреспонденту Itinéraire, а как бы посылал своеобразный сигнал: книжка, что скрывалась за Херасковым и Сумароковым, цела, она читается, обдумывается и вернется со мною. В таком случае нуждается, по-видимому, в некотором дополнении вывод Д. Д. Благого, подметившего текстуальное родство «У Гальяни...» с «Путеше-

ствием...»: «...этим сходство данного стихотворения с „Путешествием“ Радищева и ограничивается; ни одного специфически радищевского мотива в нем нет. Оно похоже скорее на „шутливое переиначивание его книги“»[51]. Конечно, это так, и искать «радищевские мотивы» в шуточном стихотворении не следует. Но вот мотивы библиофильские (книга-то с собой или только что была в руках!) в нем есть. В связи с этим, вероятно, должна быть несколько изменена оценка взаимоотношений Пушкина с Соболевским, данная Д. Д. Благим. Может быть, не совсем точно говорить и о безоблачности настроения Пушкина во время этой поездки, когда по пути туда было написано «У Гальяни...», а обратно — «Зимняя дорога». Но коли так, мы вправе к осени 1826 г. отнести важную заслугу одного из библиофилов пушкинской поры перед культурной историей отечества: величайший поэт России, величайший ее историк и мыслитель, получил «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева — бесценный библиофильский дар, который использовал всесторонне!

«ЦЫГАНЫ» КОЧУЮТ...

В другом письме к С.А.С. из Пскова (1 декабря 1826 г.) Пушкин продолжает ту же тему, которая развита столь блистательно в «Путешествии» Радищева: «Вот в чем дело: освобожденный от цензуры, я должен, однако ж, прежде, чем что-нибудь напечатать, представить оное выше; хотя бы безделицу. Мне уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову... На днях буду у вас... остановлюсь у тебя»[52].

Так были подготовлены пять месяцев (с 19 декабря 1826 г. по 19 мая 1827 г.), которые Пушкин и С.А.С. прожили бок о бок в доме Ринкевича, где снимал квартиру незаконный сын Александра Николаевича Соймонова, не желавший отягощать своим постоянным присутствием хлебосольный отцовский дом и вдобавок не желавший чьего-либо догляда. Там же разместил он свою немалую уже, но зачаточную по сравнению с будущим

библиотеку. Не существует лучшего мемуарного свидетельства об этих месяцах в жизни Пушкина, чем письмо С.А.С. к Погодину, написанное одним стариком к другому, но по-молодому свежее и яркое (оно уже цитировалось).

Для Соболевского этот небольшой период на всю жизнь остался светлым воспоминанием, может быть самым светлым. Трудно представить себе более недальновидную оценку взаимоотношений Пушкина и С.А.С., чем такая: Пушкин «любил Соболевского преимущественно за неистощимое остроумие, живые экспромты, щеголявшие оригинальными рифмами, неизменную веселость и готовность кутить и играть в карты когда угодно» (Н. В. Берг)[53]. Автор этих воспоминаний, который, между прочим, родился в 1823 г., обидел здесь не Соболевского... С.А.С. помогал Пушкину в издательских и цензурных хлопотах, о чем свидетельствуют, например, записи в дневнике цензора И. М. Снегирева; он участвовал в обсуждении — это совершенно неопровержимо — множества политических, творческих и личных вопросов, волновавших Пушкина; он, и это важнейшая черта каждого истинного библиофила,— собирал уже тогда все, что связано с Пушкиным: отрывки черновиков, любые клочки и записочки — от потаеннейшего списка «Гавриилиады» до уцелевшего куска «жесткой оды Хвостова», употребленной Пушкиным в весьма прозаических целях.

Общие знакомые Пушкина и С.А.С. отлично понимали все значение для последнего этой совместной жизни в доме Ринкевича. Недавно перед тем женившийся и обосновавшийся в Петербурге В. Ф. Одоевский писал к С.А.С.: «Поздравляю тебя с твоим гостем, напомни ему обо мне, поклонись и расскажи то, чего не пишу»[54].

Менее доброжелательные люди завидовали Соболевскому и сочувствовали Пушкину, оказавшемуся в Москве «под властью» этого «циничного человека». Вот что писал, например, небезызвестный Ф. Ф. Вигель: «После ссылки в Псковской деревне Москва должна была раем показаться Пушкину, который с малолетства в ней не бывал и на неопределенное время в ней

остался. Он весь еще был исполнен молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь. Общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры некто Соболевский»[55]. Да и как иначе мог вспоминать о С.А.С. этот ханжески настроенный, морально не очень чистоплотный человек (правда, автор интересных воспоминаний), если «хозяин квартиры Пушкина» обращался к нему с такими стихами:

Счастлив дом, а с ним и флигель,
В коих, свинства не любя,
Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
В шею выгнали тебя.

Удивительно ли, что Вигель называл Соболевского «неприличностью с ног до головы»?

Заметим, что русские библиофилы пушкинской эпохи и Соболевский едва ли не первый среди них никогда не подходили к собиранию формально, сосредотачивая у себя только книги в их, если можно так выразиться, «первозданном» виде. Всю жизнь С.А.С. обогащал свои экземпляры документами, с ними так или иначе связанными: рукописями, письмами, журнальными вырезками и т. д. Увы, библиотека его разошлась по белу свету, но попадающиеся экземпляры, как правило, представляют историко-литературный и библиофильский интерес. Кстати, в этом одна из заслуг и одно из оправданий библиофильства. Собирательство без такой исторической отдачи — бессмыслица, а подчас и вредный эгоизм.

Энергичный, материально более чем обеспеченный (при жизни матери), хотя в те годы и «безалаберный» — так характеризовал его Пушкин — С.А.С. принял деятельное участие в издательских хлопотах поэта. До приезда Пушкина в Москву в 1826 г. это участие ограничивалось тремя эпизодами: распространением билетов на несостоявшееся издание (1818), перепискою «Руслана» (1820) и, наконец, попыткой передать стихотворение «Люблю ваш сумрак неизвестный» в «Телеграф» без ведома Пушкина (1825). В последнем случае это было своеволие

С.А.С., едва не поссорившее надолго между собою братьев Пушкиных. Дело в том, что Пушкин прислал это стихотворение из Михайловского брату Льву с просьбой сообщить его П. А. Вяземскому. Лев Сергеевич передал рукопись С.А.С., а тот... в «Телеграф» Н. А. Полевому (к счастью, публикацию удалось тогда предотвратить). Все это вызвало возмущение поэта, не знавшего, впрочем, об участии С.А.С.

Когда же Пушкин приехал в Москву, С.А.С. стал помогать ему первоначально во всех издательских начинаниях и попытках прорваться через цензуру, правда, вовсе не всегда удачно и оперативно. Например, уже после отъезда Пушкина он долго не пересылал в Петербург часть тиража 2-й главы «Евгения Онегина», изданной им в Москве,— так долго, что в декабре 1827 г. получил суровое письмо поэта, выдержанное, впрочем, в обычном для их переписки стиле:

«Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву (С.А.С. ненадолго также выезжал в Петербург.— *Авт.*), что ты не можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты все обещал, обещал — и благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-й и 3-й глав остановилась. Покорно благодарю.

Что из этого следует?
Что ты безалаберный»[56].

Расскажем об одном эпизоде, имевшем любопытную библиофильскую подоплеку, не до конца, кажется, раскрытую. Издание «Цыган» и «Братьев-разбойников» Пушкин поручил С.А.С. «Цыганы» вышли в свет весной 1827 г. (цензурное разрешение от 10 декабря 1826 г.). Любопытно, что ни на обложке, ни на титульном листе, ни где бы то ни было вообще в этой книге имя автора не упомянуто. В «Рассказах о прижизненных изданиях Пушкина» исследователь этой темы Н. П. Смирнов-Сокольский высказывает предположение, что «скорее всего, идея анонимного выпуска книги... принадлежала С. А. Соболевскому с его своеобразным библиофильским вкусом»[57]. Трудно представить себе, что С.А.С. сделал такую вещь своевольно,

без ведома Пушкина. Да и какие библиофильские вкусы диктуют анонимность изданий поэтов? Скорее всего, Пушкин, первоначально обещавший «Цыган» петербургскому книгопродавцу И. В. Сленину, но переменивший свое решение, предпочел, чтобы книга выходила как бы «без него». Однако это из области предположений, а вот несомненный факт: довольный изданием «Цыган» и благодарный Соболевскому, Пушкин заказал отпечатать в подарок ему один-единственный (вот уж подлинно библиофильский!) экземпляр этой книги на пергаменте и в увеличенном формате. Пергаментные «Цыганы» были, по-видимому, преподнесены автором С.А.С. перед отъездом Пушкина из Москвы в мае 1827 г. История этого экземпляра, собственно, и составляет предмет нашего внимания. Однако в ней замешаны еще два библиофила пушкинского времени, о которых следует коротко рассказать.

Один из них — Николай Иванович Трубецкой. С домашней библиотекой князей Трубецких, живших в Москве в Знаменском переулке (ныне улица Грицевец, д. 8), Пушкин мог познакомиться еще мальчиком в долицейский московский период. Н. И. Трубецкому, по предположениям пушкинистов, посвящено лицейское стихотворение Пушкина «Городок» (первоначально так, по-видимому, и называвшееся — «Трубецкому»). Библиофильское содержание этого стихотворения — находка для всех авторов, затрагивающих необъятную тему «Пушкин и книга»:

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.

....

Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,

Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут...

В «Городке» очерчен лицейский круг чтения Пушкина, очевидно, небезынтересный адресату.

Другой библиофил — Авраам Сергеевич Норов. Ветеран Отечественной войны 1812 года, поэт, впоследствии министр народного просвещения, А. С. Норов совершил в начале 20-х годов путешествие в Европу, в частности на остров Сицилию. В чужих краях он собрал большую разнообразную библиотеку. Норов, как и многие просвещенные русские собиратели книг, понимал все значение комплектования Rossica — книг о России, написанных иностранцами и изданных за границей. Этот отдел в его коллекции — один из важнейших.

Пушкин хорошо знал библиотеку Норова, как, впрочем, и самого библиофила, состоявшего с ним в отдаленном родстве. В библиотеке Пушкина был отчет о первом путешествии Норова за границу: «Путешествие по Сицилии в 1822 г. А. Норова. Санктпетербург. В типографии Александра Смирдина, 1828 г.» (в прекрасном кожаном «индивидуальном» переплете).

В 1833 г., собирая материалы о Пугачеве, Пушкин получил от Норова несколько библиографических подарков, в том числе книгу о путешествии Жана Стрюйса („Voyage de Jean Struys en Perse et aux Indes“). Во всяком случае 10—15 ноября 1833 г. (в Москве) датируется следующая записка Пушкина Норову:

«Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего *Стенъку*; завтра получишь Struys и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России (***Возрастающая Россия*** или что-то подобное)? а Пердуильонис, то есть: Stephanus Rasin Donicus Cosacus perduellis publicae disquisitionis Johanno Justo Martio i Schurtzfleisch.

А.П.» [58]

По-видимому, это был взаимный обмен библиофильскими достижениями, поскольку в другой записке в те же дни в Москве Пушкин писал:

«Посылаю тебе, любезный Норов, Satyricon — а мистерии где-то у меня запрятаны. Отыщу — непременно. До свидания.

Весь твой А.П.»[59]

Поскольку «Satyricon» — это роман Петрония, можно предположить, что Пушкин помогал Норову в его занятиях древними сюжетами.

Но важнее всего для нас упоминание о Стеньке в первой записке Пушкина. Оно непосредственно перекликается с последним примечанием автора к последней (8-й) главе 1-й части «Истории Пугачева», работу над которой Пушкин заканчивал как раз в мае 1833 г. Тогда-то и произошла встреча с Норовым во время короткого пребывания Пушкина в Москве. Итак, вот чем кончалось упомянутое примечание, в целом посвященное выяснению подробностей казни Пугачева:

«Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым, почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами. См. Rélation des particularités de la rebellion de Stenko Razin contre le grand Duc de Moscovie... traduit de l'Anglais par C. Desmares. MDCLXXII.— Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому»[60].

Получается, что еще в ноябре 1833 г. Пушкин видел книгу у самого Норова, а к моменту выхода в свет 1-й части «Истории Пугачева» библиотека Норову уже не принадлежала? Дело в том, что, собираясь во вторую поездку за рубеж — на этот раз в Египет, Нубию и Палестину,— Норов задумал распродать свою библиотеку, вывезенную из первого путешествия. Соболевский, незадолго перед тем также возвратившийся из Европы с огромными библиофильскими трофеями, уже тогда смотрел на распыление ценных библиотек как на преступление, ничем не оправдываемое. Впоследствии же, как увидит читатель, он

предпринимал немалые усилия для сохранения от гибели книжных коллекций своих друзей и знакомых. Недаром как-то он написал о себе Шевыреву: «Я при вас как пружина в часах: ко всему подстрекну, ко всему приохочу; а не говорят: пружина показывает столько-то часов; неблагодарные толкуют: стрелки»[61].

Так и в данном случае: когда речь шла о распылении библиотеки Норова, Соболевский убедил давнего своего знакомца Николая Ивановича Трубецкого (le Nain Jaune — «желтого карлика», как называли его за малый рост), того самого, к которому некогда был обращен «Городок», приобрести библиотеку Норова в полном составе. Можно не сомневаться в том, что Пушкин, знавший культурную ценность собрания Норова, поддержал С.А.С., уговаривавшего Трубецкого купить эту библиотеку. Во всяком случае эта продажа произошла на рубеже 1833—1834 гг., когда общение Пушкина с С.А.С. было особенно тесным. Тотчас же, в ознаменование библиофильской сделки, «за прилежание и успехи в библиофильстве», был преподнесен Трубецкому тот самый единственный экземпляр «Цыган» большого формата, напечатанный на пергаменте. И, конечно же, это было сделано не без ведома Пушкина. Иначе Соболевский не позволил бы себе передарить подарок поэта.

Любопытно, что упомянутые выше Стрюйс и Стенька впоследствии появились и в собственной библиотеке Пушкина (соответственно № 1414 и 1307). Книга Стрюйса неоднократно переиздавалась, и Пушкин, скорее всего, попросту ее купил. Иное дело — редчайшее и крамольное в России издание о восстании Разина, хранившееся в библиотеке Норова. Как оказалось оно у Пушкина? Вероятным кажется предположение, что, уступая библиотеку Трубецкому, Норов эту книгу все-таки выделил из прочих и передал Пушкину. Увы, Б. Л. Модзалевский застал ее уже без обложки, в неважном виде, и никаких записей на ней не сохранилось.

У этой истории есть печальный эпилог... В 1865 г. С.А.С. принялся за поиски пергаментных «Цыган». Что толкнуло его

на это? В то время Авраам Сергеевич Норов задумал возвратить себе первую библиотеку, некогда уступленную Трубецкому, которая, как он прослышал, должна была продаваться в розницу. Об этом узнал и С.А.С. и отправился в подмосковное имение Трубецкого Знаменское. Выяснилось, что деревня перешла уже в третьи руки, а библиотека Норова 20—30-х годов разрознена: часть вывезена семейством Трубецких—Орловых при продаже имения, другая, оставленная новому владельцу, некоему Шаблыкину, находится в плачевном состоянии. А между тем среди оставшихся книг было несколько весьма ценных.

В письме к А. С. Норову 24 августа 1865 г. Соболевский рассказывал:

«Вот вам библиографический анекдот. Когда Трубецкой купил ваши книги, то я поднес ему за прилежание и успехи в библиофильстве экземпляр „Цыган" Пушкина, напечатанный для меня на пергаменте; предмет моей поездки в Знаменское было отыскать оный и возвратить себе, но „Цыган" не нашлось!!!

Ваши книги, как слышно, отправлены в Bruxelles; наверное не знаю»[62].

Может быть, в Бельгию попали и «Цыганы» и даже сейчас еще не поздно их там поискать?

В 1867 г. Москва пышно отпраздновала 70-летний юбилей обергофмейстера, члена Государственного совета князя Николая Ивановича Трубецкого. Но даже в высочайшем рескрипте не удалось толком перечислить заслуги юбиляра перед отечеством: таковых попросту не оказалось. Резкий в суждениях, желчный на старости лет, Соболевский не мог без внимания оставлять подобные события в жизни своих давних знакомых. По сходному поводу он разразился такой эпиграммой:

Нынче праздник-юбилей,
Потому что барин некий
Был ужасный дуралей
Целых пять десятилетий.

В описываемом случае юбиляр праздновал семь десятилетий жизни, мало чем славным отмеченной. Он позабыл, видно, и о «Городке» и о «Цыганах», и о Пушкине.

Вот, кажется, и весь рассказ о прижизненном издании Пушкина на пергаменте и о четырех библиофилах. Один из них, видимо, не сохранил или даже предал идеалы истинного книголюбия, свойственные ему в молодости; второй, хотя и достиг высоких чинов, но отнюдь не заслуживает подобной оценки (о нем нам еще придется упоминать); третий, послуживший «пружиной в часах» — главный герой этой книги. Четвертым был Пушкин.

* * *

Издание «Цыган» и подарок Соболевскому были лишь коротким эпизодом тех напряженнейших, хотя, на первый взгляд, легких и безоблачных шести месяцев совместной жизни в доме на Собачьей площадке. От той поры осталось множество важных фактов биографии Пушкина, с жадностью отдавшегося дружескому общению, работе в журналах, изданию своих произведений и т. д. Все они с достаточной тщательностью зафиксированы нашей пушкиноведческой наукой. Подчеркнем опять-таки, что большинство этих фактов так или иначе связаны с С.А.С. В январе — феврале 1827 г. Пушкин позировал Тропинину для того портрета, который знают теперь все и который был заказан Пушкиным для Соболевского и подарен ему; помимо тропининского портрета Пушкин подарил С.А.С. и карандашный рисунок, выполненный Жаном Вивьеном.

Весной того же года они вместе ездили в Архангельское к Н. Б. Юсупову, показывавшему им, между прочим, и превосходно подобранную библиотеку. Один из первых пушкинистов Петр Иванович Бартенев, много часов проведший с престарелым С.А.С. в Москве (об этом периоде рассказ впереди), между прочим писал: «Покойный С.А.С. любил вспоминать о своей поездке в прекрасное Архангельское вместе с Пушкиным. Они ездили раннею весною, верхами и просвещенный вельможа

екатерининских времен встретил их со всею любезностию гостеприимства»[63].

Воспользуемся этим визитом двух библиофилов и расскажем немного о библиотеке Юсупова, благо в архиве хранятся неопубликованные воспоминания о ней[64]. Старый князь собрал у себя в Харитоньевском переулке и в Архангельском едва ли не лучшую в России коллекцию эльзевиров, изданий Дидо-старшего и превосходное собрание инкунабул. Это была типичная «аристократическая» библиотека, во многом, должно быть, и не прочитанная и не имевшая никакого «выхода» в книжное обращение и науку. Однако это была библиотека, собранная в России — для России и оставшаяся здесь (часть в Библиотеке им. В. И. Ленина, часть — в музее Архангельское). Поэтому, в конечном счете, книги Юсупова свою общественную роль сыграли, хотя и вопреки принципам, которых придерживался их собиратель.

У Юсупова был целый шкаф, отведенный отделу «Эротика», и надо думать, Пушкин с Соболевским уделили внимание его осмотру. Но это был только один шкаф из 50, занимавших две громадные залы дворца. Книги — около 17 тысяч — были расположены в строгом тематическом порядке. Почти все, что продавалось на книжном рынке Франции и отчасти Италии XVII и XVIII вв., собралось в Архангельском как раз ко времени визита Пушкина и С.А.С. Заметим, что Н. Б. Юсупов, один из богатейших людей своего времени, лишь финансировал покупку книг, а непосредственно подбором библиотеки занимался московский книжник Гаврила Волков. Рассказывая о библиофильских отношениях Пушкина и Соболевского и об их контактах с другими библиофилами, мы не вправе забыть этот весенний визит 1827 г.

Потом, после прощального ужина на даче у Соболевского, Пушкин уехал в Петербург, а С.А.С. вскоре стал собираться за границу,— вероятнее всего, эту поездку они обдумывали с Пушкиным, и должна была она быть совместной. Еще 18 мая 1827 г. Пушкин писал брату: «...завтра еду в Петербург

увидаться с дражайшими родителями, comme on dit,* и устроить свои денежные дела. Из Петербурга поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или во свояси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию...»[65] Конечно, «заграничная тема» вполне могла стать предметом той беседы, которую собирался вести Пушкин в Петербурге с С.А.С., приглашая его приехать поскорее. 23 августа 1827 г., когда С.А.С. был уже в Петербурге, агент III отделения (не исключено, что это был Ф. В. Булгарин) доносил Бенкендорфу: «Известный Соболевский (молодой человек из московской либеральной шайки) едет в деревню к поэту Пушкину и хочет уговорить его ехать с ним за границу. Было бы жаль. Пушкина надо беречь как дитя. Он поэт, живет воображением и его легко увлечь. Партия, к которой принадлежит Соболевский, проникнута дурным духом. Атаманы князь Вяземский и Полевой; приятели — Титов, Шевырев, Рожалин и другие москвичи»[66]. Надо «отдать должное» III отделению — в доносах зазвучали теперь совсем иные нотки, нежели осенью 1826 г. Позже, 21 апреля 1828 г. Пушкин обратился к шефу жандармов Бенкендорфу с такой просьбой: «Так как следующие 6 или 7 месяцев остаюсь я, вероятно, в бездействии, то желал бы я провести сие время в Париже, что может быть, впоследствии мне уже не удастся»[67]. Но все планы разбились о непроницаемую «дружественность» Николая I и его жандармов. 18 октября 1828 г. С.А.С. отправился из Москвы в «чужие края». Перед этим он перевез свою библиотеку в ящиках, пушкинский портрет кисти Тропинина, по-видимому, нераспечатанные пачки тиража второго издания «Братьев разбойников» из дома Лопыревского между Большой Дмитровкой и Тверской (куда он перебрался от Ринкевича после отъезда Пушкина) к Елагиным — Киреевским в дом у Красных ворот. Библиотека дождалась его возвращения (не без потерь), портрет, как известно, пропал и нашелся через несколько десятилетий, а книжки «Братьев разбойников» завезены были в

* Как говорится (*франц.*).

имение Киреевских и обнаружились лишь в 1915 году среди всякого хлама.

Он уехал без Пушкина. И не был в России пять лет.

ПАРИЖ — ТОРЖОК — ПАРИЖ

Соболевский путешествовал долго и содержательно. Варшава, Вена, Мюнхен, Венеция, Болонья, Флоренция, Рим, Неаполь, снова Флоренция, Генуя, Лион и, наконец, Париж, куда он приехал вечером 29 ноября 1829 г. ...— вот неполный перечень больших городов на его пути только за первый год в Европе. Подробный рассказ о путешествиях Соболевского, с большой полнотой и тщательностью отраженных в его архиве, увел бы нас далеко в сторону. Но все же нельзя не отметить, что одной из главных его забот было собирание библиотеки для себя и выполнение заказов друзей по этой части. Он ведет активную переписку с Ив. Киреевским, Шевыревым (часть времени последний провел в Риме и письма адресуются ему туда), Рожалиным, пересылает им европейские книжные новинки и просит (и получает!) новые русские издания. Киреевский, между прочим, сообщает ему, что Пушкин был в Москве и взял из хранившейся в доме Киреевских библиотеки книги, ему принадлежащие. Письмо Киреевского об этом С.А.С. получил 5 марта 1829 г. во Флоренции: «В Пушкине нашел еще больше, чем ожидал: такого мозгу, кажется, не вмещает уже ни один русский череп, по крайней мере ни один из ощупанных мною. Но вот что он наделал, бывши у меня и зная, что твоя библиотека хранится у нас, открывает ящик и выбирает оттуда несколько книг, принадлежащих ему, уверяя, что он имеет на это полное право, что напишет об этом к тебе и что ты не рассердишься. Как прикажешь поступить?»[68].

Соболевский «приказал» сообщить ему список взятых Пушкиным книг,— к сожалению, этот список, теперь дополнивший бы наше представление о библиотеке Пушкина и круге его

чтения, так и не был составлен. Но есть основания предполагать, что Пушкин взял не все свои книги — во всяком случае в библиотеке Шевырева (после отъезда за границу Ив. Киреевского к нему временно перешла библиотека С.А.С.) нашлись несколько книг Пушкина, видимо, так и невостребованные поэтом. Получал С.А.С. и новые стихи Пушкина. 23 мая 1831 г. он пишет Шевыреву: «Мне нравится и очень сонет Пушкина. Но горе этому сонету! Теперь всякий пачкун (ты и я первый), как станут нас бранить, скажем:

Так пускай толпа меня бранит
И плюет на алтарь, где мой огонь горит,
И в детской резвости колеблет мой треножник...»[69]

При всем том он «величает» Пушкина во Франции, умоляет поэта писать ему, «грозит напечатать свой перевод» его стихов, заочно знакомит своих французских друзей с Пушкиным, мечтает об осуществлении задуманных с Пушкиным планов. 15 декабря 1831 г. просит Шевырева: «Я, сидя здесь, собрал из своих и Воронцовых книг до 700 русских песен; у Рожалина в Мюнхене их должно быть до 150, написанных на память Киреевского Санхопансою Родивоном, которые большей частью неизвестны. Я же и до отъезда задумал издать с Пушкиным «Собрание русских песен». И так пришли мне те, которые ты в Саратове заграбил, чем крайне меня одолжишь. Переписывай их понемножку, а я тебе дам знать, куда их выслать»[70]. Это были наброски того грандиозного проекта, который много лет спустя привел к «Собранию русских песен П. В. Киреевского». На разных стадиях работы С.А.С. принимал в этом активное участие.

Так, думая в Италии о России, собирая русские песни, сочиняя свои записки («пишу по-французски о России»,— сообщал он), увы, не сохранившиеся, добиваясь от своих корреспондентов сведений о Пушкине, проводил дни и месяцы Сергей Александрович Соболевский. В июне 1829 г. он сообщал из Флоренции В. Ф. Одоевскому: «26 мая вашего, т. е. 7 июня

здешнего я собственными руками испек весьма изрядно пирог с грыбами и съел с Шевыревым (не считая питейного) в честь А. С. Пушкина, вышедшего в оный день на белый свет». Здесь же приписка: «Могу ли я адресовать на твое имя ящик итальянских книг, из которых вряд ли может быть запрещена какая-нибудь»[71]. В письмах к Одоевскому слышится, казалось бы, совершенно не свойственный Соболевскому, лирический, даже сентиментальный тон: «Соболевский глупая скотина, потому что не может вас забыть...»[72] Или: «Где бы я ни был в русский новый год, определю по счету разницы градусов петербургскую полночь...»[73]

Пишет он иногда и стихи, отнюдь не шутливые:

Прощай, Италия! Домой, земляк берез,
Сосед медведицы, пора тебе к полночи!
Его вы долее, полуденные очи,
Не заколдуете на родине у роз[74].

Одновременно он готовит другой проект: «Хочу всю Россию исчертить паровыми телегами, паровыми каретами, возами и проч. Да об этом тс, тс, тс!»[75] (Здесь С.А.С. солидарен со многими передовыми людьми России — например, с А. И. Тургеневым; увы, подробное рассмотрение этих вопросов далеко увело бы нас от библиофильской темы.) В те годы начиналась деятельность Соболевского-промышленника, связанная с созданием мощной Самсоньевской бумагопрядильной мануфактуры на Выборгской стороне в Петербурге.

И за всей этой кипучей активностью — постоянная забота: книги, книги, книги... И. В. Киреевскому из Парижа 25 декабря 1829 г.: «Если ты еще не выехал из России, то привези мне „Северные цветы“, летние стихотворения Пушкина (второе издание) и прочее нетолстое новенькое»[76]. 22 марта 1830 г. он едва ли не первый посылает в Россию книги Виктора Гюго — новое издание «Эрнани» и «Марион Делорм». В 1830 г., покинув революционную Францию (слухи о его участии в революции документами не подтверждаются), он надолго поселяется в итальянском городке близ Турина и так объясняет

свое решение в письме Шевыреву: «Я очень люблю Италию и, поживши в разнородном Париже, пивном Лондоне и бестолковой Германии, решил, что *после России* самый для жилья приятный край — Италия»[77].

Мечтая о возвращении домой, он рассказывает Шевыреву в письме от 10 августа 1832 г.: «Везде холера; в одной только матушке белокаменной ее нет. Боюсь от моего отъезда одного, да и того для Италии: наводнения от женских слез. Кстати об твоих слезах: осушу их, беру себе твои армянские книги, только с одним условием: с доставкою в Москву...»[78] Речь шла об изданиях армянской типографии в Венеции, С.А.С. собирал эти книги, и по крайней мере одна из них была куплена на аукционе в Лейпциге представителем Публичной библиотеки в Петербурге (она хранится в Ленинграде и поныне). 14 ноября 1832 г. он уточняет свои планы: «Книги, коих желаешь, будут куплены и приедут со мной. Узнай, что моя персона надеется увидеть дорогое отечество к новому году... Тысяча приветствий Пушкину»[79].

Писал ли С.А.С. из-за границы самому Пушкину? И получал ли ответы? Увы, это одна из не столь уж малочисленных загадок пушкиноведения. Подавляющее большинство писем Соболевского Пушкину до нас вообще не дошли. По предположению Б. Л. Модзалевского и некоторых других пушкинистов, после смерти поэта Наталия Николаевна и опека возвратили некоторым его друзьям и близким (отцу, брату) их письма, хранившиеся у Пушкина. В таком случае, в числе этих ближайших к Пушкину корреспондентов вполне мог оказаться и С.А.С. Между тем писем к Пушкину из-за границы в архиве его не нашлось, как, впрочем, и писем других периодов. Неужели С.А.С. потерял возвращенные ему письма или уничтожил, переложив в ту пачку личных бумаг своих, на которых по его смерти оказалась надпись «*сжечь*» ? Трудно поверить, поскольку это совершенно не вяжется с той аккуратностью, в которой содержался его архив. На склоне лет С.А.С. спрашивал одного из своих знакомых: «Видали вы мой архив? Верно, нет, ибо кто

его видел, тому не может и в голову прийти мысль не токмо об утрате, но даже о затере какой-либо бумаги, мне принадлежащей»[80]. В каждом почти письме Соболевского из-за границы бесконечные вопросы о Пушкине. Из этого можно заключить, что непосредственной переписки он тогда с поэтом не вел. Письма Пушкина друзьям за границу, за очень немногими исключениями, в печати неизвестны.

* * *

К новому 1833 году Соболевский опоздал; не приехал и весной, и только 22 июля 1833 г. его имя значится среди прибывших на петербургской таможне. А еще через три с половиной недели... Впрочем, есть возможность предоставить слово самому С.А.С.

«Я возвратился из-за границы 22 июля 1833 года чуть ли не в день или на другой день крестин Александра (Сашки) Пушкина junioris. Несколько дней спустя, т. е. или в конце июля или в начале августа Алекс. Серг. и я поехали вместе и доехали до Торжка; в Торжке разъехались. Я поехал к себе в деревню, а он к каким-то приятелям, чуть ли не к Вульфу»[81].

У Соболевского была отличная память. Правда, выехали они с Пушкиным из Петербурга не в начале августа, а 17 числа, когда вода в Неве поднялась до очень высокой отметки; что же касается всего остального, то десятилетия не повлияли на точность воспоминаний С.А.С. В его дневнике есть карандашная запись по-французски: «Четверг 17 августа отъезд в Москву с Пушкиным. Пятница 18 в дороге. Прибыли в Торжок. Воскресенье в 1 час пополудни я отправляюсь в Теплое»[82]. Так что, сверься он со своим старым дневником, его письмо к М. Н. Лонгинову было бы еще точнее.

23 августа Соболевский выехал из Теплого в Москву, куда 25 числа добрался и Пушкин. Вечер 26-го они провели вместе у Киреевских. О чем беседовали они той дорогой, и до нее в Петербурге, и после нее — в Москве? Легко понять, насколько интересны и важны были Пушкину западные впечатления

Соболевского, новости, оценки, характеристики. О многом можно было переговорить, путешествуя вдвоем в четверг 17-го, пятницу 18-го, субботу 19-го августа! Пушкин тоже рассказал об этой поездке и в отличие от своего спутника — сразу после нее (в письме Наталии Николаевне из Торжка):

«Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пропускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастию ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время... На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром»[83].

Кто и полтора века спустя не позавидует Соболевскому, отшагавшему 15 верст пешком вдвоем с Пушкиным! К сожалению, сам он не написал о том разговоре подробно. Однако некоторые надежные данные имеются. Прежде всего, речь могла идти о книге, которую С.А.С. тайно (ибо в России она была запрещена) перевез через границу и подарил Пушкину, сделав надпись: «А. С. Пушкину, за прилежание, успехи и благонравие. С. Соболевский»[84]. Эта книга — 4-й том «Поэзии Адама Мицкевича», изданный в Париже в 1832 г. и включавший, в частности, 3-ю часть поэмы «Дзяды». Дарственная надпись библиофила С.А.С. не так проста и не так бессодержательна, как может показаться вне реального контекста. Это прозрачный намек на тот разлад, который возник между

Пушкиным и некоторыми его друзьями в дни усмирения николаевским правительством польского восстания 1830 г. В 4-м томе, привезенном Соболевским и подаренном Пушкину, Адам Мицкевич со всей страстью, ему присущей, обрушивался на русский царизм — душителя свободы народов. Вместе с тем он явно недооценивал историческую роль Петра I. Соболевский, как никто другой, знал настроения Мицкевича и во многом в те годы разделял их. Именно он, С.А.С., помог Мицкевичу собрать необходимые деньги, получить паспорт и весной 1831 г. возвратиться из Рима в восставшую Польшу.

Узнав о появлении стихотворения Пушкина «Клеветникам России» в одной книжке с «Одой на взятие Варшавы» В. А. Жуковского, С.А.С. иронически писал Шевыреву: «Написал ли ты оду на взятие Варшавы, в которой

> Вы, царь наш, очень правы,
> Так будьте здравы
> и укрощайте польски нравы и проч.?»[85]

Тогда же вспомнил он горькую песню:

> Матушка Россия не берет насильно,
> Берет добровольно,
> Наступя на горло...[86]

В европейской насыщенной электричеством атмосфере начала 30-х годов Соболевский не мог с достаточной глубиной разобраться в замыслах и концепции Пушкина и воспринял, как и многие другие, внешнюю сторону стихов. Но все же он знал многое и многих, чего в тот момент не знал Пушкин, и был для него более чем интересным собеседником. Подаренную книгу Пушкин взял с собою и в Оренбург и в Болдино, где списал в свою рабочую тетрадь польский текст трех стихотворений — «Русским друзьям», «Олешкевич» и «Памятник Петру Великому». Этот томик Мицкевича, и поныне хранящийся в библиотеке Пушкина, оказался для него своего рода импульсом (наряду, конечно, с другими, не менее важными) к огромной духовной работе, приведшей к «Медному всаднику», который был написан в Болдине в ту же осень после поездки с

Соболевским. «Люблю тебя, Петра творенье...» — это ведь и ответ Мицкевичу! Неразрывно связана книжка, привезенная Соболевским из Парижа, и со стихотворениями Пушкина «Он между нами жил...» и «Не дай мне бог сойти с ума».

Не место в историко-библиофильской работе обсуждать весь комплекс причин и следствий, образовавших творческую основу «Медного всадника» — гениальной поэмы, ставшей вершиной идейной и нравственной эволюции Пушкина. Подчеркнем только, что та книжка, тайно привезенная и тайно переданная, сыграла тут свою роль. Сыграла она свою роль и для пушкинистов, знающих благодаря надписи С.А.С., когда именно познакомился Пушкин с циклом «Петербург» и некоторыми другими стихами Мицкевича. А коли так, хвала библиофилу, во-время почувствовавшему, что́ волнует художника.

Это библиофильское чутье, основанное на понимании сущности книги не только в момент ее появления, но и в будущем, умение добыть, сохранить и в нужный час сообщить о книге или передать саму книгу тому, кто ее по достоинству оценит и сумеет применить, куда важнее тех качеств, которые привыкли считать специфически библиофильскими: вкус к изящным изданиям, подчеркнуто бережливое обращение с книгами, интерес к особо отличающимся от других экземплярам, индивидуальное представление о редкости книг и т. д.

Убежден и надеюсь убедить в том читателя, что подход к собирательской работе Соболевского с таких позиций («я при вас как пружина в часах») поставит его на неоспоримое первое место среди русских библиофилов прошлого века. Впрочем, был человек, способный это место отвоевать, но о нем после...

А сейчас вернемся на дорогу в Торжок, где в центре внимания двух собеседников оказалась еще одна книга (читатель понимает, конечно, некоторую условность «привязки» тех или иных бесед к точному месту и точному дню). В 1827 г. в Париже появилась небольшого формата книжечка, озаглавленная «Гузла, или Сборник иллирийских стихотворений, собранный в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине». Вскоре

после выхода книжечки в свет с нею познакомился Пушкин в Петербурге, а потом и Соболевский (вероятнее всего, уже в Париже). Оба купили ее. Пушкин для себя. Соболевский, как обычно, не только для себя, но и для своего друга — Сергея Дмитриевича Полторацкого. Пушкин воспользовался «Гузлой» как источником многих из «Песен западных славян». Соболевский же всегда рассматривал песенники как важную отрасль книжной коллекции — он собирал их и в России, и в Италии, и во Франции, и позже в Испании. При этом в некотором смысле он был в более выгодном положении, чем Пушкин, поскольку мог познакомиться с самим составителем сборника и собирателем песен (как полагал Пушкин) Проспером Мериме. Ровесник Соболевского (они родились не только в одном году, но и в одном и том же месяце и, забегая вперед, скажем: умерли тоже в одном году и в одном месяце), остроумец, блестящий новеллист, талантливый драматург, интереснейший библиофил, Проспер Мериме на всю жизнь подружился с «боярином Соболевским» * и тогда же в 1829 — 1830 гг. доверил ему тайну «Гузлы». Пушкин был поражен, когда узнал на том совместном пути секрет книги иллирийских песен, и... не поверил Соболевскому. Письмо-воспоминание о совместной поездке до Торжка, написанное С.А.С. к Лонгинову, подтверждает, что разговор о «Гузле» происходил именно тогда. Он вспоминал: «Пушкин решительно поддался мистификации Merimée, от которого я должен был выписать письменные подтверждения, чтобы уверить Пушкина, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки Пушкин часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Мицкевич. C'est donc en très bonne compagnie, que je me suis laissé mystifier **, — прибавлял он всякий раз»[87].

---

* Этой темы мы касаемся только в аспекте библиофильском, поскольку она детально разобрана А. К. Виноградовым.

** Право же, в отличную компанию я попал, когда поддался мистификации (*франц.*).

Итак, Пушкин не поверил и заставил Соболевского обратиться за разъяснениями к Просперу Мериме в Париж. Таким образом появилось письмо, которое условно назовем «Документ № 1»,— письмо Соболевского к Мериме, написанное, по-видимому, не ранее начала 1834 г. К сожалению, это письмо найти не удается — скорее всего, оно оказалось в той части архива Мериме, которая сгорела в парижском военном пожаре 1870 г., того самого года, когда 6 сентября в Москве скончался Соболевский, а 23 в Канне — Мериме. Но достаточно полное представление о тексте документа № 1 дают документы № 2 и 3. № 2 — ответное письмо Мериме Соболевскому, датированное 6 января 1835 г.: «Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор, с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух (т. е. Пушкина и Мицкевича.— *Авт.*), что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам,— во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собирание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был

Проспер Мериме.
С гравюры по оригиналу Deveria,
1829 г.

в полдень, я же вставал в десять часов: выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составился томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц... Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался и пр.»[88]

Получив это послание, само по себе представляющее образец эпистолярной прозы, великим мастером которой был Мериме, С.А.С. познакомил с ним Пушкина и насчет мистификации все стало ясно.

Мало сказать, что Пушкина заинтересовало письмо Мериме — оно навело его на интереснейшие мысли о подлинности фольклора и о праве писателя на стилизацию.

В том же 1835 г., уже получив от Соболевского письмо Мериме, Пушкин подробно знакомился с собранием русских песен П. В. Киреевского и скорее всего именно тогда, передавая Киреевскому пачку листков — им самим записанных песен (в том числе и в Болдине осенью 1833 г.), посоветовал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». «И сколько ни старался я разгадать эту загадку,— признавался потом Киреевский,— никак не мог сладить»[89].

Трудно не увидеть связи между историей «Гузлы» и этим разговором с Киреевским — кто как не Пушкин не раз доказывал несравненное умение воссоздавать дух народного творчества, поразившее его в книжке Мериме.

Но история с «Гузлой» на этом не заканчивается, ибо появились документ № 3, а за ним и № 4. В 1835 г. Пушкин готовил к печати IV часть своих «Стихотворений», куда намеревался включить и «Песни западных славян». Тут как раз и подоспело письмо Мериме, и Пушкин получил возможность написать к песням короткое предисловие и напечатать в книге полный текст письма Мериме.

Автор «Стихотворений» предуведомлял читателя: «Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года... Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в

подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен; С. А. Соболевский,* по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком...»[90]

Пушкин, как вспоминал С.А.С., очень гордился тем, что попал «в отличную компанию» Мицкевича (кстати, отзыв о Мицкевиче в этом «Предисловии» написан два года спустя после «Медного всадника»). Действительно, Мицкевич «перевел и украсил» (слова Пушкина) прозаический отрывок из «Гузлы», приняв его за подлинный. Первым «разоблачителем» подделки выступил великий Гете, которому, правда, сам автор препроводил «Гузлу». Так что Гете легче было угадать истину, чем Пушкину и Мицкевичу. Включая в «Стихотворения» авторское предисловие к «Песням» и письмо Мериме, Пушкин сделал это не только и не столько для разоблачения собственной ошибки, сколько для создания своеобразного сюжета, связанного с появлением «Песен западных славян». В сущности Пушкин как бы спроецировал одну мистификацию на другую, ибо дух воссозданных им славянских песен (отнюдь не просто «переведенных») в высочайшей степени соответствует истинному духу фольклора славянских народов (как, впрочем, и тончайшая стилизация Мериме). Так что, признаваясь в ошибке, автор «Стихотворений» как бы снова мистифицировал читателя. В примечании 18 к «Похоронной песне Иакинфа Маглановича» Пушкин пишет: «Мериме поместил в начале своей Guzla известие о старом гусляре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта»[91]. Ну уж, на этот раз и читатель Пушкина не склонен поддаваться мистификации:

* Во всех современных изданиях Пушкина фамилия Соболевского дается полностью. В первом (1836 г.) было: С. А. С.

получив «саморазоблачение» Мериме, Пушкин и не думал об истинности жизнеописания Маглановича, зато оригинальность и правдоподобие манеры французского писателя импонировали ему чрезвычайно. Вот он и напечатал в IV части своих «Стихотворений» прозу Мериме.

Полный круг истории с «Гузлой», затронувшей стольких славных людей века, завершает документ № 4. Это письмо Мериме к Соболевскому, датированное 31 августа 1849 г. и связанное, в основном, с путешествием С.А.С. по Испании почти через 13 лет после смерти Пушкина. Здесь приведем только самую концовку письма. Перед тем, как передать «тысячу дружеских приветствий», Мериме сообщал Соболевскому: «Я нашел в сочинениях Пушкина одно из моих писем к Вам и часть пушкинского перевода „Гузлы". Я выразил его памяти признательность тем, что перевел „Пиковую даму"»[92]. Таким образом, не только письмо Мериме о «Гузле» дошло до Пушкина, но и предисловие Пушкина к «Песням западных славян» и его примечания к ним стали известны Мериме. Круг замкнулся благодаря библиофилу и другу их обоих.

Такова документальная реалистическая история о роли библиофила в контактах мастеров двух культур, которую написали Пушкин, Мериме и сам Соболевский. Если в случае с «Путешествием...» Радищева поэт получил от библиофила могущественное идейное оружие, если «Поэзия» Мицкевича способствовала высвобождению огромной творческой энергии поэта, то скромная «Гузла» помогла Пушкину узнать некоторые любопытные факты литературной истории и в конечном счете привела его к важным мыслям и выводам.

* * *

Конец июля 1833 г.— начало августа 1836 г. были периодом самого интенсивного дружеского, делового, библиофильского общения Пушкина с Соболевским. По справедливому предположению А. К. Виноградова, благодаря Соболевскому появились

в библиотеке Пушкина два тома сочинения аббата Фортиса «Путешествие в Далмацию«, послужившего в значительной степени источником для Мериме при создании «Гузлы»; тогда же скорее всего подарил он Пушкину старую книгу в кожаном переплете — учебник испанского языка с надписью: «Пушкину от Соболевского на память Рейн-вейна». Трудно теперь установить дату этого подарка, но испанофильские увлечения С.А.С. определились именно после первой поездки в Европу. Сестра Пушкина Ольга Сергеевна 18 января 1835 г. писала мужу, соученику Соболевского по пансиону, Н. И. Павлищеву: «Соболевский собирается посетить Испанию — единственный край, в котором еще не бывал»[93].

Но три года С.А.С. не выезжал из России; он имел счастье много времени провести с Пушкиным. В конце 1833 — начале 1834 г. И. И. Панаев встретил их в книжной лавке Смирдина, помещавшейся тогда на Невском проспекте в бельэтаже дома лютеранской церкви. «В одно почти время со мною,— вспоминал Панаев,— вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватой эспаньолкой, одетый франтовски; другой, среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдавшимися губами и необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина по известному портрету Кипренского...

Он спросил у Смирдина не помню какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием. Спутник, заложив руку за жилет, отвечал громко и не смотря на Пушкина, потом с улыбкой обратившись к Смирдину, начал с некоторой торжественностью

К Смирдину как ни придешь...

и остановился...

Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой: «Счастли-

вец, как он обращается с великим человеком. Кто бы это такой?»

С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

Это-с С. А. Соб[олевск]ий,— отвечал Смирдин,— преумнейший человек и друг Александра Сергеевича-с. Он пишет на всех удивительнейшие эпиграммы в стихах-с»[94].

Сколько было тогда этих книжных встреч, библиофильских поисков и находок, сколько разговоров, острот, внезапных ассоциаций и шуток, которые навсегда озарили жизнь Соболевского и, несомненно, немало дали и Пушкину. В письме жене, уехавшей с детьми в Москву, потом в Ярополец, а оттуда на Полотняные заводы, Пушкин 17 апреля 1834 г. рассказывал, как он провел один из первых дней после ее отъезда: «Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма... как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме; и покаместь стали приводить в порядок библиотеку»[95].

Нужно заметить, что приведение в порядок, устройство и переустройство библиотек, превращение «книжных сборищ» в целенаправленные «подборы книг» со временем стало любимым делом С.А.С., даже своего рода общественным его долгом. Содержа в несравненном порядке собственную библиотеку, он со всей силой сарказма обрушивался на хаос, замеченный в книжном хозяйстве друзей. На склоне лет С.А.С. привел в порядок библиотеки Общества любителей российской словесности, Английского клуба в Москве, Чертковскую библиотеку, библиотеку М. А. Голицына и некоторые другие. Но едва ли не первой для него была та, которая как святыня хранится ныне в Институте русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде и которую, сколь это ни странно, он сам некогда опрометчиво предлагал продать с аукционных торгов.

В этот период Сергей Львович Пушкин жаловался, что сын «предпочитает отцу родному всяких Нащокиных да Соболев-

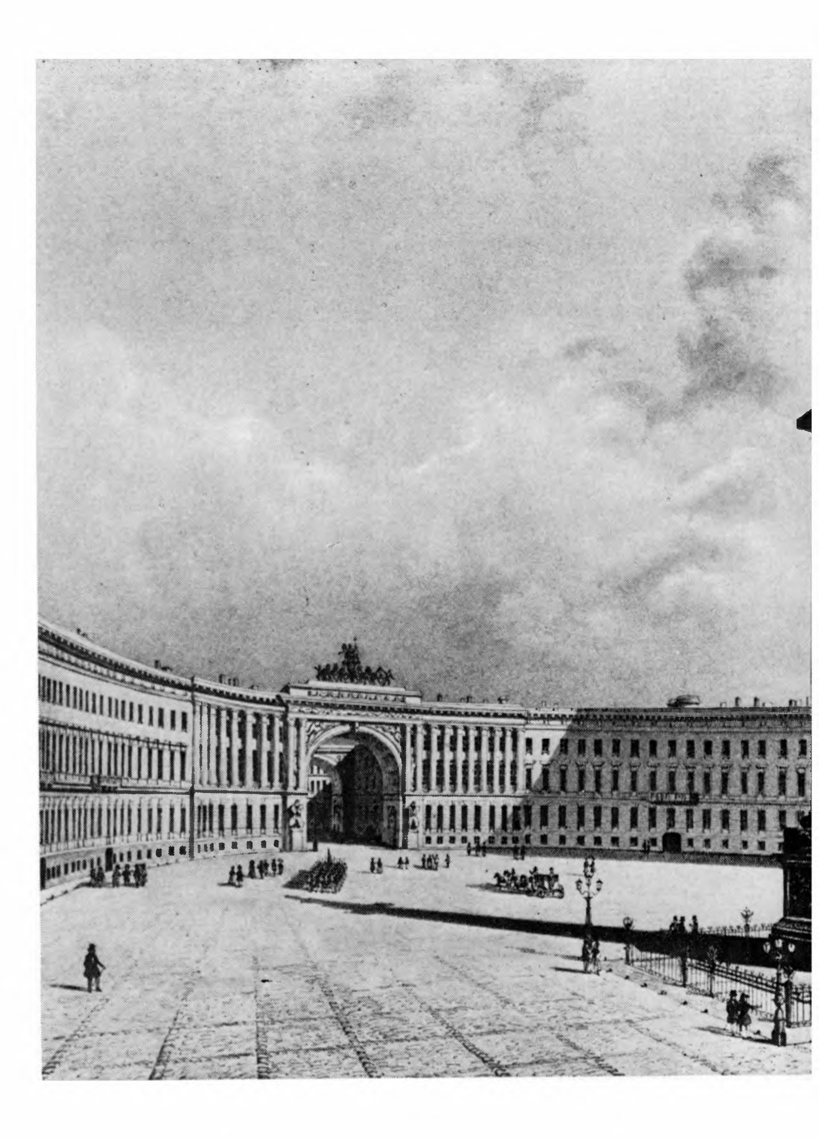
ских»; мать поэта Надежда Осиповна замечала, что «Лев и Александр сильно привязались к Соболевскому, они неразлучны»; сестра Ольга Сергеевна сообщала мужу: «тебе кланяется С.С., без которого Александр жить не может. Все тот же на словах злой насмешник, а на деле добрейший человек», которого «брат посвящает в семейные дела, ничего от него не скрывает». Получая многочисленные имущественные письма Павлищева, Пушкин порою терял терпение, и тогда С.А.С. читал их ему вслух, попутно рекомендуя различные мероприятия по управлению хозяйством. Но главное, чего хотел он тогда добиться для Пушкина,—убедить его выйти в отставку и уехать с семейством в деревню. Не без влияния Соболевского было написано 25 июня 1834 г. известное письмо Пушкина Бенкендорфу: «Граф. Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу...»[96] Об этом влиянии свидетельствовал, в частности, отец поэта в письме к дочери 25 мая 1834 г.: «Он, кажется, у Александра совершенно поселился и воцарился, подбивает его доказать любовь к независимости не на словах, а на деле, т. е. выйти в отставку да „ускакать в деревню заниматься не камер-юнкерскими, а денежными делами“»[97].

Под влиянием многих обстоятельств и советов друзей Пушкин вынужден был отказаться от принятого было решения, но если бы...

Что толку в *если бы*: если бы они поехали за границу вместе в 1827 или 1828 гг., если бы состоялись отставка и отъезд в деревню, если бы Соболевский не собрался второй раз в Европу...

Можно вполне довериться воспоминаниям сестры Пушкина о том, что Соболевский, как никто другой, умел разгонять тоску поэта. В ее альбоме сохранились некоторые забавные его стихотворные шутки. Например, такая:

Что помышляют ваши братья,
В моей башке—не мог собрать я!

или такая:

Пишу тебе в альбом и аз,
Сестра и друг поэта, Ольга,
Хотя мой стих и не алмаз,
А просто мишура да фольга.

(Это четверостишие примостилось рядом с посланием П. А. Вяземского «Поэта друг, сестра и гений милый», которое и уподобляется алмазу.)

Приведем еще одно мемуарное свидетельство из тех, что подтверждают интенсивность и дружеский характер общения Пушкина с Соболевским. В. А. Соллогуб вспоминал: «...однажды Пушкин шел по Невскому проспекту с Соболевским. Я шел с ними, восхищаясь обоими. Вдруг за Полицейским мостом заколыхался над коляской высокий султан. Ехал государь. Пушкин и я повернули к краю тротуара, тут остановились и, сняв шляпы, выждали проезда. Смотрим, Соболевский пропал. Он тогда носил бороду и усы цветом ярко-рыжие. Заметив государя, он юркнул в какой-то магазин, точно в землю провалился. (Ношение бороды и усов дворянами при Николае I преследовалось.— *Авт.*)... Мы стоим, озираемся, ищем. Наконец, видим, Соболевский, с шляпой набекрень, в полуфраке изумрудного цвета, с пальцем, задетым подмышкой за выемку жилета, догоняет нас, горд и величав, чорту не брат. Пушкин рассмеялся своим звонким, детским смехом и покачал головою: „Что, брат, бородка-то французская, душенька-то все та же русская?“» [98]

Выиграв судебное дело о материнском наследстве, устранив, как предполагают биографы Пушкина, третью в своей жизни дуэль поэта (с С. С. Хлюстиным) и захватив с собой автограф «Гусара» — подарок Пушкина Проспер Мериме*, Соболевский отплыл из Кронштадта в Англию 8 августа 1836 г. ... Больше они никогда не увиделись.

* Этот автограф так в Россию не вернулся — он хранится в музее города Авиньона во Франции.

* * *

Мы сообщили читателю лишь часть тех фактов, которые не оставляют сомнения в тесных и многообразных взаимоотношениях Пушкина с Соболевским, далеко выходивших за рамки простого приятельства. Формулой «поэт — библиофил» тут, конечно, дело также не исчерпывается. Пушкин несомненно любил Соболевского, хотя временами его раздражала подчеркнутая бравада и, быть может, отсутствие чувства меры, несомненно свойственное молóдому С.А.С.

Оценивая роль С. А. Соболевского в истории русской культуры, блестящий знаток литературы, истории, быта пушкинской эпохи, Николай Осипович Лернер писал: «Связь с Пушкиным укрепляет права Соболевского на память потомства. Поистине великий человек на малые дела был этот веселый друг и собутыльник поэта. Ему было дано и остроумие, и вкус, и поэтическое чутье, и верный общественный такт, и он истратил их буквально на пустяки. И все же ему нельзя отказать не только в своеобразии, но даже в исторической значительности: без этого говоруна, беззаботно-веселого остряка и присяжного бонмотиста, были бы как-то неполны наши представления о пушкинской эпохе. То, что в душевной полноте отзывчивого Пушкина жило как намек, как маленькая частность, в Соболевском получило усиленное выражение»[99].

Многое тут верно подмечено, а в целом все... совершенно неверно, на наш взгляд. Трудно представить себе что-либо более частное в характере С.А.С., а точнее в значении его личности, чем склонность к легкомысленным шуткам и балагурству. Отнюдь не на пустяки истратил он данные ему природой способности и, что, может быть, также важно, данную ему обстоятельствами возможность интеллектуального общения с лучшими людьми России и Европы. Он употребил все это на закладку какой-то части того фундамента всякой национальной культуры, который образуют книжные фонды общественных и частных библиотек и, так сказать, на библиографическое осна-

щение творческих усилий писателей, историков, всех работников культуры (как мы теперь их называем).

Это ли «малое дело»? Удивительный получился парадокс: «неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм» обязан своей известностью у потомства именно эпиграммам и экспромтам, частично собранным в книгу в 1912 г., а то главное, чем он занимался всю жизнь с любовью, несравненным знанием дела, бескорыстием и умом,— собирание книг — почти и не ставится ему в заслугу.

К рассказу об этом главном деле Соболевского мы теперь и перейдем.

ГЛАВА
2

КАК РАССКАЗАТЬ О БИБЛИОТЕКЕ?

Описывай не мудрствуя лукаво.
А. Пушкин

КАТАЛОГ — ПАМЯТНИК СОБИРАТЕЛЮ

В самом деле — как рассказать о библиотеке? Передо мной лежит экземпляр редкого теперь каталога иностранной части книжной коллекции Соболевского[1]. Интересен сам экземпляр: на полях его каллиграфическим почерком красными чернилами указаны цены на каждое издание, проданное на аукционе, от самой высокой 5016 талеров до самой низкой — 1 «новый грош»*. На последней странице аккуратно составленная тем же почерком табличка дублетов, триплетов и изданий, имевшихся у Соболевского в еще большем числе экземпляров (таких случаев сравнительно немного).

* В одном саксонском талере 30 новых грошей; 8 новых грошей составляли 1 франк.

Там же есть запись владельца каталога: «Некоторые издания не получили аукционных цен, ибо были забракованы любителями из-за плохого состояния экземпляров. На аукционе присутствовали представители иностранных книготорговых фирм из Лондона, Берлина, Амстердама, Нью-Йорка и Парижа...» По-видимому, тот, кому принадлежал экземпляр каталога, ныне хранящийся во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы, побывал на аукционе на Университетской улице в Лейпциге и, как нетрудно догадаться, кое-что приобрел.

Каталог этот «посмертный», ибо составлен он был специально для аукционной распродажи библиотеки, происходившей на протяжении нескольких дней начиная с 14 июля 1873 г. Правда, многие аннотации, лаконичные и четко определявшие особенности данного издания и данного экземпляра, его ценность (не материальную в данном случае, а библиографическую, книговедческую, библиофильскую ценность) были составлены самим владельцем: после его смерти в каждой почти книжке нащлась узкая полоска бумаги, на которой аккуратно было составлено соответствующее объяснение. Увы, нет сомнения в том, что большая часть этих записей — своего рода собрания сочинений библиофила — не вошла в каталог, а сами листки исчезли. Вот несколько типов оценок книг по степени их редкости, принятых в каталоге: «exemplaire unique» («экземпляр уникальный» — и это значит действительно единственный, точнее — единственный, по мнению владельца коллекции)*; « exemplaire probablement unique » («экземпляр, вероятно, уникальный»), « édition tirée à 2 exempl. » («книга, изданная тиражом в 2 экземпляра»); « livre rarissime » («книга наиредчайшая»); « édition de toute rareté » («издание абсолютной редкости»); « fort rare » («первостепенная редкость»); « très rare » («весьма ред-

* Теперь мы в обыденном употреблении допустили неоправданную инфляцию слова «уникальный»: пишем «уникальная книга», а их 500; пишем «уникальная коллекция», а в соседнем городе есть такая же.

кая»); «rare» («редкая»). Другая шкала оценок — по внешности экземпляра; третья — по полноте подбора многотомника или серии; четвертая — по особенности данного экземпляра (автограф, принадлежность прежде к какой-либо знаменитой коллекции) и т. д. Соответствующим образом проаннотированы и расположены в строгом порядке все 4448 номеров этого каталога. Схема расположения такова:

I. Библиография. № 1—594.

а) История книгопечатания.— Ксилография.— Книжная торговля.— Публичные библиотеки.— Переплет.— Разные библиографические издания (библиографическая смесь).

в) Каталоги частных библиотек, распродаж и прочие.

с) Каталоги книгопродавческие с указанием цен.

II. Литература. № 596* — 1424.

а) История литературы; биографии писателей; история театра № 596—724.

в) Литература и лингвистика Востока. № 725—789.

с) Литература и лингвистика Европы. № 790—1424.

(Примечание: переводные сочинения в ряде случаев помещались в разделе, соответствующем языку перевода).

1) Авторы греческие и латинские № 790—814.
2) Франция № 815—1120.
3) Италия № 1121—1276.
4) Испания и Португалия № 1277—1347.
5) Германские, английские авторы; авторы из Северных стран № 1348—1424.

III. Изящные искусства

Иллюстрированные издания различных жанров; музыка; археология № 1425—1539.

IV. История, география, путешествия № 1540—4158

а) Общие сочинения. Хронология. Палеография. История древности и средних веков. Религиозные ордены № 1540—1596.

в) География — серии книг о путешествиях, дневники путешественников; экспедиции кругосветные и охватывающие значительные районы земного шара № 1597—1814а.

* № 595 пропущен в каталоге.

(Примечание: сочинения, где описаны экспедиции в Америку наряду с другими районами, отнесены к разделу «Америка».)

c) Европа

1) Общие сочинения. Германия. Швейцария. Нидерланды № 1815—1868
2) Англия № 1869—1918
3) Франция № 1919—2061
4) Италия № 2062—2131
5) Испания и Португалия № 2132—2207
6) Россия и Польша № 2208—2729
7) Северные районы: Швеция, Норвегия, Арктика № 2730—2758
8) Турция, Греция, Венгрия, сопредельные территории № 2759—2824

d) Азия

1) История, путешествия № 2825—3167
2) Религиозные миссии иезуитов и других орденов № 3168—3414

(Примечание: миссии в Америку отнесены к разделу Америки.)

3) Св. Земли № 3415—3466

e) Африка № 3467—3616

f) Америка и Океания № 3617—4157

(Примечание: № 3617—3658—коллекция изданий фирмы де Бри. Большие и малые путешествия на латыни и немецком языке. Экземпляр № 1, состоящий из различных изданий всех частей серии.)

V. Смесь № 4158—4447

Книги; не входящие в предыдущие разделы.

а) Книги по кулинарии № 4158—4241
в) Знаменитые судебные процессы № 4242—4278
c) Разное № 4279—4447

Естественная история; медицина; юриспруденция; философия; политическая экономия; наука; оккультные науки; фармакопея; шахматы; военное искусство; фехтование. Книги, не вошедшие ни в один из разделов.

№ 4448—Переписка Соболевского (28 томов).

Так выглядела иностранная часть библиотеки Соболевского ко дню его смерти. Русскую часть коллекции мы себе с такой же

четкостью представить, к сожалению, не можем. Выпущенный в 1874 г. тоненький русский каталог (800 номеров)[2] не отражал самого главного: в него вошли лишь печальные остатки библиотеки С.А.С.— после «очистки» ее Британским музеем, Лейпцигским университетом и другими европейскими библиотеками, заинтересовавшимися русскими книгами Соболевского, которые находились на складах фирмы «Лист и Франке». Однако и в этом «очищенном» каталоге находятся вещи любопытнейшие. Назовем некоторые из них — к сожалению, вынужденно по принципу редкости, поскольку определяющий для Соболевского принцип — *подбора* не может быть применен к каталогу, отразившему лишь развалины русской коллекции. Из первого, библиографического отдела (если располагать книги по аналогии со структурой иностранного каталога) обращают на себя внимание:

№ 52. Полный подбор «Материалов» для описания библиотеки Я. Ф. Березина-Ширяева.

(4 талера)

№ 66. Коллекция материалов «Монастырские библиотеки». Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. Опись книгам степенных монастырей и опись книгам, поступившим в 1675 г. в патриаршую ризную казну. Описание патриаршей библиотеки 1718 г. (М. Полуденского) и др.*

(1 талер 15 н.гр.)

№ 68. Древняя российская библиофика. Изд. Ник. Новикова. Москва, 1788—1795. 31 том. Редчайший по полноте и сохранности экземпляр.

(36 талеров)

№ 315. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703. (Перепечатка М. А. Корфа, тиражом 50 экз.)

(6 талеров)

№ 323. Поденьщина. Сатирический журнал (1769 г.); Пустоме-

* Все описания даем без изменений — по каталогу.

ля; Кошелек. Редкое переиздание, осуществленное в Москве А. Афанасьевым в 1858 г.

(3 талера)

№ 344. П. Кеппен. Материалы для истории просвещения в России. Птб., 1819—1827.

(6 талеров 15 н.гр.)

№ 689. Об больших библиотеках Европы в начале 1859 г. В. Собольщикова. Экземпляр особый (большого формата), видимо подаренный автором Соболевскому

(1 талер 12 н.гр.)

№ 698. В. Сопиков. Опыт российской библиографии

(4 талера)

Подбор сочинений о России на русском языке в «Соболевскиане» был столь богат и разнообразен, что даже за вычетом того ценнейшего, что отобрали у «Листа и Франке» названные книгохранилища, в русском каталоге остался ряд важных и редких книг:

№ 30. Гидрографический атлас Российской империи. 50 карт. Составлен Александром Вюртембергским. Б.м., б.г.

(24 талера)

№ 47. Описание в лицах Торжества, происходившего в 1626 февраля 5 при бракосочетании государя князя Михаила Федоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною из рода Стрешневых. Авт. Бекетов П. 65 цв. илл. М., 1810.

(18 талеров)

№ 76. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 г. Соч. Г. Богданова. Птб., 1779,

№ 239. Военный сборник, издаваемый по высочайшему повелению при штабе отдельного гвардейского корпуса. 46 томов. Спб., 1838—1865. Редчайший по полноте экземпляр.

(50 талеров)

№ 280. Инструкция для управления Симбирским, Воронежским и Саратовским имениями (соч. графа В. В. Левитова).

Б.м., б.г. Редчайшее издание, не проходившее через цензуру. С приложением рукописных документов.

(8 талеров)

№ 464. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державе по сии времена. Соч. Г. Ф. Миллера. Птб., 1750.

(2 талера 15 н.гр.)

№ 511. Новиков Н. История о невинном заточении ближнего боярина Матвеева. М., 1785. Одно из наиболее редких новиковских изданий.

(4 талера)

№ 514. В[ладимир] Ф[едорович] О[доевский], князь. Музыкальная грамота для немузыкантов. М., 1868. Единственный существующий экземпляр.

(15 н.гр.)

№ 743. Чулков М. Историческое описание российской коммерции от древних времен до ныне настоящего и всех узаконений преимущественно по оной. 21 том. Птб., 1781—1786. Полный комплект этого сочинения чрезвычайно редок.

(36 талеров)

№ 746. Российский Өеатр или полное собрание всех российских Өеатральных сочинений. 43 т. Птб., 1786—1794.

У С.А.С. было два комплекта этого знаменитого журнала. В одном комплекте 39-й том, откуда по повелению Екатерины II была вырвана трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим», содержал эту трагедию в рукописном виде; во втором комплекте 39-й том был в полной сохранности, с невырванным «Вадимом». Такой вариант крайне редок. С.А.С. сделал на титульном листе тома надпись: «Мне известны три экземпляра 39-го тома в таком виде: мой; Эрмитажа; Румянцевского музея, купленный у Полторацкого за 100 рублей». Комплект «Российского театра» с испорченным 39-м томом предлагался к продаже за 60 талеров, с сохранившимся в первоначальном виде — за 80. Отметим также в русском каталоге № 571 — семь томов анненковского издания сочинений Пушкина с пометками и вставками Соболев-

ского (правда, еще до распродажи библиотеки эти пометы были известны пушкинистам и тщательно скопированы М. Н. Лонгиновым) и № 572 — А. С. Пушкин. Радищев (по-видимому, копия не печатавшейся тогда еще статьи Пушкина).

Даже эти в сущности случайно сохранившиеся в каталоге названия говорят о необычайном богатстве русской библиотеки С.А.С. Недаром, собираясь в трудное для себя время продать коллекцию, он предполагал поставить будущей фирме-покупателю обязательное условие: все русские книги и все книги о России, которых нет в Публичной библиотеке в Петербурге, должны быть туда переданы по заранее назначенным собирателем «божеским» ценам.

При этом С.А.С. отмечал любопытную особенность книжного рынка России: «Русские книги вообще делаются скоро редкими, и потому, что им нет складочных торговых мест, и потому, что они разбросаны на огромном пространстве, и потому, что мы, россияне, вообще беспорядочны и не скопидомы. Особенно же всякая книжка, не стоющая при появлении расхода на переплет, делается редкостью, потому что рвется скоро; эти-то книги и составляют цвет нашей коллекции, потому что в них частехонько бывает больше сущности, чем в толстых томах. И притом, так как они не сберегаются, то нет возможности их иметь в возможный час надобности»[3].

Трудно исчислить те невосполнимые потери, которые понесла отечественная культура с рассеянием библиотеки Соболевского. И если бы это был единственный случай!..

Те 4448 номеров иностранной коллекции, которые зафиксированы в каталоге,— это, как понимает читатель, только 4448 названий, томов же получается около 30 тысяч, да еще несколько тысяч томов русских книг. Вот самый приблизительный подсчет богатств Соболевского.

Однако что же узнали мы о библиотеке, охарактеризованной таким образом? В сущности немного. Конечно, внимательный читатель заметит, что С.А.С. более всего интересовался библиографией и географией; что у него была обширная «Россика»,

богатая «Американа» и т.д. Но все это не выходит за рамки обычной справки, оставляющей нас равнодушными.

Но как же все-таки рассказывают о книжных коллекциях? Пойдем, так сказать, по второму кругу — вслед за теми, кто писал о библиотеке Соболевского: С. П. Шевыревым, А. Коном, У. Г. Иваском, Н. Ф. Бокачевым, П. Апостолом, А. К. Виноградовым, но прежде всего — за самим собирателем.

«Моя библиотека,— писал он,— ... есть отражение моей умственной жизни, т.е. я покупал те книги, которые мне были нужны для изучаемого в данный момент предмета, и оттого происходит в ней совершенное отсутствие всякой непросмотренной книги (не говорю «непрочитанной», потому что есть тысячи книг, которые никогда не читают, но которые держат для какой-либо справки). Просмотреть книгу — у меня значит познакомиться с ее содержанием настолько, чтобы узнать, чего мне в ней искать можно»[4]. Под такими словами собирателя могли бы подписаться все ученые, все писатели, все, кто использует книгу как инструмент для работы. Это кредо Соболевского-библиографа, Соболевского-поэта, Соболевского-путешественника, и менее всего такой подход был свойствен библиоманам или даже библиофилам — в прежнем понимании этого слова, т.е. людям, любящим «книгу для книги». Время вносит поправки и в терминологию, и в содержание прежних понятий, и в реальный подход к любому явлению, в данном случае — к собиранию книг. Теперь наиболее распространенный тип библиофила именно таков, каким был С.А.С. больше века назад — в этом смысле он далеко опередил свою эпоху. Правда, в наши дни едва ли кто решится и сумеет приобрести все книги, которые полезны бывают для справки (да и нужно ли?), и в этом смысле время поправило Соболевского.

Чрезвычайно актуально сегодня и другое высказывание С.А.С., связанное с методологией собирательства, до сих пор еще разработанной слабо: «Я не люблю покупать книгу из-за того, что она редка, но всегда стараюсь приобретать редкую книгу, если ею пополняется один из главных отделов моей

библиотеки»[5]. Сколько коллекций превратилось в бессмысленный набор книг, плохо понимаемых и плохо используемых, лишь потому, что в основу собирания владельцами был положен принцип «редкости». Дело не просто в том, что люди тщеславные и невежественные увлекались собиранием «редкостёв» (по меткому выражению русских библиографов), т.е. псевдо-редкостей — книг, пусть и не попадающихся в продаже, но пустых по содержанию. Это одна сторона вопроса, другая — в том, что редкость интересна только в *контексте*, только в окружении других книг, пусть самых обычных, многотиражных тружеников просвещения, но связанных тематически с этой самой редкостью, дающих вместе с нею представление о предмете, которым интересуется собиратель. Иначе редкость — мертва. Соболевский это понимал — и тут он тоже опередил свое время. Он утверждал: «Книги можно называть редкими только тогда, когда они суть звенья, соединяющие и пополняющие писанное о каком-либо предмете, а не только тогда, когда они редко встречаются в продаже»[6].

В 1859 г. давний знакомец и друг юности С.А.С.— С. П. Шевырев опубликовал первую часть «Истории русской словесности»[7], в которой очертил и круг пособий для изучения литературы, имеющихся в России, дав характеристику основным частным книжным коллекциям. Среди них нашлось место и библиотеке С.А.С. Общее число книг библиотеки уже тогда, по данным Шевырева, превысило 20 тысяч. Тут было все самое необходимое для русской словесности и истории; замечательной полнотой отличалось собрание трудов русских путешественников о странах «вне Европы находящихся». Рукопись на русском языке к тому времени была у Соболевского (если не ошибается Шевырев) только одна: весьма занимательное и поучительное описание путешествия священника Иоанна Лукьянова в Иерусалим в 1701—1702 гг. (заметим, что в 1863 г. С.А.С. эту рукопись опубликовал). Характеристика русской части коллекции, данная Шевыревым, особенно важна, поскольку он-то библиотеку Соболевского видел, ею пользовался и одно время в отсутствие

владельца даже ее хранил, тогда как те, кто писал о ней после 1870 г., не имели даже исправного ее каталога.

Что касается иностранной части в том виде, как она сложилась к концу 50-х годов, то ее, по Шевыреву, можно классифицировать примерно так:

1) многотомное собрание самых редких старинных путешествий, издававшихся с конца XV века по конец XVII, на многих европейских языках (Шевырев особо выделяет испанские путешествия; между тем в этой рубрике истинным перлом следует считать серию изданий книжной фирмы де Бри).

2) коллекция «всего лучшего и редкого» из сочинений, посвященных библиографии, истории книгопечатания и истории словесности (библиографическим пособиям, каталогам, истории книги С.А.С. отдавал особое предпочтение, комплектуя эти разделы с несравненно большей полнотой и тщательностью, чем собственно историю словесности).

3) сочинения тех средневековых поэтов и прозаиков, от которых ведут свое начало нынешние словесности: немецкая, французская, английская, итальянская, испанская и португальская (при всем богатстве раздела средневековой литературы он по своей полноте не идет ни в какое сравнение с «географией» и «библиографией» «Соболевскианы»).

По выходе книги Шевырева Соболевский тотчас принялся за пристальное изучение и проверку помещенных в ней сведений о русских библиотеках, отыскивая неточности и составляя письменные дополнения, как это делал всегда в подобных случаях («Не пропустит им ошибки, недомолвки не простит, вид одной его улыбки их пугает и казнит»[8],— шутила Е. П. Ростопчина). Его письмо автору «Истории российской словесности»[9] представляет собой историко-библиофильскую работу и по праву может войти в список трудов Соболевского-библиографа. Увы, как и многое другое, это письмо появилось в печати через 39 лет после смерти С.А.С.

«Если ты намерен во втором томе сделать прибавки, то могу тебе указать многое...»—далее следуют важные уточнения,

факты, «наводы, напутья», как пишет С.А.С., т.е. материалы, до сих пор полезные историку книжного собирательства в России. Характеристикой своей библиотеки у Шевырева С.А.С., видимо, остался удовлетворен, поскольку никаких поправок не сделал (возможно, этот текст был с ним согласован заранее). Вполне вероятно, что С. П. Шевырев знакомился с недошедшим до нас каталогом библиотеки С.А.С., составленным самим собирателем в 1850—1851 гг., как о том свидетельствует его письмо к С. Д. Полторацкому от 1 июля 1851 г.[10] Зато одно терминологическое соображение С.А.С. имеет смысл привести: «Термин „collectio", собрание, по-моему не заключает в себе мысли о знании дела и о какой-либо предположенной цели, которые выражаются словом подбор...»[11] Надо сказать, что понятие «подбор» для Соболевского всегда было определяющим при оценке книжных собраний, которых он знал великое множество; исключительной полнотой и продуманным подбором отличалась и его собственная библиотека. Впрочем, и само слово «библиотека» для него в определенных условиях оказывалась синонимичным «подбору»: «слово: библиотека предполагает в собирателе некую разумную цель...»[12]

Выработанные многими годами собирательства библиофильские воззрения С.А.С., несомненно, сложились в своего рода теорию, нигде не изложенную специально и в целом, но постоянно влиявшую на конкретные оценки библиографических явлений и характеристики книжных собраний. При этом он удивительно прозорливо оценивал соотношение публичных и частных библиотек: «Частная библиотека, особенно же библиотека для чтения, по существу своему, не может претендовать на полноту; в состав ее не может включаться книг старинных или редко встречаемых или редко требуемых; следовательно, круг справок, делаемых в ее каталоге, не может быть очень обширен, как бы впрочем она ни была значительна»[13]. Это писалось, когда русское книжное собирательство только-только окончательно перешло от универсальных частных коллекций, владельцы которых стремились собрать «все лучшее по всем

отраслям знаний», к специальным, основанным на сознательном выборе отрасли или отраслей собирательства.

Понимая, что никакая частная библиотека не заменит публичную — и не в этом ее предназначение,— С.А.С. сосредоточился на двух библиофильских специальностях, делая, конечно, подчас и исключения, но никогда не разбрасываясь. Первая из этих специальностей — библиография, библиофилия, библиотечное дело, каталоги; вторая — книги о путешествиях.

Нетрудно увидеть связь между двумя этими разделами: библиографические пособия во многом помогли С.А.С. подобрать несравненную коллекцию путешествий, да и вообще никакая серьезная библиотека невозможна без библиографического отдела. Однако эта связь глубже, чем можно усмотреть на поверхности: как книги о путешествиях помогали библиофилу узнавать города и страны, моря и материки, на которых он никогда не бывал,— точно так же библиография помогала ему путешествовать в необъятном океане книг и узнавать о тех, которые он никогда не видел, а иные и не увидит. Две страсти — путешественника и книжника-собирателя,— видно, чем-то близки друг другу, и Соболевский это, может быть и не сознавая до конца, продемонстрировал миру.

Разумеется, библиографический отдел у С.А.С. значительно шире библиографии путешествий. Но ведь собирая и внимательно изучая, скажем, каталоги частных библиотек, аукционных распродаж, книги по истории типографии и книжной торговли, можно многое почерпнуть и по вопросам географическим или в более широком понимании, свойственном С.А.С., страноведческим и этнографическим.

Следующим, кому довелось писать о «Соболевскиане», оказался составитель аукционного каталога иностранной части Альберт Кон. Он был знаком с С.А.С., побывал в Москве и осматривал еще «живую» библиотеку. В коротком предисловии А. Кон использовал высказывания самого Соболевского: «Моя библиотека не из тех, на продажи которых сбегаются банкиры и биржевики. Ее главная ценность — в научном подборе вообще

и в библиографическом подборе некоторых ее отделов»[14]. Это очень точная самооценка, поскольку С.А.С. никогда не считал важнейшей внешнюю сторону книги, не гнался за роскошными изданиями, не собирал специально иллюстрированных изданий, не украшал переплеты драгоценными камнями, как делали многие библиофилы прошлых веков, и даже не собирал инкунабул, за исключением тех немногих, которые были ему нужны тематически. Что касается библиографического подбора, о котором говорит С.А.С., то имелась в виду полнота интересовавших его разделов, подобранных научно на основе глубокого знания соответствующего книжного репертуара на всех европейских языках, а не сложившихся из случайных покупок.

Автор предисловия с высоким уважением отзывается о русском собирателе, с которым имел счастье неоднократно беседовать на библиографические темы в Москве и чью библиотеку довелось ему каталогизировать уже после смерти собирателя. «Библиографические знания Соболевского были столь же солидны, сколь и разнообразны... Чем старше он становился, тем более библиофилия становилась, так сказать, целью его жизни — не бесплодной манией коллекционера, который подобно скупцу собирает сокровища, не пользуясь ими, а просвещенной любовью искателя, умеющего находить то, что он ищет»[15]. Эта справедливая характеристика принадлежит, может быть, тому единственному профессионалу-книжнику, который после смерти Соболевского исследовал его библиотеку в целом, со всеми записками, вложенными в книги, со всеми пометами и другими особенностями экземпляров. Не будучи образованным литератором, А. Кон был достаточно знающим книгопродавцем, и его оценка того лучшего, что было у С.А.С., заслуживает быть выслушанной.

Характеризуя библиографический отдел «Соболевскианы», А. Кон отмечал «полное отсутствие пропусков»: здесь были все без исключения библиографические словари, библиографические периодические издания, подборы каталогов, сочинения известнейших библиофилов и библиографов, причем некоторые

в особых «исключительных экземплярах» (например, № 371 — один из двух существующих пергаментных экземпляров и без того весьма редкого каталога Ван Прэта, изданного в Париже в 1813 г.). Интересен № 115 — экземпляр «Библиографического Декамерона» Т. Дибдина — все три тома в красном марокене с прибавлением большого числа гравюр в превосходном виде, один из трех существовавших экземпляров; редкий трехтомный каталог (два основных тома и третий — дополнительный) великолепной библиотеки «Гренвиллианы» (№ 176). Эта библиотека, описание которой было издано Дж. Пейном и Х. Фоссом в Лондоне в 1842—1848 гг. всего в 180 экземплярах, хранится теперь в Британском музее. Из других редкостей этого отдела А. Кон выделяет малотиражные сочинения Р. Минцлова, относящиеся к Императорской публичной библиотеке (№ 261—266).

Время вносит свои поправки, и теперь нельзя пройти мимо некоторых других номеров библиографического отдела (тем более в работе, посвященной библиофилии), которые, может быть, и не составляли «абсолютной редкости» в прошлом веке, но зато в нашем встречаются в ранних изданиях все реже.

Назовем полную коллекцию трудов («Библиографический Декамерон» уже упоминался) знаменитого английского библиофила и библиографа Томаса Фрогнала Дибдина (№ 114—124):

«Библиотека Спенсериана», т. 1—7 (Лондон, 1814—1823) — каталог инкунабул и ряда ценнейших первых изданий XVI века со многими приложениями: воспроизведением старых гравюр, портретов и т. д.;

«Путешествие библиографа, антиквара и любителя картин в северные районы Англии и в Шотландию» (Лондон, 1838);

«Путешествие библиографа, антиквара и любителя картин во Францию и Германию» (т. 1—3, Лондон, 1821) с приложением из 4-х частей, включающим множество рисунков и гравюр;

«Типографические памятники Англии, Шотландии и Ирландии» (т. 1—4, Лондон, 1810—1819);

«Воспоминания о литературной жизни» (т. 1—2, Лондон, 1836);

«Библиомания, или Книжное безумие. Библиографический роман» (Лондон, 1842);

«Библиотечный компаньон, путеводитель юных и утешение стариков» (т. 1—2, Лондон, 1825);

«Библиофобия. Замечания о нынешнем жалком состоянии литературы и книжной торговли» (Лондон, 1832).

В одном из писем С.А.С. замечал, что как ни дорого стоит полный Дибдин, «жить без него библиофилу невозможно». Можно с уверенностью сказать, что ни в одной частной коллекции в России не было такого подбора трудов классика английской библиографии.

... Написав это, автор хотел бы предварить весьма вероятное недоумение: что толку хвастаться полнотой, содержательностью, редчайшими изданиями библиотеки Соболевского, если она бесследно «испарилась», разошлась по рукам, если нет возможности читателю посмотреть все эти книги, вздохнуть о недостатке времени их прочесть и помянуть добром Соболевского. Действительно, библиотеки давно нет («разбрелось по рукам русское культурное сокровище»[16],— горько сетовал П. И. Бартенев). Отдельные экземпляры попадаются, правда, в наших библиотеках, кое-что есть и у собирателей. Кроме того, книги Дибдина, скажем, в тех же изданиях (пусть и не экземпляры Соболевского) можно получить в отделах редкой книги крупнейших библиотек. Но все-таки дело не в этом, а в том, что библиотека живет как культурное достояние уже в период собирательства, она духовно обогащает не только самого библиофила и тех, кто близко с ним связан, но и создает ту атмосферу, которая есть часть духовной культуры народа. В этом и состоит смысл изучения истории библиотек, как сохранившихся, так и распыленных, и собрание Соболевского особенно здесь показательно, ибо архивы и печатные источники сохранили множество свидетельств его культурной работы...

Назовем несколько важных описаний русских библиотек, попавших в каталог в сущности случайно — только потому, что выпущены на французском языке и нередко — за границей:

№ 415 «Каталог библиотеки Д. П. Бутурлина» (С.-Петербург, 1794);

№ 421 «Типографические памятники библиотеки Д. П. Бутурлина» (б.м., б.г.) — каталог инкунабул коллекции Бутурлина — издание редчайшее: официально оно никогда не выходило в свет, и все уже отпечатанные листы сгорели в пожаре 1812 года в Москве; известны три уцелевших экземпляра. Один из них был у Соболевского*.

№ 422а. Систематический каталог книг библиотеки Павла Демидова (Москва, 1806).

№ 425 «Каталог библиотеки А. Г[оловкина]» (Лейпциг, 1798);

№ 427 «Каталог библиотеки А. Разумовского» (Москва, 1814);

№ 428 «Сообщение о рукописях, редких изданиях и других сочинениях, хранящихся в кабинете князя М. Голицына» (Москва, 1816).

Закончим этот перечень еще одним примером.

В отделе редкой книги Ленинской библиотеки и сейчас можно получить принадлежавшие некогда Соболевскому (№ 474—475) два экземпляра** каталога с таким замысловатым и неожиданным названием: «Граф А. Ростопчин. Чингисхана (Gensiskhana). Каталог анекдотический, библиографический, биографический и юмористический — книг из его библиотеки в

---

* Не могу не напомнить, что с этим, чудом спасшимся, каталогом произошло еще одно «чудо»: экземпляр из библиотеки С. А. С. возвратился в Москву и находится ныне во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. (См.: Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975, с. 106).

** Один из них попал сюда с библиотекой Д. В. Ульянинского, который приобрел его у петербургского букиниста С. Н. Котова, распродававшего библиотеку Н. Смирнова. Смирнов же купил его у московского букиниста В. И. Клочкова. В свою очередь сей последний приобрел каталог у лейпцигского книготорговца Гирземана за 480 марок.

сопровождении собрания заметок, в основном непристойных, о лицах живых и почивших. С портретом владельца библиотеки (изображенного спиною к читателю на стремянке у книжных полок.— *Авт.*). Брюссель, 1862 (332—XXI стр.)». Каталог, изданный тиражом 50 экземпляров, имеет печатное посвящение: «Посвящается моему учителю в библиографии С[ергею] С[оболевскому]». На одном из роскошных экземпляров каталога, хранящихся в Ленинской библиотеке, имеется также посвятительная надпись А. Ростопчина (по-французски): «Дражайшему и высокочтимому моему наставнику, если он не стыдится признать меня своим учеником. С искренним почтением Сергею Соболевскому, самому мудрому, самому умному, самому остроумному человеку из всех, коих я знаю.

Сей каталог представляет собой нечто большее, чем просто описание книг—он содержит вернейший рецепт для излечения от разлития желчи. Высказав один раз в лицо роду человеческому все, в чем его упрекают, можно вновь стать совершенно здравомыслящим и достойным человеком.

Андрей Ростопчин».

«Чингисхана» полна историй о книгах, шуток и серьезных описаний, заслуживающих специального разбора, но по уровню своему далеко отстоящих, видимо, от настоящего книговедческого подхода, присущего Соболевскому. Зато предпосланные этому изданию несколько анонимных библиофильских афоризмов совершенно в духе С.А.С., и не исключено, что они ему и принадлежат (недаром он подчеркнул их в своем экземпляре). Вот эти изречения.

1. Как правило, книги, более всего ценимые библиофилами, являются наихудшими. Их ценность заключается во фронтисписе и тому подобных мелочах, и содержание не соответствует цене.

2. Примите за непреложное правило никогда не впускать в вашу библиотеку библиомана; если, на ваше несчастье, он туда проникнет, будьте уверены, что он все раскритикует, ткнет

пальцем в неполные издания, скажет, что ваши книги плохи, и вы попортите себе немало крови.

3. Библиофилы существовали до христианской эры, ибо совершенно очевидно, что именно к ним относится изречение из Нового завета: «имеют глаза, но не видят».

* * *

Количественно большим и материально несравненно более ценным (если вообще можно мерить книги их материальной стоимостью) был в «Соболевскиане» отдел путешествий, и в его составе интересная по своему подбору Rossica. Однако прежде чем перечислить некоторые драгоценности этого раздела, выясним отношение к нему самого библиофила. Соболевский писал: «Взгляните на отдел Rossica в Императорской публичной библиотеке. Сколько труда и денег потрачено, а все еще не достигнуто настоящей полноты. Всякая специальность в собрании — дело жизни собирателя!..» [17] Прервем цитату, чтобы отметить следующее: во-первых, афористично выраженная мысль С.А.С. представляется своего рода девизом, под которым, наверное, подписались бы многие библиофилы. Лишь кропотливый многолетний труд способен создать коллекцию, имеющую не только личную, но и общественную ценность. Американский библиофил Э. Госсе, собравший единственную в мире по своей полноте библиотеку книг о морском пиратстве, заметил как-то: «Моя коллекция далеко не полна, но ведь и жизнь не кончена». Менее всего подходит для таких библиофилов словечко *хобби*. Речь идет о *деле жизни* собирателя! Во-вторых, может быть, сам того не сознавая, С.А.С. и своим книжным собранием, и — непосредственно — своими печатными, а еще более для печати не предназначавшимися (в письмах) высказываниями сформулировал некоторые важные элементы этики собирателя. В том же письме читаем: «Я всегда рад услужить специалисту в его специальности и дать ему способ пополнить свой отдел такой книгой, которая не входит в мои главные отделы и только сохраняю ее потому, что она представляет некоторую ред-

кость... Ежели дело идет до публичных библиотек, то я пополнения считаю долгом, так например, я считал бы грехом не снабдить Санкт-Петербургскую библиотеку книгою о России, хотя бы она меня сильно интересовала и служила пополнением которой-нибудь из моих любимых серий».

Но даже и при таком альтруистическом подходе, неуклонно проводившемся в жизнь, С.А.С. собрал у себя первоклассные редкости из области Rossica:

№ 2479—2482. Первое, известное всего в нескольких экземплярах (Париж, 1607), и второе, также весьма редкое (1669), издания книги капитана Маржерета «Описание Русской империи и Великого княжества московского» (кроме того, у С.А.С. были и перепечатка этой книги, сделанная в 1821 г., и новое, более распространенное издание 1855 г.). Высказывалось предположение, что для работы над «Борисом Годуновым» книгу Маржерета передал Пушкину Соболевский. В «Борисе» действительно выведен автор этой книги, но никаких доказательств участия С.А.С. в данном случае не имеется. В библиотеке Пушкина сохранился «Маржерет» 1821 г. (перепечатка 2-го издания).

№ 2347—2348. Дж. Флетчер «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны» (Лондон, 1591). Эта книга была уничтожена по повелению королевы Елизаветы Английской немедленно по напечатании (резкие выпады против тирании русской не могли понравиться английской самодержице, даже несмотря на верноподданническое посвящение ей). Об исключительной редкости первого издания Флетчера говорит, например, такая подробность: всеведущий французский библиограф Брюне не имел возможности познакомиться с этой книгой de visu и потому неверно описал ее в своем знаменитом библиографическом справочнике. В библиотеке Соболевского был еще один Флетчер, вполне возможно — единственный сохранившийся экземпляр (во всяком случае, так утверждает составитель каталога) —

собранная по листочкам перепечатка оригинального издания на английском языке, сделанная в Москве и уничтоженная до выхода в свет. Приказание уничтожить издание поступило прежде, чем был отпечатан последний лист, и потому полный экземпляр можно было скомплектовать, лишь добыв корректурный оттиск этого листа. Как сумел сделать это С.А.С., трудно себе представить. Титульный лист вообще не был отпечатан, не было его и у С.А.С. В архиве С. Д. Полторацкого сохранилась запись С.А.С. об английском Флетчере: «Теперь вопрос: откуда взялось издание английского текста, коего у меня страницы 1—104... Оно не было выпущено в свет и, не будучи допечатано, не попало в выдаваемую книжку, а хотели его выдать при следующей книжке, чего не сделали, когда случился известный катастроф. Весьма странно, что английский текст не выпустили с книжкою, ибо в штуке, подписанной Оболенским и помещенной перед переводом Флетчера (т. е. в предисловии.— *Авт.*), на странице XII-й двадцать восемь строк толкуют о том, как перепечатался подлинник, с какими изменениями в орфографии и прочее»[18].

В русской части библиотеки имелось то же сочинение в переводе Д. И. Гиппиуса — первая книга «Чтений в Обществе истории и древностей российских», также конфискованная, на этот раз уже по приказу российского самодержца, несмотря на то, что цензурный устав разрешал печатать любые характеристики, данные иностранцами русскому государству, если речь в них идет о времени до воцарения дома Романовых.

№ 2390—2394. С. Герберштейн. «Записки о Московии». У С.А.С. была целая коллекция изданий этой знаменитой книги: первое отдельное издание латинского оригинала (Базель, 1551); первый итальянский перевод (Венеция, 1550) — изумительный экземпляр с гравюрами и картами, доныне сохраняющими научное значение; любопытный экземпляр издания на латыни (1557) с пометами на полях; немецкий перевод, вышедший в Базеле в 1567 г. и, наконец, самое редкое: точное воспроизведение базельского издания, сделанное по приказу Екатерины II

в 1795 г. Единственное различие между двумя последними изданиями: дополнительный лист с изображением двуглавого орла, вклеенный в книгу 1795 г. Тираж ее был ничтожен, и она ненаходима. На аукционе в Лейпциге екатерининская копия стоила почти в четыре раза дороже оригинала XVI века.

№ 2437. И. Корб. «Дневник поездки в Московское государство И. Х. Гвариента», Вена, 1700 г. С 19 рисунками и чертежами. Экземпляр в отличном состоянии; один из лучших известных. Книга эта, вышедшая в Австрии в 1700 г. на латыни и рассказывавшая о поездке в Московию, совершенной в 1698 г., была сразу же запрещена по настоянию московского правительства, и австрийские власти приказали уничтожить все нераспроданные экземпляры. Понятно, что книга Корба стала весьма редкой. В 1860—1867 гг. был напечатан русский перевод «Дневника», сначала в «Чтениях Общества истории и древностей российских», а затем отдельным изданием.

№ 2222. «Древности Российского государства», 7 томов, Москва, 1849—1853. Это роскошное издание было выпущено весьма малым тиражом и в продажу не поступало.

№ 2594. Ф. Ростопчин. «Материалы биографии, в основном неизданные, собранные его сыном». Брюссель, 1864.

Книга эта была издана уже упоминавшимся А. Ростопчиным в 12 экземплярах, из коих издатель только один-единственный подарил своему «учителю в библиографии» С. А. Соболевскому. Остальные остались у А. Ростопчина.

Россика «Соболевскианы» при всей ее ценности и разнообразии была подобрана все же неполно и не могла быть полной, ибо собиратель не страдал гигантоманией — да и служить общественным библиотекам в этой области считал самым важным своим долгом.

Несколько иные принципы были положены им в основу других разделов коллекции, прежде всего, «Американы». У. Г. Иваск, писавший о библиотеке С.А.С., справедливо заметил: «Отличительным признаком Соболевского как библиографа было его тонкое понимание самой библиографии как

вспомогательной науки»[19]. Это понимание, умение на основании библиографических справочников, каталогов и иных материалов строить интересующие его разделы коллекций, всегда отличало библиофила-знатока как от библиомана («Лишь бы добыть книгу, лишь бы упрятать поглубже!»), так и от библиофила-дилетанта («И эта книга мне подойдет, и та не помешает!»). Как справедливо заметил крупнейший русский библиотековед и библиограф Б. С. Боднарский, библиофил, подбирая коллекцию, невольно библиографирует книги по своему вкусу и разумению[20]. Это определение как нельзя более точно характеризует страноведческий раздел «Соболевскианы».

О 55 томах путешествий в Америку и Океанию, выпущенных фирмой де Бри, расскажем особо. Здесь же упомянем несколько других номеров из этого раздела. Римские библиотеки иезуитов были беднее отчетами своих миссионеров, чем Соболевский,— их у него было около 400 названий. Этой коллекции С.А.С. посвятил специальную работу «Собрание заметок литературных и библиографических о миссиях», которая в рукописи была продана с аукциона за 20 талеров и 10 н.гр. Где эта рукопись теперь — неизвестно.

Инкунабулы Соболевский, как говорилось, специально не собирал, но ряд его приобретений этого рода стоит упомянуть:

№ 1625—1626. Франческо Берлингиери. «География», Флоренция, 1480, с картами, впервые целиком гравированными (до этого географические названия наносились печатью на гравированные карты). Об особенностях экземпляра и всего этого изумительного памятника типографского искусства С.А.С. рассказал на одном из своих «длинных листочков», вложенном в книгу. Он подробно исчислил количество страниц текста, карт и белых вкладных листов и внес уточнения в библиографическое описание, данное Брюне. Кроме того, он сравнил все особенности первого и второго выпусков «Географии» (второй также зафиксирован в каталоге).

№ 1617. Бартоломео Гамберто ди Соннети. «Изоларио» (б.г.). Это географическое сочинение, одно из первых в своем

роде, содержит «Карту островов Эгейского моря». Т. Дибдин полагал, что книга Соннети напечатана в Венеции в 1477 г., другой знаменитый английский библиограф, хранитель библиотеки Британского музея, знакомый С.А.С. М. Панници датировал это издание 1477—1485 гг. Как бы то ни было, у Соболевского хранился превосходный экземпляр одной из самых первых географических печатных книг.

№ 1724—1726. Мандевилль. Трактат о замечательных людях, событиях и землях. У .С.А.С. имелось не только редкое итальянское издание 1488 г., но и редчайший немецкий перевод с рукописи 1483 г. (он стоил в 50 раз дороже оригинала).

В составе коллекции путешествий Марко Поло (№ 1730—1738) в «Соболевскиане» особое место занимало венецианское издание 1496 г.—этот экземпляр полнее и сохраннее и того, который хранится в знаменитой библиотеке «Гренвиллиана», и того, что находится в библиотеке Св. Марка в Венеции.

Из книг XV века укажем еще № 1769—великолепный экземпляр «Космографии» Птолемея с раскрашенными картами и инициалами, а также № 3420—3422: очень редко встречающееся первое в двух вариантах (1486) и второе (1490) издания путешествия Б. Брейденбаха к святому гробу.

Среди изданий XVI века особенно любопытен № 1776—единственный известный экземпляр немецкой брошюры «О правильном пути из Лиссабона в Калькутту». В каталоге воспроизведена аннотация собирателя: «Нечто вроде газеты, сообщающей о предстоящем плавании кораблей и предупреждающей о кознях венецианцев, помогавших Султану против Португалии. Скорее всего она напечатана в 1505 г. в Нюренберге, о чем свидетельствует объявление об отплытии, назначенном на апрель 1506 г. (стр. 4, строка 13) и карта на странице 2, где наряду с Лиссабоном и Калькуттой особым шрифтом отмечен Нюренберг. Это наше заключение, сделанное в 1859 г., подтверждается каталогом библиотеки Либри, выпущенном в 1862 г., где эта же книга (но в другом варианте) указана под № 2. *С. Соболевский*».

Из этой вполне конкретной аннотации следует и более общий вывод: Соболевский проводил тщательную и кропотливую работу с каждой любопытной или редкой книгой, попадавшейся в его библиофильскую сеть, при этом характеризовались и *данное издание* и *данный экземпляр.*

Так и только так должна создаваться библиофильская аннотированная библиография!

Следует заметить, что формула «библиография и география», предложенная Соболевским для характеристики своего направления в собирательстве, им же самим если не опровергалась, то в значительной мере корректировалась. Любопытно с этой точки зрения его письмо академику И. И. Срезневскому от 11 февраля 1860 г.:

«Нет народа алчнее и бесстыднее библиофилов!

Вследствие сего пользуюсь Вашим великодушным предложением и прошу Вас помнить обо мне при случае. Я собираю особенно то, что касается:

1) библиографии во всех ее отраслях, т. е. книгопечатание, палеография и проч. всех народов;

2) народной русской словесности и народного русского искусства, поверий, обрядов, и проч.;

3) всего, что написано по-русски о странах, вне Европы находящихся, или что переведено на русский язык с языков восточных.

Большие сочинения, книги по всем этим предметам я покупаю, но отдельных оттисков или того, что печатается не для продажи, а для раздачи, мне мало достается, почему не стыжусь этого выпрашивать...» [21]

Эта автохарактеристика показывает, во-первых, что Соболевский считал своей библиофильской специальностью и русский фольклор (иначе быть не могло, ибо известно систематическое участие его в сборе народных песен еще с пушкинских времен); во-вторых, преимущественный интерес его к странам «вне Европы находящимся» подтверждает ту мысль, что собирание книг о дальних землях в какой-то мере заменяло библиофи-

лу неосуществленные путешествия. И так ли уж осуждающе звучит вторая часть известной строфы А. Т. Твардовского:

Есть два разряда путешествий:
Один — стремиться с места вдаль;
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.

Сочетая оба эти метода — объездив всю Европу и «листая календарь» (в виде превосходных описаний дальних земель), С.А.С. доказал, что и второй метод не столь уж плох.

После Шевырева важные сведения о библиотеке Соболевского дал известный библиофил и библиограф Н. Ф. Бокачев. В своих «Описях русских библиотек» (Спб., 1890)[22] он отметил несколько интересных конволютов, составленных С.А.С.

1) Сборник сочинений М. Н. Лонгинова и его статей о книжных редкостях, напечатанных в «Современнике», «Библиографических записках», «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Русском архиве» — 81 номер.

2) Двадцать три статьи библиографа М. П. Полуденского, выбранные из разных периодических изданий и частью напечатанные нарочно для автора в 1 экземпляре.

3) Оттиски журнальных статей о славянских рукописях.

4) Отдельные оттиски журнальных и газетных статей библиографов и библиофилов Ф. И. Булгакова, А. Ф. Бычкова, С. Д. Полторацкого и самого С. А. Соболевского.

5) Отдельные оттиски статей из «Библиографических записок» 1858—1859 гг. о повременных изданиях в России.

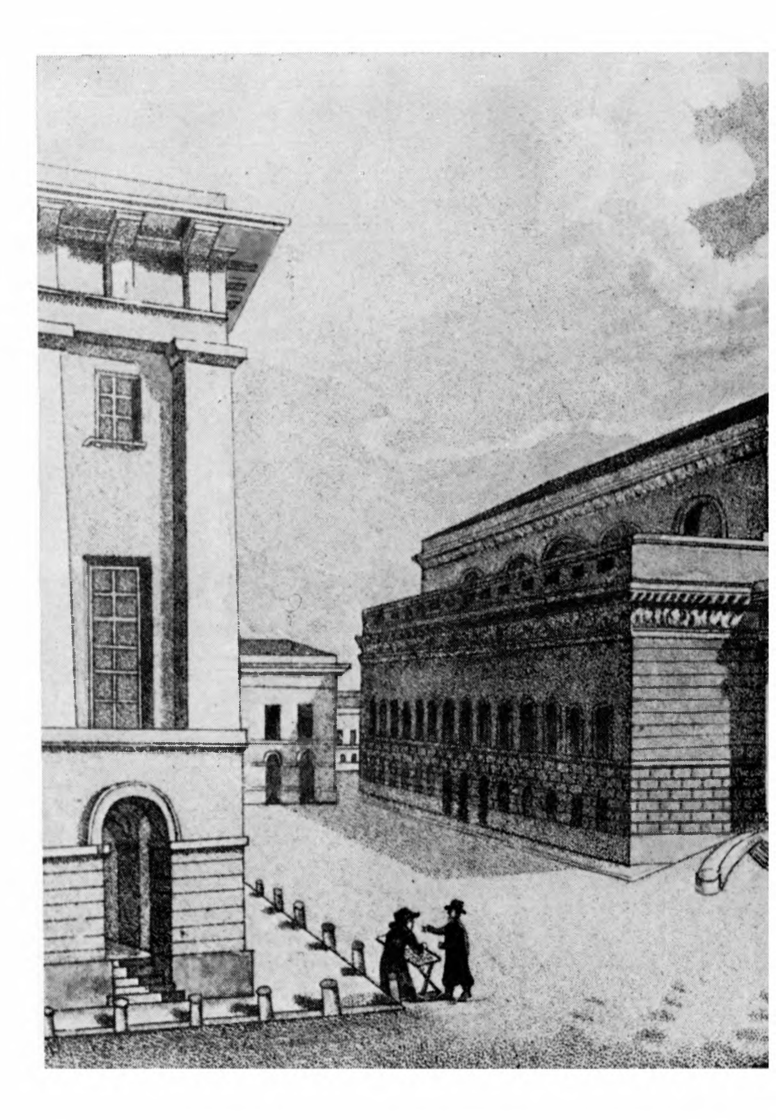
6) Сборник редких брошюр и журнальных статей о монастырских и церковных библиотеках, публичных музеях, галереях, археологических собраниях в России.

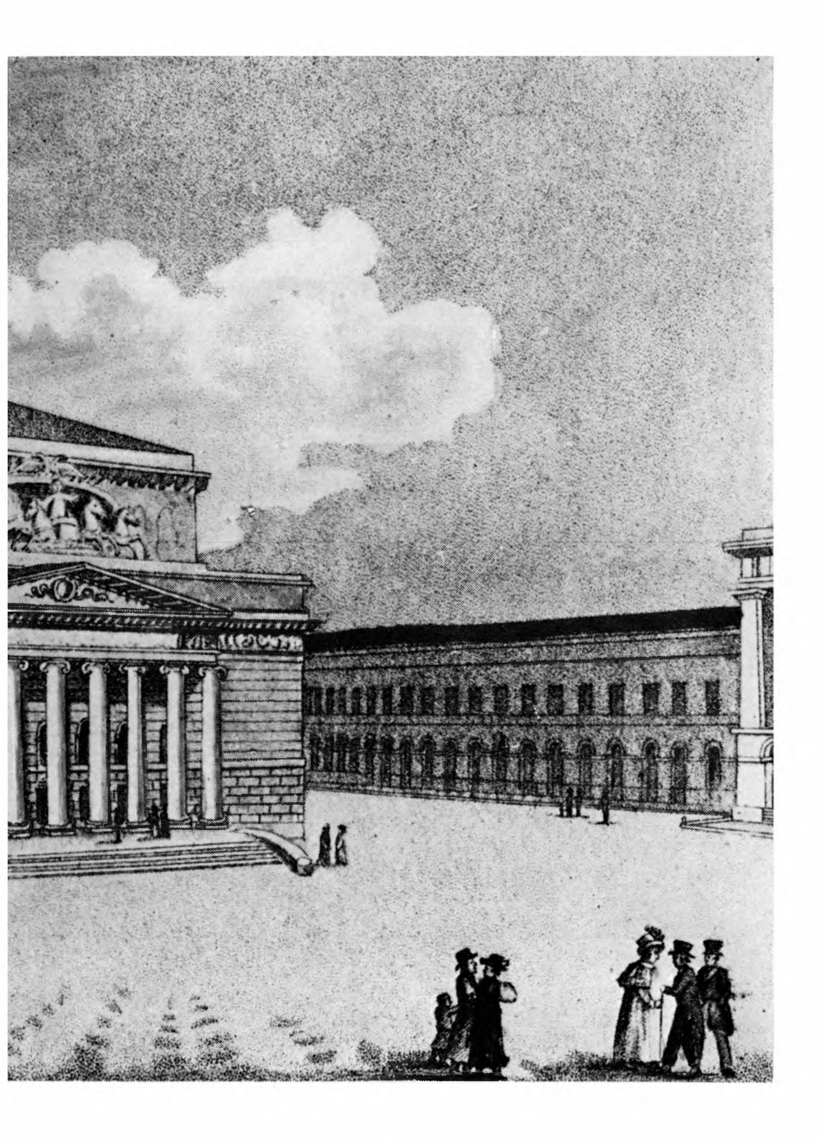
Эти конволюты созданы были Соболевским отнюдь не случайно: все упомянутые библиофилы и библиографы — его друзья и знакомые, с которыми изустно и письменно постоянно обсуждались книговедческие вопросы, велись бесконечные споры, где аргументами выступали найденные кем-нибудь из них

экземпляры книг, которых либо не было вовсе в коллекциях остальных, либо они чем-нибудь отличались от обычных. Не оформленные в какое-либо библиографическое общество, энтузиасты книги по существу составляли тесный кружок, спаянный общими интересами и не столько ревностью книговладельцев, сколько стремлением помогать друг другу. Соболевский был душою этого кружка, во всяком случае — его московской ветви. Вот он и собирал все публикации и заметки своих друзей и коллег, делая им подарки в виде конволютов — искусственных сборников материалов, разбросанных в периодике.

«Все виденные мною экземпляры книг из библиотеки Соболевского,— пишет Н. Ф. Бокачев,— были очень хороши, чисты, переплетены просто, но красиво и прочно и обрезаны весьма мало. Достоинство многих книг из этой библиотеки увеличивалось еще тем, что собиратель любил приплетать к ним брошюры и журнальные статьи, дополняющие сочинения, и украшать книги библиографическими примечаниями, написанными им на особых листках»[23].

16 сентября 1903 г. на заседании Русского библиографического общества, в связи со 100-летием со дня рождения С.А.С., доклад о его библиотеке и библиографических работах прочитал историк и библиограф русской библиофилии Удо Георгиевич Иваск. Доклад и выпущенная на его основе брошюра Иваска — первая дань истинному делу жизни Соболевского. У. Г. Иваск, не располагавший всем богатством материалов, которые нам теперь доступны (архив Соболевского, архивы многих людей, с ним переписывавшихся; итоги разысканий А. К. Виноградова, богатейшая пушкиноведческая библиография и т. д.), все же отыскал многие факты (в том числе и биографические и литературно-исторические), а главное, уловил важнейшие особенности С.А.С. библиографа-библиофила. Иваск, в частности, писал: «Соболевский не одобрял библиофилов, разбрасывающихся при собирании книг по разным отраслям знания и не придерживающихся определенного отдела, справедливо замечая, что одному человеку не под силу собрать

даже ничтожную часть всего выдающегося в области печатного слова»[24]. У. Г. Иваск выделил именно ту черту, которая выгодно отличала Соболевского от многих его предшественников, современников и даже от некоторых библиофилов последующих десятилетий,— разумно специализированное собирательство.

После доклада и брошюры Иваска о Соболевском-библиофиле не вспоминали, кажется, почти четверть века. Отметим еще содержательную статью П. Апостола, опубликованную в 1930 г. в парижском ежегоднике «Временник Общества друзей русской книги». Дав обзор иностранной части коллекции, автор вместе с тем замечает: «... каталогов русской части библиотеки обнаружить не удалось, несмотря на разыскания, произведенные в Париже при любезном содействии библиотекаря Национальной библиотеки г-на Порше и в Лейпциге при любезном содействии Артура Федоровича Лютера и известного книгопродавца Карла Гирземана, который предполагает, ввиду отсутствия аукционного каталога русской части у Гирземана,— в его коллекции каталогов и в богатейшей Библиотеке Германского объединения книгопродавцев — что каталог этот никогда не появлялся в свет»[25]. Произошла характерная аберрация! Предпринимать за рубежом столь трудные, так ничем и не кончившиеся поиски каталога, который имеется и в Ленинской библиотеке и во всех других наших крупнейших книгохранилищах! Однако из этой ошибки следует, что каталог оставшейся русской части собрания был выпущен для России (экземпляры его сохранились и в крупнейших наших библиотеках и в нескольких частных собраниях, например, старейшего букиниста Н. А. Старицына), и все книги, в нем зарегистрированные, следует искать только в России. Увы, лишь немногие книги из этого каталога удалось обнаружить в библиотеках (зато «в виде компенсации» иногда попадаются и те, что зарегистрированы в главном лейпцигском каталоге 1873 г.). Если не считать этой характерной ошибки, статья П. Апостола занимает достойное место в количественно небольшой, но

интересной литературе о «Соболевскиане». Оправдан и вывод автора: «Весь жадный интерес Соболевского к дальним странам, к духовной жизни, русской и иностранной, к литературе и к науке — как бы оседал и систематизировался в его книгособирательстве, а это последнее в свою очередь толкало его на углубление и проникновение в новые области знаний. Вся личность и вся жизнь Соболевского сплетены с его коллекционерством... Соболевский жил окруженный книгами и помыслами о книгах»[26].

Особый интерес к этой теме разбудила огромная работа, которую провел в архивах А. К. Виноградов, опубликовавший письма Проспера Мериме к С.А.С. Впервые был просмотрен том 25-й архива Соболевского, хранящий переписку с крупнейшими библиографами, библиофилами, книготорговцами Европы и Америки. К сожалению, А. К. Виноградов не написал специальной статьи об архиве и библиотеке С.А.С. (хотя и предполагал это сделать), ограничившись докладом на заседании Русского библиографического общества 2 мая 1927 г. Доклад был озаглавлен: «Сергей Александрович Соболевский как тип библиографа и библиофила прошлого века». Текст не сохранился, но в книге А. К. Виноградова «Мериме в письмах к Соболевскому» явственно слышатся его отголоски. «В своих скитаниях по Европе,— пишет, например, Виноградов,— Соболевский собрал замечательную библиотеку и, как тонкий знаток книги, был очень оценен Проспером Мериме во время многочисленных библиографических бесед в Париже, когда друзья встречались втроем в Библиотеке Французского Института: Мериме, Соболевский и Клерк-Ландресс, занимавший скромную должность помощника библиотекаря Института, членом коего был Проспер Мериме»[27].

Здесь приоткрывается еще одна важная особенность С.А.С.-библиофила — он был едва ли не первым и крупнейшим в России знатоком иностранной библиографии, что вполне понятно, учитывая характер и направление его библиофильских интересов.

А. К. Виноградов говорит об «огромной глубине библиографической осведомленности Соболевского», и нет сомнения в том, что он прав. Однако А. К. Виноградов добавляет: «В нашем случае дело осложняется еще тем, что Соболевский ничего не создал в литературе. Это не значит, что он ничем не обладал. Натуры исключительно рецептивные могут, не продуцируя, обладать культурными и историческими накоплениями. Тогда талант отбора и вкуса сказывается в искусстве жизненного общения, расцветая иногда цветами более яркими, нежели произведения литературы»[28].

Это очень точное наблюдение, к которому остается добавить только, что «искусство жизненного общения», и в самом деле в высшей степени свойственное Соболевскому, было неотделимо от «общения книжного», и с этой точки зрения он вообще не был «натурой рецептивной», а скорее «пружиной в часах», как сам он метко определил.

В подготовительных заметках к книге Виноградова, сохранившихся в его архиве, имеется такая запись: «До сих пор никто не написал о влиянии Британского музея на могилу С.А.С.*, и мне кажется, что настало время для русской науки и литературы заново посетить его могилу»[29]. Представляется, что именно в этих словах А. К. Виноградов ближе всего подошел к объективной оценке действительной роли Соболевского в русской культурной истории, ибо главное, что сделал он для России,—собрал и применил к общественной пользе книжную коллекцию, значительная часть которой в распыленном виде находится теперь в библиотеке Британского музея.

Итак, мы закончили как бы второй круг обзора: рассказали о составе библиотеки С.А.С. и о некоторых методических основах ее собирания; но даже подобранная столь полно и столь систематично, коллекция книг остается «вещью в себе», если

---

* А. К. Виноградов перефразирует название статьи С. А. С. «О влиянии Смоленского бульвара в Москве на португальский парламент в Лиссабоне».

она не действует, не служит интересам общественным. Дело тут не просто в том, что книги кому-то даются и показываются. Это даже не главное. Главное же состоит в культурной атмосфере, возникающей вокруг книжного собрания, в работе этого собрания — библиографической, литературной, книговедческой. Библиотека Соболевского была библиотекой в действии. И об этом — последующие разделы.

«ВЫ — ВТОРОЙ КОЛУМБ»

Несколько дней начиная с 14 июля 1873 г. длился в Лейпциге печальной памяти аукцион библиотеки Соболевского. В течение целого дня шла распродажа только одного номера каталога (№ 3617). Эти книги продавались за 5016 талеров, т. е. за пятую часть всей стоимости огромной библиотеки. Какое же библиографическое чудо скрывалось за такой цифрой?

С 1590 г. по 1634 г. издательская фирма Теодора де Бри во Франкфурте-на-Майне выпускала две серии описаний путешествий в Америку и в Индию в формате in-folio, с иллюстрациями лучших художников и граверов и с превосходными картами. Так называемая большая серия включала путешествия на американский континент, малая серия — в Индию. Вот что прочитал молодой еще библиофил Соболевский в одном из увлекательнейших для всякого книжника сочинений Library companion Т. Ф. Дибдина: «Сколь многие отправлялись в этот путь на поиски де Бри в бодром расположении духа и с полными кошельками, но возвращались в печали и безнадежности... Пожалуй, только в райской земле площади Кливленд можно попытаться откопать это сокровище»[30]. И вот русский библиофил отправился в дорогу, которая тянулась... 40 лет. Он побывал, конечно, и в Лондоне, но ему помогли и букинисты Парижа, и библиофилы Испании, и библиографы Мюнхена и книготорговцы Флоренции, а еще больше — многие русские друзья, которые знали о библиофильском замысле Соболевско-

го. В результате была подобрана такая коллекция «Больших и малых путешествий де Бри», что составитель каталога А. Кон смог без преувеличения заявить: «Столь великолепный во всех отношениях экземпляр никогда еще не предлагался любителям». Он действительно был лучшим в мире, да и всего существуют лишь несколько полных комплектов путешествий фирмы де Бри. С.А.С. задумал собрать обе серии точно в таком виде, в каком за 200—250 лет до этого книги вышли за порог издательства. Он не удовлетворялся экземплярами с малейшими дефектами, или с полями обрезанными «чуть-чуть» больше нормы (не гоняясь, впрочем, и за роскошными переплетами). Вернее, сначала он покупал и не первоклассные экземпляры, но как только удавалось найти книгу лучшей сохранности, переводил прежнюю в дублетный фонд. И вот что в итоге получилось:

А) Большая серия на латыни, 1-е издание — ч. I—XIII
" 2-е издание — ч. I—IX*
" 3-е издание — ч. I

Б) Малая серия на латыни, 1-е издание — ч. I-XII
" 2-е издание — ч. I, II, III, X

Как следует из приложенной заметки Соболевского, X часть второго издания малых путешествий на латыни исключительно редка. Ему удалось увидеть только еще один экз. этой книги.

В) Большая серия на немецком, 1-е издание, ч. I—XIV
" 2-е издание, ч. I—IX
" 3-е издание, ч. I

Г) Малая серия на немецком, 1-е издание, ч. I—XIII
" 2-е издание, ч. I—VI

Таков был подбор двух основных серий «Путешествий де Бри», выпущенных в конце XVI — первой трети XVII века. Однако существовал еще ряд внесерийных книг того же издательства, которые Соболевский, разумеется, стремился не

* Не подумайте, что С. А. С. не добрал какие-то части. Здесь их отмечено столько, сколько вышло в свет.

упустить (в каталоге эти книги помечены отдельными номерами и оценивались сверх названной суммы). Редчайшей и самой ценной из них (№ 3618, 416 талеров) была единственная часть путешествий, выпущенная де Бри на французском в 1590 г. и содержавшая «Правдивый и короткий отчет о новооткрытой земле Вирджиния» английского ученого Томаса Хэрриота. В самой книге была найдена следующая запись С.А.С.: «Имеется не более 13 экземпляров этого издания, часть из них более или менее дефектны, а часть имеют вкладные листы с латинским текстом (из латинского варианта). Книга в высшей степени редкая, а в таком виде *вероятно, уникальная*».

Упомянем еще одну книгу из внесерийного де Бри (№ 3620, 80 талеров). Это издание на голландском языке: М. Артус фон Дантциг («Правдивое описание несчастного плавания корабля из Амстердама в Серебряный свет...», 1604). Примечание С.А.С. на первом листе книги (карандашом) таково: «Этот том относится к собранию де Бри. Они опубликовали множество книг in-quarto и все они чрезвычайно редки, но эта осталась совершенно не известной всем, составлявшим специальные библиографические описания изданий де Бри и поэтому должна рассматриваться как наиболее редкая».

Если существовал бы термин «научная библиофилия», то он, вероятно, был бы наиболее приложим к тому, что проделал Соболевский с изданиями франкфуртской фирмы. Это высшая ступень работы библиофила-библиографа XIX столетия, доступная только тому, кто обладал глубоким, разносторонним образованием, безмерной энергией и, конечно, известными средствами. На сей последний счет следует заметить, что дело не в *покупке* книг, а именно в *подборе* как результате долгих поисков. Если один богач покупает у другого даже самую редкую книгу, заслуги в этом нет никакой. Похоже, что Соболевский был единственным в мире, кому удалось на 100% решить задачу, когда-то предложенную библиофилам Т. Дибдином.

На основе своей коллекции и изучения всевозможных справочников С.А.С. написал библиографическую работу о де

Бри. Она также была продана с аукциона (№ 3652). В 1860 г. составитель французского библиографического ежегодника Брюне поместил часть этого труда С.А.С. в своей книге в виде письма к редактору[31].

Соболевский писал А. С. Норову: «Я составил полнейший и красивейший экземпляр этого издания в 70 томах en maroquin par Niedrée и проч. на латинском, немецком и французском языках (это писалось в 1864 г., к 1870 г. томов стало 85.— *Авт.*); все это сделано покупкою многих экземпляров, променом с частными и публичными библиотеками и так далее, давая часто по пяти или шести частей за одну или две, в которых один или два листа разнствовали с имеющимися у меня»[32]. Норов отвечал с оттенком грусти: «... де Бри я не мог всего укомплектовать, потому что значительная часть этого редкого издания по всей Европе приобретена Вами — так мне говорили все книгопродавцы, к которым я относился»[33].

Глава книготорговой фирмы, имевшей отделения в Лондоне и Берлине,— Ашер писал Соболевскому в Москве: «Вы подлинно второй Колумб, ибо, право же, было легче открыть Америку, чем найти де Бри с необрезанными полями по цене, которую Вы называете. Мы бы хотели, чтобы Вы продали нам Ваши дублетные экземпляры по той же расценке, хотя мы непрочь заплатить Вам и с некоторой прибылью»[34].

Теперь, когда мы уже многое знаем о библиотеке «Соболевскиана», отправимся вместе с ее собирателем на родину великого путешественника, открывшего Америку.

---

* В марокеновых переплетах работы Нидрэ (*франц.*).

ГЛАВА
3

ЗА ПИРЕНЕЯМИ И ДОМА

РУССКИЙ БИБЛИОФИЛ В ИСПАНИИ

Четвертое путешествие Сергея Александровича Соболевского в Европу было и самым длительным — он выехал 18 марта 1846 г., а возвратился в феврале 1851 г. 10 месяцев из этого времени падают на Испанию.

16 января 1849 г. С.А.С. пересек франко-испанскую границу и через Байонну въехал в пределы Испании, осуществив тем самым давнюю мечту. На таможне его, правда, задержали, наверно, предполагая обнаружить контрабанду или политические прокламации в переплетах книг, которые он вез с собой. Но появившийся начальник, приняв Соболевского за важную персону по всегда присущей ему величественной осанке и изысканным манерам, избавил его от дальнейших хлопот... Так началось испанское путешествие С.А.С., одно из самых «библи-

офильских», поскольку по ходу его была собрана значительная часть географического отдела и немалая часть других отделов иностранной «Соболевскианы», и — самое таинственное, поскольку в те месяцы он не писал в Россию и до Москвы доходили разнообразные слухи о его приключениях. В. Ф. Одоевский в письме к одному приятелю шутил: «О Соболевском самые противоречивые известия: кто говорит в Мадриде, кто — в Пекине, кто на Луне, последнее, думаю — вернее» [1].

В Париже Проспер Мериме вручил Соболевскому письмо к знатному испанскому семейству Монтихо-Тэба, одной из представительниц которого, Евгении, суждено было вскоре стать французской императрицей. Мериме так рекомендовал своего русского знакомого: «Господин Сергей Соболевский, который вручит вам это письмо, русский дворянин, один из моих лучших друзей, великий путешественник, собирающийся посетить и объездить всю Испанию... Я так обрисовал вашу прекрасную страну, что он обвинил меня в преувеличении, но я уверен, зная его за человека большого ума, что он увидит, как я мало льстил. Вы чрезвычайно обяжете меня, если завяжете его общение с Вашими учеными, и в особенности, с библиографами: Соболевский страстный любитель библиографических объектов...» [2] Семейство Монтихо исполнило просьбу Мериме, и «библиофильский Эдем» Испании открылся перед С.А.С. во всей первозданности и красоте. Правда, Е. П. Ростопчина в сатирической поэме «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году» трактовала испанские интересы Соболевского несколько вольно и легкомысленно:

Уж Мадрит с графиней Тэба
На словах венчал его,
Но к бульдогам дало небо
Страсть ему взамен всего! [3]

Первые две строки — явное преувеличение, а вторые — более реалистичны, но это уже относится к московской жизни Соболевского...

Об испанском путешествии Соболевского, как и о других его поездках, в свое время подробно писал А. К. Виноградов, изучавший русские связи Проспера Мериме. И об этом можно было бы сейчас не упоминать, но дело в том, что возвратясь в Париж, С.А.С. полный испанских впечатлений, написал интересную работу о библиотеках и библиофилах Испании — в форме «Писем русского библиофила к библиофилу французскому»[4], которые были напечатаны в 1850 г. в двух номерах парижского издания «Журнал любителя книг». Это его сочинение, представлявшее несомненную научную ценность как одно из первых и немногих свидетельств о положении общественных и частных библиотек в Испании в середине XIX века, не потеряло своей актуальности даже в 1914 г. и потому было полностью перепечатано во французском журнале «Испанское обозрение». Но сам автор «Писем...» 1850 г., скрывшийся под литерой S, был настолько забыт, что «Испанское обозрение» назвало его «Собелонским». Однако издательская история писем русского библиофила французскому на этом не кончилась: в 1951 г. в Валенсии вышла книжка «Романтическая библиофилия Испании»[5], содержащая все тот же текст писем С. А. Соболевского (на этот раз его имя названо верно) в переводе на испанский язык. Увы, так получилось, что по-русски эта, самая большая по объему, работа Соболевского никогда не печаталась*. По непонятным причинам мимо «Писем русского библиофила к библиофилу французскому» прошел и А. К. Виноградов. Конечно, полностью справедливость была бы восстановлена только в том случае, если бы в переводе на русский язык был опубликован полный текст писем Соболевского со всеми необходимыми комментариями. Не имея здесь такой возможности,

* Правда, недавно несколько строк процитировал А. Звигильский в статье «Творческая история писем об Испании».— В кн.: Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976, с. 290 (А. Звигильский пользовался текстом, напечатанным в Revue Hispanique, 1914, т. 30).

мы ограничимся тем, что расскажем об испанской поездке С.А.С., максимально используя текст его «Писем...».

Возвращаясь в Россию в начале 1851 г., Соболевский и сам не имел еще журнала с «Письмами». Об этом свидетельствует его письмо С. Д. Полторацкому из Петербурга (1 июля 1851 г.): «Благодарю за присылку моего творения, если бы не ты, то я до сих пор не видел бы себя в печати, ибо Жане (издатель журнала.— *Авт.*) забыл оттиснуть экземпляры особые, а журнала здесь никто не получает»[6]. Присланные Полторацким журналы С.А.С. вскоре вернул обратно, поскольку все-таки получил из Парижа авторский экземпляр. Тот самый комплект журнала, который побывал в руках обоих главных героев нашей книги, хранится теперь в Отделе редкой книги Ленинской библиотеки. Им мы и пользуемся. Что касается авторского экземпляра Соболевского, то он был продан на лейпцигском аукционе.

Работа Соболевского почти полностью посвящена вопросам библиофильским и библиографическим, однако в ней есть и несколько замечаний более общего характера, с которых и начнем. С.А.С. рассказывает, что собрался в Испанию «вовсе не для того, чтобы проверять великолепные описания французских путешественников и еще менее для того, чтобы учить уму-разуму бедных испанцев». Трагические разрушения периода наполеоновского нашествия еще были заметны в середине века, вполне ощутим был и тот ущерб, который нанесли захватчики испанской книжной культуре. Вот почему Соболевский продолжает так: «Нет, мне просто захотелось погреться на испанском солнце, послушать песни этой страны, принять участие в ее плясках... оценить самому те успехи, которые сделала эта счастливая страна, с тех пор как божественное Провидение ниспослало ей г. Кюстина и других господ из Парижа в качестве руководителей и просветителей». Упоминание имени маркиза де Кюстина в таком контексте весьма знаменательно. С.А.С. принадлежал к числу тех, кто резко отрицательно отнесся к книге де Кюстина «Россия в 1839 году», восприняв ее

как прямую клевету на русский народ. И тот же маркиз брался «учить жить» испанцев!

Любопытно и такое замечание Соболевского (не забудем, что письма обращены к французскому другу): «О вы, блестящие журналисты, красноречивые ораторы, историки, правдивые в каждом слове, вы, которые пугаете «фр-рр-ан-цузских граждан» казаками, которых вы поминаете по всякому поводу, поезжайте в Испанию: на каждом шагу — перед сгоревшим дворцом, разрушенной церковью, городом в развалинах, опустошенной ризницей, разграбленной галереей — вы найдете там лаконичный рассказ о подвигах ваших соотечественников». Почему понадобился Соболевскому этот довольно резкий полемический выпад, и против кого, собственно, он был направлен? Ну, прежде всего, конечно, против тех западноевропейских политических ораторов и журналистов, которые были склонны подчас явно в спекулятивных целях «стращать» обывателя возможным «нашествием русских варваров». Но можно предположить, что наряду с этим был и конкретный адресат. Дело в том, что 25 декабря 1848 г., за месяц до приезда в Испанию Соболевского, Мериме писал Монтихо: «Я занимаюсь русским языком; это мне пригодится для разговоров с казаками, когда они прибудут в Тюльери»[7]. Конечно же, это было сказано в шутку, но ведь в каждой шутке... Соболевский, несомненно, познакомился с цитированным письмом Мериме — отсюда и упоминание о «казаках» в письмах, посвященных испанским библиотекам, пострадавшим от нашествия французов в 1808 г. Это был косвенный, хитрый и в то же время вполне четкий — в стиле Соболевского — упрек Просперу Мериме...

Воздав должное монастырским книгохранилищам, которые сумели собрать многие рукописные и первопечатные книги до того, как им был нанесен решительный удар наполеоновским нашествием и закрытием монастырей в первой трети XIX в., С.А.С. переходит к библиотекам светским. Вот как повествует он об обычной судьбе библиофильской коллекции в Испании: «Как правило, после смерти владельца наследник сначала

сваливает библиотеку на каком-нибудь чердаке, открытом всем ветрам, и на то время, пока выполняются все бесчисленные формальности, предписываемые законом, она отдается во власть червям, крысам, дождю, консьержу, а также его детям и приятелям, которые портят и расхищают книги по мере возможности. Наконец, является эксперт, чтобы инвентаризировать остатки библиотеки. Он старается это сделать как можно быстрее и проще в соответствии со своими представлениями... предлагает невероятную цену за полного Вольтера, Руссо или Энциклопедию, некогда желанные и дорогие, как всякий запретный плод. По этой же причине... имена античных классиков и писателей, известных ему со школьной скамьи, вызывают у оценщика благоговейный трепет и заставляют поднять цену на эти книги в ущерб тем, о которых он и не слыхивал. А имя этим последним — легион. Эксперт непременно переведет все иностранные заголовки на испанский язык, чтобы показать свою образованность и переиначит при этом каждое оригинальное название...»

Такой, с позволения сказать, каталог, составленный невежественно и переписанный неаккуратно, будет без промедления завизирован наследниками, и библиотека поступит в продажу. Дальнейшее описание типичной картины гибели библиофильской коллекции, сделанное Соболевским в письмах из Испании и, в конечном итоге, характерное не только для этой страны, также не лишено известного интереса. Он пишет: «Друзья эксперта, особенно те из них, кто уговаривал его назначить на их desiderata самые низкие цены, первые уносят то, что соответствует их вкусам. Затем являются менее благоприятствуемые книготорговцы и любители и забирают все, что представляется им доступным по цене. Наконец, поредевший каталог доходит до опоздавших испанцев и до иностранцев, которые, испугавшись высоких цен, ничего не берут и оставляют книги гнить на чердаке. Проходит несколько лет... Переезды, неприятности у наследников, нетерпение поверенных: и вот появляется новый каталог, где предлагается последовательно 25, 50,

75% скидки, что привлекает еще нескольких покупателей. Короче, проходит поколение-другое, и букинист покупает все залежавшееся на вес, отбирает кое-что для продажи, и кончает тем, что уступает оставшиеся книги бакалейщику — этой альфе и омеге всех научных трудов — печатных и рукописных». Такая картина предстала взорам русского библиофила, который объездил едва ли не всю Испанию и имел возможность заглядывать в городки и поместья, в которых едва ли кто из иностранцев до него побывал, во всяком случае с библиофильскими целями.

Были у него, разумеется, и встречи с букинистами, обобщенные в следующей довольно живописной зарисовке. «В маленьких городках Испании местный переплетчик обычно покупает и перепродает книги более или менее разрозненные и более или менее испорченные — в общем те, которые попадаются ему под руку; не вздумайте расспрашивать его, что именно у него есть, разве только если вы ищете требник, календарь или азбуку — ничего другого он не знает. Зато он милостиво предоставит вам возможность отряхнуть пыль с его томов и поискать, нет ли среди них чего-нибудь для вас подходящего. Если вам это удастся, он смерит вас взглядом и, в зависимости от впечатления, которое вы на него произведете, назовет цену. Торговец ветхой одеждой и старой мебелью, владелец бакалейной лавчонки на ближайшем углу и особенно колбасник — вот конкуренты переплетчика в этой научной коммерции; в заведениях этих господ ваши книжные поиски будут еще более трудными: они добывают книги, подбирая их с земли, забираясь в самые невероятные углы, чтобы их отыскать, и попадая при этом в переделки рискованные, часто опасные и всегда мало приятные».

Не правда ли, все это написано довольно живо и с чувством юмора, что подтверждает определенные способности сатирика, присущие Соболевскому? Причем важно отметить, что в данном случае эти способности С.А.С. проявляются не в эпиграммах и каламбурах, а в достаточно большой по объему работе в прозе.

Однако он бывал не только в заброшенных уголках, но и в больших городах Испании, где все-таки несколько иная «букинистическая обстановка»: «Те, кого я считаю профессиональными букинистами, часто претендуют на то, что у них имеется каталог всей книжной наличности. Увы, не радуйтесь: упомянутый список, составленный по фамилиям авторов и по начальным буквам названий, ничуть не поможет вам, если только вы не дадите себе труда прочитать его от корки до корки. Редко там бывают обозначены год и место издания, иностранные книги записаны по-испански, отчего получается невероятная путаница... Я полагаю, однако, что, употребив весь свой запас терпения, вы расшифруете те ужасные каракули, которыми этот каталог написан от первой до последней страницы, тщательно отмечая все, что привлечет ваше внимание. Запомните также, что книжный царь и бог здешних мест — букинист большую часть времени отсутствует и нужно бегать за ним двадцать раз, пока его поймаешь, и что общая черта испанских торговцев такова: они не торопятся с продажей. Впрочем, ему и нелегко будет показать вам те книги, которые вы пожелаете видеть: не имея привычки отмечать, что им уже продано и что осталось, он, если не посчастливится наткнуться на требуемую книгу немедленно, решит, будто уже продал ее, и прекратит поиски; чтобы дать вам окончательный ответ, ему потребуются недели, и дело кончится тем, что вы приобретете три названия, хотя прочли список из нескольких тысяч и собирались купить сто».

Соболевский искал в Испании прежде всего старые книги — в соответствии (по современной терминологии) с профилем своей книжной коллекции, к тому времени уже окончательно сложившимся. Он более всего интересовался отчетами о путешествиях XVI—XVIII вв., но не забывал и об испанских песенниках, традиционных жанрах народной литературы, не говоря уж о библиографии и истории книгопечатания. Однако в «Письмах...» сформулировано и отношение собирателя к современным ему вопросам книгопечатания и, прежде всего, к такой острой и во все времена актуальной проблеме, как

свобода печати. Вот что пишет Соболевский: «До сих пор на протяжении всего своего рассказа я не сообщил вам ничего о современных книгах, издающихся в этой стране. Это вызвано тем, во-первых, что их издают очень мало и они слишком незначительны, чтобы о них упоминать; во-вторых, обсуждая этот предмет, придется затронуть вопрос о свободе печати, а у меня вовсе нет желания публиковать свои соображения по этому поводу, ибо боюсь, как бы цивилизованный мир не забросал меня камнями.

Чтобы в меня попало как можно меньше камней, я обойду молчанием все, что обычно вменяется в вину этой прекрасной свободной печати*: бесконтрольную клевету, взятки, получаемые за похвалы или осуждение кого-либо в газетах, вмешательство в частную жизнь, ужасающую болтовню, недостойные выпады, распространение ложных сведений, искажение научных фактов, трусливую анонимность и прочее и прочее — еще на страницу. Что касается меня, то у меня к ней другие претензии — претензии библиофила...

Вечное забвение, на которое она обрекает книги, ставшие редкими из-за того, что они были запрещены, напечатаны тайно, уничтожены по напечатании или упрятаны в картонные переплеты...

Чего будут стоить в глазах потомков миллионы глупых книг, публикуемых сегодня совершенно свободно, которые только волшебный жезл Библиографического указателя способен уберечь от презрения и забвения?..

Будут ли возможны через сотню лет мало-мальски упорядоченная организация библиотеки, составление каталога, само ремесло библиотекаря? Можно ли будет называться библиографом или библиофилом в эпоху, когда количественно продукция печатного станка превзойдет все нынешние расчеты и те, кто попытаются в ней разобраться, попадут в сумасшедший дом?»...

---

* Почему говорят: «свободная печать», говорили бы лучше «свободные рабы».— Примеч. Соболевского.

Трудно отделаться от впечатления, что рассказывая о книжных делах Испании, С.А.С. мысленно обращался к другой стране, где совершенно невозможно было опубликовать даже те соображения о «свободе печати», которые мы привели выше. Просто-напросто, как многие соотечественники в те мрачные для России годы, он воспользовался возможностью напечатать во Франции то, что нельзя было напечатать дома. Из этого отрывка «Письма...» Соболевского следует также, что он ни в коей мере не отделял «частную» задачу собирания книжной коллекции от общих проблем эпохи. Нельзя не заметить также, что автор «Писем...» в 1850 г. предвидел некоторые трудности, с которыми придется столкнуться библиографам нашего времени. Дело не только в сложности регистрации и классификации необъятной печатной продукции, но и в той огромной исследовательской, еще продолжающейся работе, которая понадобилась для того, чтобы учесть все запрещенные в прежнее время издания и рассказать их историю.

Мы дали читателю краткий обзор только первого «Письма русского библиофила к французскому». Второе письмо, более конкретное, начинается с рассказа об общественных книгохранилищах: о тех трудностях, которые они переживают, о постоянных хищениях книг; об отчаянном положении библиотекарей Испании, благородная миссия которых заслуживает совершенно иного отношения к ним общества и в среду которых попадают подчас люди недобросовестные. На эту последнюю тему приведем выдержку из письма С.А.С.:

«В их (властей предержащих.— *Авт.*) глазах работа библиотекаря состоит только в том, чтобы прочесть название книги или, самое большее, оприходовать ее — словно это коробка свечей или мера зерна. И разве нельзя иной раз извинить служащего, который собственными силами возмещает свое жалованье, выплата которого всегда откладывается из-за недобросовестности и вошедшей в пословицу неаккуратности финансовой администрации? Не должны ли эти обстоятельства поколебать честность служащих при исполнении ими своих

должностей? И далее — как быть, когда дурной пример подан вышестоящими, когда растраты почитаются за доблесть, когда человек лишен уверенности в завтрашнем дне — единственно возможной награде за сегодняшние лишения? И потом — что есть книга в глазах этих господ, выбираемых обычно из числа самых невежественных? Разве не представляется она им никчемной вещью, которую легко заменить любой другой?.. Невежество, во-первых, нужда, во-вторых, небрежность, в-третьих... Короче, наиболее редкие книги исчезают и фигурируют в библиотеке разве только pro memoria». Опять-таки, как легко догадается читатель, здесь речь не только о библиотекарях Испании и может быть, даже не только о библиотекарях.

Вооруженный рекомендательными письмами Проспера Мериме, Соболевский получил довольно широкий доступ в библиотеки общественные, монастырские и, что его не меньше интересовало,— в частные. Мадридские друзья позаботились о том, чтобы русского библиофила приветливо встретили во всех городах и селениях, куда он приезжал. А он сумел побывать не только в Мадриде, но и в Кордове, и в Севилье; потом, превратившись из пассажира дилижанса во всадника, верхом отправился на юг — по узким дорогам Хаэна и по тропам Андалусии. Он побывал в Кадисе, Гибралтаре и Малаге и в середине августа 1849 г. добрался до Гранады, откуда написал благодарное и восторженное письмо Мериме, попросив ответить ему в Барселону. Иначе говоря, он вновь пересек Пиренейский полуостров — на этот раз с юга на северо-восток. И всюду, где побывал, неустанно отыскивал, изучал библиотеки и пополнял свое книжное собрание, которому суждено было проделать еще более длительное путешествие — от Пиренейского полуострова до Петербурга, а потом и Москвы.

Понять особенности испанской книжной культуры и в какой-то мере благодаря этому понять народ Испании помогли Соболевскому два крупнейших библиофила того времени, с коллекциями которых ему довелось довольно близко познакомиться. Похоже, что и они высоко оценили доброжелатель-

ность, образованность и интеллектуальную тонкость приезжего из России — во всяком случае те тома архива Соболевского, которые хронологически следуют за испанской поездкой, содержат письма к нему их обоих.

Одного из них звали дон Паскуале де Гайянгос. Это был профессор-арабист, один из образованнейших людей Испании, известный своим фундаментальным исследованием о магометанских династиях, правивших в его стране. Возвратившись в Мадрид из длительного заграничного путешествия, он начал комплектовать библиотеку, отразившую его разнообразные научные интересы. К тому времени, когда Гайянгоса посетил С.А.С., его книжное собрание содержало практически все, необходимое ученому для работы. В его распоряжении было более 800 арабских рукописей, в большинстве своем чрезвычайно редких и важных. «Осмотрев за день библиотеку дона Паскуале,— пишет С.А.С.,— я не сомневаюсь, что она могла бы стать одной из обширнейших и интереснейших во всех отношениях, если бы Гайянгос сумел избавиться от двух присущих ему страстей: первая — дарить свои книги другим собирателям, вторая — давать их на время с излишней легкостью и довольно оригинальным способом. Так, во время моего пребывания в Мадриде я видел, как дон Паскуале получил из Соединенных Штатов обратно ящик редчайших книг, которые он отправил в свое время м-ру Тикпору для его прекрасной работы об испанской литературе; я наблюдал также, как он заплатил солидные почтовые издержки за арабские рукописи, возвращенные ему из Голландии после нескольких лет пользования».

Совершенно другой тип библиофила представлял собой дон Серафино Кальдерон, однофамилец великого драматурга, известный литератор и не менее известный собиратель книг. «Будучи андалузцем,— замечает Соболевский,— он относится к своим книгам в традициях владельца восточного гарема. Это надежно охраняемый гарем, откуда гурии на белом пергаменте, заполненном готическим шрифтом с раскрашенными инициалами, если иногда и выходят, то никогда не пересекают порога

кабинета. Они словно созданы для того, чтобы внушать сожаление о невозможности восхищаться ими всеми вместе, хранящимися в недоступной крепости. На такое счастье «оставь надежду всяк, сюда входящий», даже тот, что является в назначенный хозяином день специально для того, чтобы осматривать книги. Пусть пришелец будет настойчив или даже нескромен, все равно в обусловленный час дон Серафино вынет из самых разных уголков, из мест таинственных и укромных, всего лишь несколько томов, да и то по очереди. Но при этом он расскажет вам множество интересных, серьезных и забавных историй; потом он противопоставит вашей библиофильской активности восхитительные сладости, великолепный херес и малагу; в конце концов вы уйдете от него, очарованный его обществом и утешенный надеждой, что следующий день окажется более счастливым с точки зрения библиографической. Назавтра повторится в точности то же самое».

Опустим рассказы Соболевского о нескольких других библиофилах, у которых он побывал, но задержимся хотя бы коротко на одном его визите: посещение планировалось заранее и превзошло все ожидания русского библиофила. Библиотека эта, может быть, количественно уступала многим другим, но никогда нельзя забывать закон книжного собирательства: «не в числе книг дело».

Предоставим слово Соболевскому:

«Я знал, что в окрестностях Толедо поселился человек который, по общему мнению, является лучшим из живущих знатоком испанской книги... Все мои мадридские друзья ссылались как на последний источник на этот оракул испанской библиографии; когда речь заходила о какой-нибудь книге, само существование которой представлялось сомнительным, книготорговцы говорили мне: разве что дон Бартоломео Гайярдо помнит что-нибудь. Но если всеобщая молва считала дона Бартоломео кладезем учености и познаний, то столь же единодушно она объявляла его человеком малообщительным и труднодоступным.

И вот я в дороге, снабженный желанием успеха и рекомендательным письмом, на которое я надеялся так же мало, как и тот, кто мне его дал: ибо «все зависит от момента»,— сказали мне. Логово зверя, в которое мне предстояло проникнуть, расположилось в полулье от города. Я отправился пешком к уединенной усадьбе, окруженной стеной; к моему счастью, огромные ворота были открыты, а слуги и собаки сновали в отдалении, так что мне удалось сходу, не обнаружив себя и не будучи укушенным, прорваться к самой двери святилища. Я позвонил. Выяснилось, что хозяин нездоров... ему, должно быть, стоило усилий впустить меня и дождаться, пока я просклоняю имя того друга, который меня рекомендовал. Впрочем, я тут же перевел разговор на те предметы, которые должны были его заинтересовать.

Через несколько минут, когда совершилось наше знакомство, и в продолжение всего моего первого визита, который я не находил в себе сил прервать целых три часа, я имел возможность непрерывно восхищаться разносторонней образованностью, тонким и наблюдательным умом, поразительной памятью... дона Бартоломео, одного из самых одаренных людей, которых мне удалось встретить в моих долгих путешествиях. Ни один из вопросов, которые я задавал, не остался без ответа, ни одно из моих литературных и библиографических сомнений не осталось неразрешенным — и все это с глубоким знанием предмета и множеством ответвлений по ходу беседы, часто более интересных, чем сам заданный вопрос. На следующий день я возвратился к этому неиссякаемому источнику познаний — на этот раз с целой пачкой редких и ценных книг, которые хозяин дома с изысканной любезностью просмотрел. К несчастью, у меня уже было мало времени и я покинул Толедо, сожалея, что не направился сюда в самом начале моего путешествия...» Как уже говорилось, С.А.С. сохранил дружеские связи со многими испанскими библиофилами; вскоре, в России, он получил от профессора П. Гайянгоса печальное известие (от 29 окт. 1852 г.) о том, что старый библиограф дон Бартоломео

Гайярдо был заподозрен в «антиправительственных намерениях», приговорен к восьми годам ссылки и умер, не перенеся такого удара. Гайянгос советовал Соболевскому: «На вашем месте я бы этой зимой приехал в Мадрид. Никто не знает библиографические сокровища Гайярдо. Если будут продавать его книги, я не буду знать, какие купить для вас»[8].

До сих пор мы рассказывали об интересных и поучительных испанских встречах Соболевского, о том, как нелегко жилось и работалось в середине прошлого столетия испанским книжникам и о тех немалых усилиях, которые требовались, чтобы отыскать в хаосе переплетных мастерских и даже бакалейных лавок жемчужные зерна старых книг. Однако не следует полагать, что путешествие русского библиофила в Испанию оказалось практически бесплодным. Напротив, испанская поездка, как никакая другая, отражена в каталоге его библиотеки. Откуда же все-таки он раздобывал книги, располагая отнюдь не ротшильдовскими капиталами? Приведем еще один эпизод из «Писем...», проливающий на это некоторый свет.

«Как-то в обществе беседовали о книгах; мне указали на молодого человека, не принимавшего участия в разговоре: он якобы обладатель одного фолианта, который мне хотелось посмотреть. Я адресовался к нему и получил приглашение «взглянуть на несколько семейных книжечек», которые столь незначительны, что он даже стыдится мне их показать. Итак, я отправился к нему... Молодой человек проводил меня на чердак большого старого дома, в комнату без стекол в оконных рамах и без замка в двери... Я окинул взглядом множество старых томов: часть их разместилась в полуразвалившихся шкафах, некоторые валялись на остатках прочей мебели, все остальные были в беспорядке разбросаны по полу; все это было покрыто пылью и перемешано со всевозможным тряпьем и поломанной утварью. Первый том, попавшийся мне под руку, представлял собой ни больше, ни меньше, как Cancionero de Castillo, in folio*,

---

* Народные песни Кастилии (в лист).

рядом я обнаружил около тридцати рыцарских романов, два экземпляра Romancero* 1504 года, испанское издание путешествия Брейденбаха, почти полный театр Лопе де Вега, великолепный Cancionero d'Auvers**, ряд хроник, напечатанных готическим шрифтом, маленькие книжечки поэтов и т. д. и т. д. Этого было вполне достаточно, чтобы исчерпать полный словарь библиофильских терминов (очень редкая, драгоценная, великолепная, ненаходимая, уникальная), которым приправляют каталоги, издающиеся в Лондоне и в Париже.

Вот каковы оказались «эти старые книжонки», которые мне стыдились показать, книжонки, неизвестные библиофилам этой страны, ничтожные остатки библиотеки одного семейства, о котором никто и не говорил, что «у них есть библиотека». Это характерно и для других древних родов в Мадриде и вне его...»

5 ноября 1849 г. русский консул в Барселоне сделал пометку в паспорте Соболевского, покидавшего Испанию. Почти полгода он прожил еще в Париже, приводя в порядок книжные трофеи, работая над «Письмами...», отыскивая недостающие части де Бри, обучая Проспера Мериме русскому языку. Затем Соболевский отправился домой, заехав по дороге в Варшаву и проведя довольно длительное время в семействе сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлищевой. 13 февраля 1851 г. он возвратился в Петербург и не покидал родину почти десять лет.

ХОДАТАЙ ПО КНИЖНЫМ ДЕЛАМ

С.А.С. называл себя «корректором биографико-библиографических дел» и «жандармом библиографическим». Он бы мог добавить по меньшей мере еще три определения: «устроитель библиотечных судеб», «добровольный каталогизатор», «публикатор рукописных находок».

* Сборник любовных песен.
** «Песенник», изданный в Антверпене.

Принцип бескорыстного и преимущественного комплектования библиотечных фондов русских книгохранилищ всегда был для него священен. Отчеты Публичной библиотеки в Петербурге 50—60-х годов прошлого столетия буквально пестрят сообщениями о приношениях «почетного члена С. А. Соболевского»: в 1851 г. библиотека получила от него 15 томов; в 1852 г. 28 томов, в 1854 г.—1 рукопись; в 1857 г.—1 том, в 1858 г.—4 тома, в 1859 г.—9 печатных книг и 1 рукопись; в 1860 г.—14 книг и 1 рукопись; в 1861 г.—1 рукопись и 2 эстампа; в 1863 г.—1 рукопись и 2 эстампа; в 1864 г.—14 томов; в 1867 г.—1 книгу и 1 рукопись; в 1868 г.—11 томов...

Среди рукописей, им подаренных, были 6 листов собственноручных решений Екатерины II, последовавших 20, 25 февраля и 27 марта 1788 г. на поданные ей просьбы; «Описание медалей, изображающих историю России»,— сочинение Екатерины II, написанное ее рукою; ценнейший подарок — рукопись М. Сабатье де Кабра «Воспоминания о России 1772 года посланника французского двора в Санкт-Петербурге». Эту рукопись С.А.С. купил при распродаже библиотеки крупнейшего французского библиофила маркиза Шатожирона и опубликовал отдельной книгой в 1862 г. в Берлине со своим предисловием; им также был преподнесен в дар библиотеке пергаментный патент, подписанный 1 сентября 1656 г. Оливером Кромвелем; последним приношением Соболевского в Рукописное отделение Публичной библиотеки оказалась статья М. И. Глинки «О фуге», которую С.А.С. обнаружил, разбирая в 1869—1870 гг. огромный архив В. Ф. Одоевского.

Что касается книг, подаренных Соболевским, то чаще всего это — Россика. Ограничимся одним примером: в 1868 г. он узнал, что в Публичной библиотеке отсутствует редкое сочинение А. Л. Шлецера «Краткое изображение Российской истории», изданное в Москве в 1805 г. «Шлецер» немедленно, с большими предосторожностями (чтобы не пропал) был отправлен в Петербург. С.А.С. писал Я. Ф. Березину-Ширяеву: «Единственный способ библиофильствовать с успехом — помогать друг

другу, пользоваться обстоятельствами и помнить о пользе других. Например, вы мне сообщили, что распредкой книжицы Шлецера нет в Императорской публичной библиотеке, теперь она уже там есть по вашей милости. Я так же поступал часто и за границей; вот почему я во всех библиотеках и у всех библиофилов свой человек, друг и благодетель»[9]. Пополняя фонды Публичной библиотеки, С.А.С. в то же время «рекламировал» ее богатства за границей: по просьбе журнала Библиографического общества в Париже он составил в 1868—1869 гг. иллюстрированное описание библиотеки. Естественно, что архив его полон письмами такого рода (на бланке):

«Министерство Императорского двора. Управле́ние Императорской публичной библиотеки. 6/IX 1862 № 711

Милостивый государь Сергей Александрович!

Получив через Статс-секретаря барона Корфа брошюру под заглавием... назначенную в дар Императорской публичной библиотеке, я в приятный долг себе вменяю изъявить Вам, милостивый государь, от имени отечественного книгохранилища искреннюю благодарность за постоянное внимание Ваше к интересам оного...»[10]

Соболевский всю жизнь любил Москву. Это был город его детства (если не считать нескольких первых лет, проведенных в Риге), город его юности, город воспоминаний пушкинской поры, город последних двух десятилетий. Уже поселившись в Москве окончательно, он писал П. А. Плетневу: «Вот третьи сутки, что у нас в Москве метель, да такая, каких и в степи не бывает. Перед моими окнами в сад снежная гора аршина в четыре вышиною, а на двор занесло столько снега, что к крыльцу подъехать нет возможности. Вот какова наша Москва! Истинная Русь и не то, что ваш Питер, который в сутки два раза замерзнет и два раза оттает... Я же здесь живу повсегдашнему, то есть поутру с книгами; обедаю (большею частью отлично) и пью за твое здоровье разные квасы, меда,

воды, водицы и шипучки, коими Москва так велика перед Питером»[11].

Квартировал он тогда, до последней поездки в Европу, в Зубове, в начале Девичьего поля, и приятели в его честь окрестили Зубов вал «Зубоскальским валом». Впрочем, это не единственная «топонимическая новинка» в Москве в честь С.А.С., о чем свидетельствуют стихи Е. П. Ростопчиной:

Он просвещенья закоулок
В широкий путь преобразил.
И даже *Мертвый переулок*
Он жизнью новой оживил![12]

Жил он, как всегда, одиноко, очень любил собак и на стихотворные выпады Ростопчиной отвечал, например, вот как:

Ах, зачем вы не бульдог,
Только пола нежного!
Полюбить бы я вас мог
Очень больше прежнего!..

Быть графиней — что за стать?
И с какою ручкою
Вы осмелитесь сравнять
Хвостик с закорючкою?..

Зубоскалить и зло шутить любил по-прежнему, и не был бы Соболевским, если бы, любя Москву искренне и глубоко, иной раз не разражался такими, например, злыми эпиграммами:

Расхвасталась Москва-столица,
Церквей где сорок сороков,
И эти сорок — единица
В числе наличных дураков[13].

Московским библиотекам, общественным и частным, московским журналам, московским библиографам С.А.С. всегда готов был помочь и словом, и делом. Еще в конце 40-х годов, задолго до переезда в Москву Румянцевского музея, Соболевский убеждал друзей основать в древней столице публичную

библиотеку. «Главное — составить значительный зародыш. Уломайте Кошелева и Хомякова как людей здешних... Это дело ваше, ибо у меня это сочтут библиоманией, а штука, право, важна. Стыдно в Москве не иметь русских книг в руках православных. Что Мальцов и Веневитинов* дадут, за это берусь я; да при этом и других уговорю здесь и в Петербурге... Этим способом (добровольным подписом) в Англии сделано все, ибо там правительство решительно ничего не сделает и за сделанное не дает ни чинов, ни крестов, ни даже добрых слов»[14].

Эти строки были написаны в связи с ожидавшейся гибелью (распылением, что и есть гибель для коллекции) одного превосходного частного собрания книг. По мысли Соболевского, оно должно было быть приобретено коллективно и подарено Москве как зародыш будущей публичной библиотеки. В одной из статей в «Библиографических записках» он писал: «Когда-то догадаемся и мы, что в древней столице нашей странно не иметь ни публичной библиотеки, ни картинной галереи; что многие собрания, уже значительные, погибли или за недостатком места или за недостатком состояния у наследников, между коими разбросаны доходы собиравшего, что много есть собирателей, которые желали бы упрочить целость того, над чем трудились с любовью лучшие годы своей жизни, что много есть наследников, которые предпочли бы или даром, или за самое незначительное возмездие удержать вкупе теперь обыкновенно делимые (да при том с какими хлопотами делимые!) собрания... Будь только показаны цель и способ делать доброе дело — так дарители найдутся»[15].

Можно только еще раз отметить прозорливость Соболевского и его умение мыслить категориями общественной, а не частной пользы. Даже и теперь, после того, как впервые в истории государство, а не сами коллекционеры, стало охранять

---

* Алексей Владимирович — брат поэта, друг С. А. С. с юных лет и до старости.

коллекции, слова старого русского библиофила остаются актуальными. Когда думаешь о счастливой судьбе собраний Д. Бедного, Н. П. Смирнова-Сокольского, И. Н. Розанова, П. В. Губара и других, невольно вспоминаются строки Соболевского, написанные свыше ста лет назад. Он и сам неоднократно высказывал готовность передать свою библиотеку на пользу общемосковскую, при том единственном условии, что она не рассредоточится в общих фондах, а окажется в отдельном помещении, расположенная по системе, выработанной собирателем. В связи с этим представляют интерес взгляды Соболевского по двум вопросам: существует ли для собирателя моральная обязанность передавать книги без какого бы то ни было вознаграждения или он может продать их? как должно относиться государственное хранилище к вверенным ему книжным богатствам?

По первому вопросу С.А.С. высказывается в письме к Я. Ф. Березину-Ширяеву (3 ноября 1869 г.). Узнав, что Ширяев передал попавшее к нему в руки собрание книг петровского времени в Библиотеку, С.А.С. пишет: «... весьма радуюсь тому, что Петровские книги поступают в Имп. библиотеку. Она по этой части так близка к полноте, что я считаю долгом каждого библиофила стараться о приобретении ею недостающего. Говорю о *приобретении ею*, а *не о пожертвовании в оную*, ибо этого никто, даже самый ярый библиофил не может требовать от всякого: в этом должно сообразоваться с средствами и с обстоятельствами владетеля. Но с Имп. библиотекою и каждый недостаточный, но благородный библиофил может иметь дело. Если и нет у оной денег, то у нее тьма дублетов, которыми она может обогатить каждую библиотеку, дав их в обмен по ничтожной плате.

Когда барон Корф занимался составлением собрания «Россика», я послал ему свой каталог этого отделения * с тем, чтобы он

---

* Итак, значит, существовал каталог (рукописный), составленный С. А. С.! Кто знает, может, он еще и отыщется.

отметил все, чего у них нет; я *все* отмеченное послал к нему немедленно, разумеется, безвозмездно...»[16]

Итак, формула Соболевского ясна: «Никто не обязан жертвовать, но я отдаю безвозмездно». Увы, не прошло и полугода после этого письма, как средства и обстоятельства С.А.С. настолько изменились, что он вынужден был поступиться своим принципом. Но об этом немного погодя, а теперь обратимся ко второму пункту: каковы моральные обязанности хранителей общественных фондов. Свою трактовку этой проблемы С.А.С. предлагает в письме к А. Ф. Бычкову, хранителю Отделения рукописей Публичной библиотеки: «Считаю каждый вынос книги из библиотечного здания гибелью для книги и вопиющей несправедливостью для публики. Проездом за границу в 1860 г.— я хотел видеть одно сочинение у Вас: мне сказали, что оно отдано одной знаменитой личности; в 1862 г., возвращаясь из-за границы, я опять спросил об том же; книга (одна из самых интересных для русской публики), не была еще возвращена от того же лица.

Редких книг вне библиотеки нельзя давать, чтобы не подвергнуться потере чувствительной; части многотомного сочинения нельзя давать потому, что оно для изысканий тем и нужно может быть, что все томы налицо; книг обыкновенных нельзя давать потому, что их беспрестанно требуют. Так что же можно давать без презрения к люду?»[17]

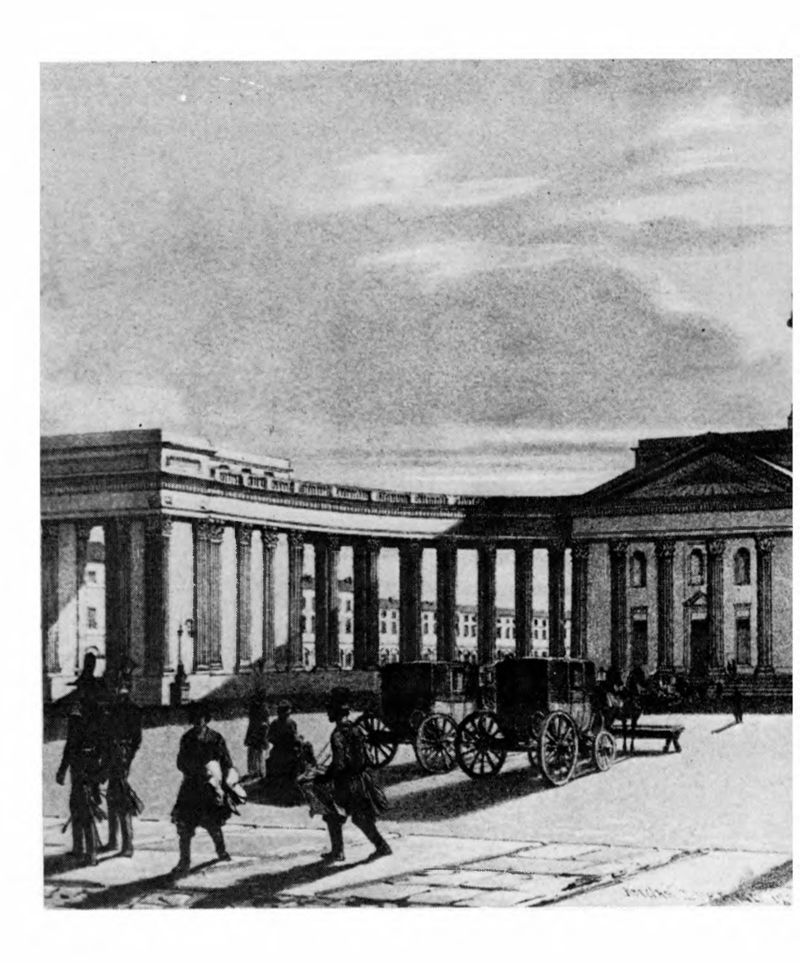
Не правда ли, несколько неожиданная позиция библиофила по отношению к общественному хранилищу вырисовывается из всех этих высказываний? Привычному представлению о библиофиле-скопидоме, трясущемся над своей коллекцией, здесь места как-то не находится. Скорее перед нами просвещенный собиратель книг, заботящийся о благе читающей публики. Любопытно, что по отношению к собственному книжному собранию С.А.С. такого пуризма не проявлял. Его архив свидетельствует о постоянной циркуляции книг между людьми, в той или иной книге действительно нуждающимися. Ему частенько случалось напоминать своим знакомым о возвраще-

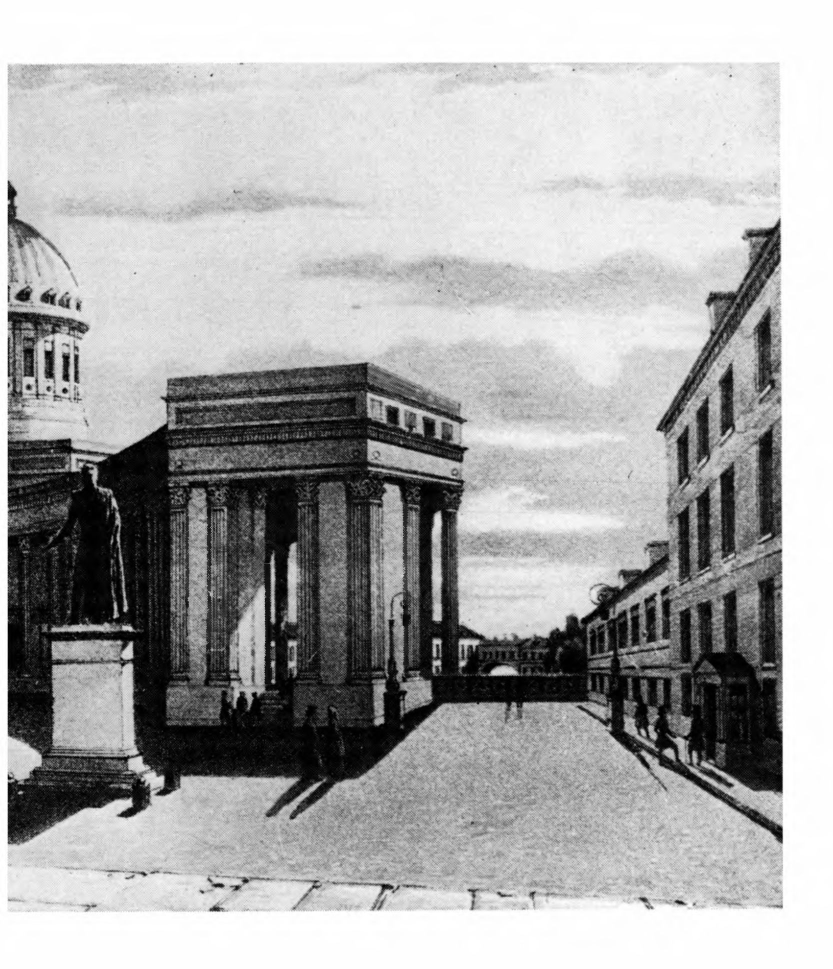
нии той или иной книги, но не отказывать в ней. Кстати, и сам он с аккуратностью исключительной возвращал взятые им книги. «Вам давать книги не страшно!» — пишет ему один из корреспондентов. В наше время разработаны строгие системы абонемента личного и межбиблиотечного, но кому из работавших в больших библиотеках не приходилось подчас становиться в тупик при получении отказа с мотивировкой «выдана по абонементу». Соболевского на нас нет!

Да не посетует читатель на многочисленные выдержки из Соболевского: так уж распорядилась судьба, что подобно книгам его библиотеки, которые разлетелись по белу свету, «распылилось» по мелким заметочкам в журналах, по частным архивам и письмам его библиографическое и библиофильско-теоретическое наследие. Никогда не было составлено ни списка его библиографических работ, ни тем более какого бы то ни было сборника (если не считать «Эпиграмм и экспромтов»). Пусть же теперь, хоть в малой доле, высказывания С.А.С. окажутся собранными вместе.

День 23 мая 1861 г., когда состоялось решение о переезде Румянцевского музея в Москву, был для С.А.С. счастливым днем, как счастливым оказался он для русской культурной истории в целом. Это не мешало ему каламбурить в своем обычном стиле. Сожалея, что его близкий друг, человек высочайшей культуры и огромных познаний, В. Ф. Одоевский потерял место заведующего музеем, которое занимал на протяжении 15 лет до переезда, С.А.С. упрекнул его такой эпиграммой:

Князь — твое отродье, Рюрик,
Через двадцать пять колен;
Князь — не то, что князь-мазурик
Из армян или туркмен:
Князь — не то, чтобы князь некий —
Русских старшина князей,
Упустил из-под опеки
Свой Румянцевский музей:
Ротозей ты, ротозей!

Соболевский почувствовал, что впервые в древней столице появляется учреждение, которое должно стать не только государственным книгохранилищем, но и прибежищем для частных коллекций после смерти собирателей или при жизни, если они того захотят. Еще 7 декабря 1860 г. в докладной записке министру просвещения сообщалось, что С. А. Соболевский изъявил желание поместить свою библиотеку «в общем здании на общее пользование под своим именем». Речь шла не о том, чтобы частные книжные собрания передавались при жизни владельца в государственные хранилища совсем, а лишь о том, чтобы они размещались в помещении государственной библиотеки для всеобщей пользы, оставаясь по-прежнему коллекциями Соболевского, Черткова, Погодина и т.д.

Как только Румянцевский музей превратился в московскую публичную библиотеку, С.А.С. принялся усердно пополнять его фонды. В архиве его хранится такой документ (на бланке дирекции Московского публичного и Румянцевского музеев):

«Милостивый государь Сергей Александрович!

Московский публичный и Румянцевский музей, приняв в уважение, что Вы, принимая постоянно участие в его интересах, всегда готовы помочь ему своею библиографическою опытностью и добрым советом, в последнее время оказали важную пользу приращению научных его средств, обеспечив ему своим ходатайством у дочерей графа М. Ю. Виельгорского обладание замечательной библиотекой покойного их родителя,— избрал Вас, милостивый государь, в свои почетные члены»[18].

В отчете музея за 1867—1869 гг. читаем, например: «Старшины Московского английского клуба, от имени своих сочленов, принесли в дар Музею 857 томов иностранных газет первой половины текущего столетия и 707 томов С.-Петербургских и Московских Сенатских изданий за то же время. Библиотека и в этом опять случае обязана своим приращением усердному содействию бывшего почетного члена музеев Сергея Александровича Соболевского»[19] (отчет был опубликован после смерти

С.А.С.— *Авт.*). Дело в том, что С.А.С. по своему обыкновению упорядочивал библиотеку Московского английского клуба, членом которого состоял на протяжении многих десятилетий. В свое время он подготовил и напечатал «Каталог книгам и повременным изданиям библиотеки клуба» (М., 1862), а все, что считал наиболее важным и ценным, уговорил старейшин клуба передать в Румянцевский музей.

Не только Английский клуб, но и другие учреждения — прежде всего Общество любителей российской словесности — обязаны ему упорядочением и преумножением библиотек. Книжный фонд Общества был каталогизирован и размещен в особых шкапах «библиотекарем и казначеем» (1859—1867 гг.) С. А. Соболевским. Он взял на себя также составление «Указателя лучших русских книг по иностранной географии и путешествиям вне России». По настоянию С.А.С. Общество любителей российской словесности принесло в дар Карамзинской библиотеке в Симбирске все книги, поступившие в его фонды до 1837 г. При этом, по своему обыкновению, С.А.С. предварительно послал список книг, отправляемых в Симбирск, А. Ф. Бычкову, ибо считал незыблемым принцип преимущественного комплектования национального книгохранилища, каким была тогда Публичная библиотека в Петербурге. Действительно, несколько номеров в этом списке были отмечены Бычковым, и книги вскоре получены. И еще одна заслуга перед Обществом любителей российской словесности принадлежит С.А.С.: он позаботился собрать в одну книжку все печатные и два рукописных протокола заседаний Общества. В одном из экземпляров его рукой сделана надпись: «Величайшая редкость. Таких экземпляров нет и десяти. Составлено из отдельных оттисков Московских ведомостей... Я составил так 6 экземпляров, но вряд ли кто другой вздумал об этом, ибо отдельные листки раздавались во время заседаний, а члены не съезжались регулярно те же самые. Первые (до избрания меня в должностное лицо) я достал с величайшим трудом, а ненапечатанные переписать велел из бумаг Общества»[20]. Этот редкостный

экземпляр долго странствовал после лейпцигской распродажи, пока не был куплен в 1903 г. самим же Обществом любителей российской словесности у одного московского книгопродавца за 50 руб.* Конечно, на всем, что делал С.А.С., лежала печать его библиофильских интересов, поисков и начинаний. Он любил создавать «особые» экземпляры, конволюты, добывал книги, книжечки, оттиски — уникальные или «распрередкие», т.е. библиофильствовал в том смысле, который соответствует традиционному пониманию этого слова. Однако отметим две черты, которые выводят его библиофильскую работу за рамки обычные и превращают ее в книговедческую, лишний раз подтверждая, что библиофилия — учение о собирании книг — полноправной ветвью входит в книговедение. Во-первых, ни при каких обстоятельствах С.А.С. не отвлекался от *содержания* книги, считая величайшей глупостью интерес к форме книги *вне* ее содержания. Во-вторых, собирая свою библиотеку и выявляя тем или иным способом ее ценности (публикацией рукописей, библиографическими заметками и списками, поисками недостающего или даже частной перепиской), он преследовал не одну личную, а коллективную, в конечном итоге даже шире — общественную пользу.

И еще одно книгохранилище в Москве, тогда частное, не вправе забыть заслуг С. А. Соболевского. Имею в виду собрание книг о России А. Д. и Г. А. Чертковых — ныне Государственную историческую библиотеку РСФСР. 16 марта 1845 г. С.А.С. написал А. Д. Черткову письмо, которое содержит любопытный материал о книжном рынке Европы и о книжных связях автора письма: «... В нынешнюю мою поездку за границу не редко случалось мне жалеть, что при мне не было Вашего каталога. Я много встречал книг, а особливо книжонок, об России, которых, пóмнилось, у Вас нет, из коих я многие оставил потому только, что они не входили в круг моего

* В Ленинской библиотеке хранится еще один экземпляр из 6 упоминаемых С. А. С. с его пометками.

собрания. Торговля старыми книгами, следование за аукционами, за продажными библиотеками сделались ныне на многих пунктах Германии, Англии и Италии делом таким постоянным и добросовестным, что я желал бы следующего: видеть список иностранных ваших книг, напечатанный мелко и убористо на немногих листках. Рассылкою этого списка Вами скоро могло бы быть достигнуто пополнение этой части Вашего прекрасного собрания. Особенно говорил я о нем с Weigel в Лейпциге и Asher в Берлине, которые просили меня сообщить им Ваш каталог...

Кроме сих двух книгопродавцев честь имею рекомендовать Вам: Bohn в Лондоне. Там же Rood, а особенно Thorpe. Говорят про сего последнего, что нет той редкой книги, которая бы не проходила сквозь его руки, он поставщик всех английских собирателей. В Париже Techener и, как исполнитель сего рода поручений, некто Leblane; сего последнего не знаю, он большей частию вне Парижа и ездит повсюду отыскивать и покупать; в Милане Tosi; в Вене есть ученый книгопродавец Кубин. Находясь с ними более или менее в переписке, получаю их каталоги и буде могу быть Вам полезен, то с радостию исполню желаемое Вами... Замечу только, что они все не весьма совестливы ни на счет цен, ни на счет полноты экземпляров, особенно вне Англии, где старые книги вообще дешевле, чем on the continent». На письме имеется пометка А. Д. Черткова: «Отвечал 3 апреля 1845 г. с посылкою каталога»[21].

Трудно представить себе, что кто-нибудь в России того времени лучше знал книжный рынок Европы, чем С.А.С., он один являл собою целый «отдел комплектования» (как мы теперь говорим) — не только для своей, но и для многих других отечественных библиотек. Заботы его о чертковской библиотеке на этом не кончились. По просьбе владельца, Г. А. Черткова (А. Д. Чертков умер в 1858 г.), решившего передать свою огромную библиотеку Москве, С.А.С. принял на себя руководство подготовкой нового аннотированного каталога чертков-

ской библиотеки. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится его подробнейшее письмо П. И. Бартеневу (15 ноября 1859 г.) — отчет об этом предприятии, подтверждающее, что С.А.С. отнюдь не чурался самого чернового библиографического труда. Он изрезал, разделив по названиям, два экземпляра прежних росписей и собственноручно наклеил на особые листы, что «заняло около десяти дней прилежных усилий». Однако не даром же! Вот что он пишет: «За эту работу я считаю себя вправе на возмездие. Возмездие это должно состоять в том, что Вы точным исполнением моих советов в будущем не обратите труда моего в труд напрасный...»[22] Далее следуют многочисленные практические рекомендации, исполнение которых должно было превратить «Роспись книг Чертковской библиотеки» в образцовый научный каталог. «Вообще я замечу,— писал С.А.С.,— что напечатание каталога *необходимо* сделать до открытия самой библиотеки. Потом можно будет издавать по мере приращения библиотеки прибавления. При этом напечатании должно сохранить, из благодарности к основателю, и порядок, им принятый, и систему, которой он следовал, и замечания, им сделанные»[23]. Остается добавить, что каталог чертковской библиотеки, издание 2-е, «слишком вдвое умноженное», вышел в трех книгах в 1863—1864 гг.

Рассеяние русских книжных собраний всегда больно ранило Соболевского. Он делал все, что мог, для их спасения. Румянцевский музей в значительной степени ему обязан сохранением библиотек М. Ю. Виельгорского, В. Ф. Одоевского, В. М. Ундольского (эту последнюю он оценивал также как эксперт по иностранной библиографии). Он «пристроил», как говорилось, библиотеку А. С. Норова в 30-х годах, способствовал сохранению и продаже в Румянцевский музей второй коллекции того же собирателя — в 60-х...

Это была превосходная библиотека: 14 тысяч томов, 25 отделов, ценнейшие издания классиков римских и греческих, старопечатных книг русских, сочинения о Востоке, описания

путешествий, эльзевиры; изумительная коллекция изданий Дж. Бруно и Кампанеллы, равной которой, по утверждению С.А.С. (а он знал в этом толк!), нет «ни в одной из публичных или частных библиотек Европы»[24]. Незадолго перед тем, как расстаться с библиотекой, Норов приобрел тетрадь рукописей Джордано Бруно на 182 листах и также передал ее в Румянцевский музей. В составе библиотеки Норова должно быть особо отмечено собрание греческих и славянских рукописей, которое он привез из путешествия по Египту и Нубии в 1834—1835 гг., и с которым, по-видимому, успел познакомиться Пушкин. Славянские рукописи и некоторые печатные книги были куплены Норовым в монастыре св. Саввы в Палестине, куда их завозили и нередко оставляли паломники из славянских земель. Норов писал Соболевскому в 1864 г.: «Я расстался с моей библиотекой и, конечно, не из денежных расчетов... Меня подвигла к этому любовь к родной Москве»[25].

Вскоре Соболевский осмотрел библиотеку Норова в Румянцевском музее и сообщал ему: «На днях имел я случай обозревать прекрасную вашу библиотеку в здешнем музеуме, причем я возрадовался видеть ее в оном не раздробленною. Кроме того, что это приобретение обогащает музей множеством прекрасных экземпляров редких книг, оно важно особенно тем, что до вашей там сосредоточились только библиотеки неученых бояр наших, отчего и образовалось множество дублетов, триплетов и других плетов тех же самых роскошных, но не редких и не охотничьих книг»[26].

Помимо чертковской библиотеки С.А.С. каталогизировал и упорядочил библиотеку М. А. Голицына и издал в двух экземплярах брошюру «Два ксилографа из библиотеки М. А. Голицына, русского посла при мадридском дворе». Один из экземпляров был подарен сыну Голицына, другой оставался в «Соболевскиане» и вошел в число нескольких книг, купленных Публичной библиотекой на лейпцигском аукционе.

В 1863 г. произошло важное событие и для русской исторической науки и для читающей публики — начал свой

долгий путь журнал «Русский архив» под редакцией П. И. Бартенева. Первый номер открылся публикацией рукописи «Путешествие в святую землю священника Иоанна Лукьянова» с примечанием: «Получено от С. А. Соболевского, которому было доставлено в 1853 г. из Орла при продаже книг, оставшихся от какого-то старообрядца». В архиве А. С. Норова находим письмо Соболевского, датированное 25 сентября 1853 г.:

«Любезнейший министр просвещения,
простите мне мое невежество!!!

На днях прислали из Орла купленный там после умершего купца-раскольника манускрипт. Писан он в лист полууставом на 76 полулистах четко и красиво; во многих местах собственные имена, числа и начала важнейших статей киноварью; письму никак не менее ста лет... Я здесь в Москве без книг* и поэтому не могу навести никаких справок об книге и об ее авторе, почему и обращаюсь к Вам, живой bibliographie spéciale des livres des Terres Saintes.** Если Вы Иоанна Лукьянова не знаете и не встречали, то это клад и находка первой величины»[27].

Норов не знал этого сочинения, и «Путешествием... Лукьянова» открылся «Русский архив», а позже оно было напечатано отдельной книгой. Это не единственная рукопись, изданная Соболевским. В 1863—1865 гг. в «Русском архиве» появилось несколько его рукописных находок. Но более всего хлопот доставила ему публикация, о которой сейчас будет рассказано.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА К БРАТУ ЛЬВУ СЕРГЕЕВИЧУ

Теперь нам кажется вполне естественным, что значительную часть эпистолярного наследия Пушкина составляют блестящие, остроумные письма к брату,

* Библиотека С. А. С. еще не была перевезена из Петербурга. Он как раз готовил свое окончательное переселение в Москву.

** Специальной библиографии книг о святой земле. (*франц.*).

содержащие множество важнейших биографических и литературных подробностей. Между тем в свое время опубликовать их было не так-то просто.

В начале 1852 г. Соболевский получил последнее письмо от Льва Сергеевича Пушкина: «Ты знаешь или не знаешь, что я уже 2 года при смерти: ездил в Париж, где мне помогли, но не вылечили меня. Доктора решили, что одесское лето меня убьет, а жизнь в России севернее Одессы запрещена...»[28] 19 июля 1852 г. Лев Сергеевич скончался. Одним из опекунов его детей стал Соболевский. Тогда же П. И. Бартенев обратился к нему с просьбой — поискать среди бумаг Л. С. Пушкина письма поэта. Вскоре из Болдино была прислана пачка — 36 писем. В бумагах Льва Сергеевича Соболевский обнаружил и рукопись воспоминаний Л. С. Пушкина о брате, которую передал М. П. Погодину для публикации в «Москвитянине». Там она и появилась в 1853 г. П. В. Анненков использовал эти воспоминания и отрывки писем в первой биографии поэта.

6 декабря 1854 г. Соболевский писал Н. И. Павлищеву: «Удивляюсь мелочности наших литераторов и их жадности. Как не делиться тем, что есть, или тем, что знаешь? Например, хорошо ли бы я сделал, если бы сохранил у себя или для себя ту массу стихов (из Онегина, Бориса Годунова; Кто знает край, где небо блещет; Какая ночь, мороз трескучий и пр.), которую я немедленно после смерти Пушкина и возвращения моего из-за границы отдал в «Современник» 1838 года. Хорошо ли бы я сделал, державши под спудом найденную мною в бумагах Льва статью об Александре... и, наконец, неужели мне теперь, когда выйдет биография Анненкова, чинить на него суд за все то, что Анненков поместил в нее, *вероятно*, из 36 писем Александра к Льву, писем, принадлежащих моему опекунству, мною самим переписанных и сообщенных многим, разумеется не для корысти, а в пользу отечественной литературы?

Для оной же пользы замечу, что я вышереченных писем *никому* не сообщал в оригинале, а сам списывал их прежде, дабы исключить некоторые шуточки или намеки на лица

семейные или живущие, от чего в ходячем списке произошли такие перемены и перестановки, коими я приобрел возможность доказать всем и каждому, что *эти письма до меня никому* и *никем* сообщены быть не могли, и что, следовательно, всякое их обнародование есть нарушение собственности малолетних, коих имущество вверено моему попечению...»[29]

Сложные вопросы вызывает та позиция, которую занял С.А.С. в цитированном письме к Павлищеву. Имел ли он моральное право в 1854 г. предавать гласности даже некоторые отрывки из писем, и тем более отрывки, вырванные из контекста? Как связать это с его собственной «антимемуарной установкой», обсуждавшейся в первой главе? Не привели ли его действия к искажению пушкинских текстов?

Он, видно, и сам тревожился об этом, ибо в 1858 г. решился передать «Письма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу» для опубликования в журнале честном и умном, и потому вскоре удушенном цензурой — «Библиографические записки» (в котором С.А.С. вообще принимал самое ближайшее участие). Правда, и на этот раз и публикатор, и еще более цензура оставили ряд белых пятен в письмах Пушкина*.

Эта публикация вызвала не только цензурные помехи, но и огорчение Н. Н. Пушкиной-Ланской, сына поэта Г. А. Пушкина, обратившегося к министру просвещения с жалобой на обнародование «совершенно домашних и семейных писем Пушкина»[30], и некоторых других людей, близко знавших поэта. Министр просвещения А. С. Норов сделал строгое замечание цензору Н. Ф. Крузе, допустившему печатание писем, «в коих многое не должно было являться в печать...»[31] Всеобщий гнев обратился против Соболевского, напечатавшего письма, ни с кем не посоветовавшись. Наиболее откровенно точку зрения протестовавших выразил П. А. Вяземский в письме С. П. Ше-

* В Отделе редкой книги Ленинской библиотеки хранится полный комплект «Библиографических записок» из «Соболевскианы» с пометками и вклейками.

выреву 16 февраля 1858 г.: «Кто это печатает в БЗ письма Пушкина? В них много неуместного и неприличного. Пушкин еще слишком нам современен, чтобы выносить сор из его избы. Многие выходки его личные, родственные, несколько кощунские, оскорбляют чувство приличия и уважения к самой памяти его. Мало ли что брат мог говорить наедине с братом, но из того не следует, чтобы он то же сказал на площади, а печать та же площадь. Жена его, дочери, сыновья его еще живы: к чему раздевать его при них наголо? Боюсь, чтобы не вышло тут новой цензурной тревоги. Да если и не будет цензурной, то не должно возбуждать и нравственной тревоги. Сделайте одолжение, передайте это Соболевскому или кому подобает и предостерегите от меня цензора Крузе»[32].

«Охранительная» позиция П. А. Вяземского все же не восторжествовала, и письма были напечатаны до конца. А чем ответил Соболевский на все упреки? Он поступил в своем духе: с помощью М. П. Полуденского напечатал «Письма к брату Льву Сергеевичу» отдельной «библиофильской» брошюрой тиражом в 110 экземпляров настолько полно и исправно, насколько это было тогда возможно. В каждом экземпляре (68 нумерованных и две ненумерованные страницы) воспроизведен знаменитый пушкинский рисунок: опершись на гранит, автор «Евгения Онегина» беседует с героем. Этот рисунок был послан Льву в начале ноября 1824 г. из Михайловского со словами: «Брат, вот тебе картинка для Онегина — найди искусный и быстрый карандаш»[33].

Минувшие 120 лет пощадили многие экземпляры этой брошюры — уже тогда редкой, а теперь-то?!. Собственный экземпляр Соболевского попал в Британский музей, другие имеются в Ленинской библиотеке, ГПБ, Государственном музее А. С. Пушкина в Москве — один в составе библиотеки И. Н. Розанова, другой с дарственной надписью А. Н. Афанасьеву — фактическому основателю «Библиографических записок», в основном фонде; в библиотеке Пушкинского дома также хранится экземпляр писем.

Не поступи так Соболевский в 1858 г., мы рисковали бы лишиться части бесценного пушкинского наследия, поскольку тетрадь с письмами хоть и сохранялась со всеми предосторожностями в несгораемом ящике у него в библиотеке, но подвергалась опасности пропасть со всей библиотекой и уцелела по счастливому стечению обстоятельств. Кто же все-таки был прав в этом споре? Не будем отвечать на этот вопрос, а лучше приведем одно высказывание С.А.С., представляющееся более чем справедливым (кстати, напечатано оно в тех же «Библиографических записках» в том же 1858 г.).

«Много погибло накопленных в разное время разными лицами и у разных народов биографических и библиографических материалов от того только, что собиратели оных слишком откладывали их обнародование. Это было всюду; это было и у нас, и всегда будет и везде, где биографы и библиографы станут искать идеальной полноты и недосягаемой безошибочности...»[34] Не стоит ли только добавить — «и подходящего момента»?

ГРИГОРИЙ КНИЖНИК И ВАНЬКА КАИН

Архивы и библиографические журналы донесли до нас бесконечные дружеские споры, взаимные обвинения, шутливые и не очень шутливые, в прозе и в стихах, С. А. Соболевского и библиографа, издателя, журналиста Григория Николаевича Геннади. Известна эпиграмма С.А.С. на Геннади в роли составителя и редактора «Сочинений Пушкина» (издание Исакова, 1860), изобилующих ошибками (двустишие обращено как бы к самому поэту):

О жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннади!

Эта эпиграмма тонкостью не отличается: С.А.С. в шутках порой не знал меры, не щадил «родного отца», и вкус не часто, но все же изменял ему. Впрочем, ведь подойти к этому

двустишию можно по-разному, а в свое время оно было весьма популярно.

Известен и другой его отклик на ту же тему — об урезанных и перевранных пушкинских текстах*.

Скопят людей у нашей братьи!
Про это сведав, на беду
Приказ: всех нас забрать и
Немедленно предать суду.
Чьего ж заступничества ради
Другим скопителям простор?
Не под судом до этих пор
Отрешков, Анненков, Геннади!

В одной из первых библиографических работ Г. Н. Геннади «Литература русской библиографии» (1858) целый раздел принадлежал С. А. Соболевскому, о чем составитель сделал примечание: «С благодарностию помещаю дополнения и поправки, сообщенные мне во время печатания моей книги из Москвы С.А.С., которому я и прежде был обязан многими полезными указаниями»[35]. Правда, когда книга вышла, С.А.С. откликнулся на нее скептическим двустишием, которое за неполным приличием невоспроизводимо, но имеется, например, в экземпляре Отдела редких книг Ленинской библиотеки. Целый ряд уточнений (на этот раз предварительно) Соболевский сообщил Геннади для другой работы — «Указатель библиотек в России» (1864). К сожалению, С.А.С. уже не было в живых, когда готовилась книга Геннади «Русские книжные редкости» (1872). Возможно, он бы предостерег составителя от тех методологических ошибок, которые надолго прилепили к бессодержательным и пустяковым книжонкам ярлык «редкости геннадиевского толка». Отметив, что имя Г. Н. Геннади никоим образом не должно связываться лишь с этим понятием и просчетами «Русских

* В это время как раз проходил процесс скопителей и скопцов, от имени которых якобы и написаны стихи. Все упомянутые — издатели и редакторы сочинений Пушкина.

книжных редкостей» — он имеет неоспоримые большие заслуги перед историей литературы и книговедения — вернемся к его взаимоотношениям с С.А.С. Справедливости ради следует признать, что не только Соболевский снабжал Геннади ценными библиографическими сведениями, но и от него получал множество книг, оттисков статей, важных справок и иных библиофильских пособий, в чем сам и признавался*:

Слепцы так не бывают ради,
Когда у них сорвут бельмо,
Как были мы, о мой Геннади,
От вас увидевши письмо!

И тотчас добавлял:

Не уступлю Вам и полпяди
Я в аккуратности, Геннади![36]

Геннади, не обладая, может быть, столь явными поэтическими способностями, все же не оставался в долгу и, побывав, например, по совету С.А.С. в богатейшей библиотеке Уваровых в Поречье, выражал свое восхищение ею в таких стихах:

Когда б в Порецкой библиóтеке
Я был бы более двух дней,
Подверглись ноги мои отеке,
Так засиделся бы я в ней.
Люблю я книги страстью рьяною,
Люблю их видеть и читать,
И переплеты их сафьяновые
И их красивую печать.
Люблю, когда на полках, стройные,
Они во множестве стоят,
Вниманья жадного достойные,
Они к себе меня манят.

* Уже давно отмечено, что «библиофильский фольклор» — своеобразное и заслуживающее внимания явление. Архивы хранят еще много любопытного, как в стихах, так и в прозе.

Ну как же мне, библиоману-то
Не восхищаться было здесь:
Мои надежды не обмануты,
И я восторгом полон весь[37].

Менее всего склонный к лирическим стихоизлияниям, Соболевский предпочитал сарказм и сатиру. В 1859 г. вышла книжечка «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная. Новое издание Григория Книжника*. Спб., тип. В. Безобразова». Повторив ошибку некоторых издателей знаменитой книги Матвея Комарова о славном разбойнике, Геннади не включил в книгу «разные забавные песни» Ваньки Каина, которые были помещены в изданиях XVIII века. С.А.С., всю жизнь ревностно добывавший песенники, усердно помогавший «Муравью Черепаховичу Киреевскому», как называл его Соболевский, готовить к печати его замечательное собрание (после смерти П. В. Киреевского он входил в состав комиссии Общества любителей российской словесности по изданию песен), не мог стерпеть такого святотатства со стороны Геннади. В этом он, кстати, солидаризировался с Н. А. Добролюбовым, отметившим в иронической рецензии на перепечатку Геннади, что без песен она и вовсе не имела смысла. С.А.С. разразился стихотворной филиппикой:

За то, что жизнь ярыжника
Без песен он издал,
Уж я б Григорья Книжника
Порядком наказал.
    Уж подучу Игнатьева,
    Что следует ему
    И сечь его, и гнать его,
    И засадить в тюрьму.
Вам жить в Москве! Не в Порте ли?
Москва не то, что Питер!

* Псевдоним Г. Н. Геннади.

Здесь много перепортили
Бумаг, чернил и литер.
Из них уж не две трети ли
Вы, вы перемарали,
А мы у вас не встретили
На грош в пере морали...

Необходимые пояснения: Игнатьев — С.-Петербургский генерал-губернатор; Порт — Балтийский порт, куда сослан был на работы Ванька Каин (не исключено, впрочем, что здесь мелькает ассоциация и с турецкой Портой).

Геннади нисколько не обиделся, как не обижался, скажем, на такое обращение в письмах: «достопочтеннейший библиорыло» (этот «библиофильский термин» С.А.С. образовал от слог «книга» и «рыться»). Геннади даже ответил стихами:

Забавно мне было
О библиорыло
Заметку прочесть;
Меня насмешило,
Как вздумал ты мило
Его произвесть
От рыло и рыться.
Да точно, годится
Меня так прозвать...
Удачно и славно,
Отменно забавно!
Но можно б сказать
И: книжное рыло,
Ведь это бы было
На русскую стать[38].

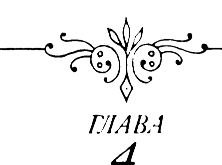
Впервые стихотворение С.А.С. о Ваньке Каине опубликовал Я. Ф. Березин-Ширяев в «Дополнительных материалах для библиографии...» (1878). Попало к нему оно от самого Г. Н. Геннади, который, преподнеся в 1873 г. «Жизнь Ваньки Каина» в «богатую библиотеку Якова Федуловича Березина-Ширяева», выписал в сопроводительном письме и стихи С.А.С. В благодарность Бере-

зин-Ширяев переписал и отправил Геннади... шуточные стихи Соболевского, обращенные к нему, Ширяеву. Вот так и получилось, что за стихи Соболевского благодарили его же стихами. Вообще говоря, нигде не печатавшиеся при его жизни стихотворные экспромты и эпиграммы С.А.С. очень часто попадаются в письмах писателей, библиофилов, библиографов. Возможно, они и теряют многое теперь, целый век спустя, но в контексте времени и обстоятельств были чрезвычайно популярны и передавались изустно и письменно.

Второй раз шутку Соболевского воспроизвел известный литературовед, издатель и библиофил П. А. Ефремов в заметке «Ванька Каин, гг. Геннади и Соболевский» [39]. Ефремов собрал великолепную коллекцию изданий книг о Ваньке Каине — с песнями, иллюстрациями и всеми вариантами. Впоследствии эти книги попали к видному советскому собирателю Н. П. Смирнову-Сокольскому и теперь нашли постоянный приют в Ленинской библиотеке.

Таковы некоторые эпизоды многолетнего библиографического сотрудничества Соболевского и Геннади — двух книжников, один из которых, правда, немножко опоздал к пушкинскому времени, но тоже всю жизнь занимался Пушкиным.

Обратимся теперь к последнему периоду жизни С.А.С. и к печальной истории гибели его библиотеки.

ГЛАВА
4

ДОМ НА СМОЛЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ

Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя следа.

А. С. Пушкин

ДВОРЯНИН И КУПЕЦ

Если вы пойдете по Смоленскому бульвару — от перестроенного недавно Ружейного переулка к Зубовской площади — то сразу же, миновав угол, во дворе нового административного здания увидите (правда, через решетку ограды) старый двухэтажный, несколько вросший теперь в землю, дом с высокими окнами. В 60-х годах прошлого века этот дом был, быть может, самым пушкинским местом Москвы. Здесь жили два человека, принадлежавшие к самому близкому окружению поэта, тысячами нитей неразрывно связанные с ушедшей пушкинской эпохой и теперь, три десятилетия спустя, многое мерившие мерками своей юности.

Верхний этаж дома № 107 по Хамовнической части занимали Владимир Федорович Одоевский с женою Ольгой Степанов-

ной, нижний — Сергей Александрович Соболевский. К этому-то дому и поспешал в жаркий день 22 июля 1868 г. Яков Федулович Березин-Ширяев. Он вошел в глубину двора и увидел на двери две медные дощечки с фамилиями: В. Ф. Одоевский, С. А. Соболевский.

Сейчас он войдет, но прежде — еще несколько слов о каждом из героев.

Портрет С.А.С. в те годы набрасывает в своих воспоминаниях В.М. Голицын *: «Очень высокого роста, довольно полный, с белыми волосами и небольшою белою же бородкой, он до конца своей жизни сохранил как физическую бодрость и подвижность, так и блестящее остроумие, совсем особенного характера, придававшее всем его речам какую-то необыкновенную привлекательность. По рукам ходили его эпиграммы... Можно было по целым часам заслушиваться его беседы. Он любил разговаривать, но и любил, чтобы его слушали» [1].

Я. Ф. Березин-Ширяев (1824—1898) принадлежал к купеческому сословию. Отец его держал лавку в С.-Петербурге. К чести Я. Ф. заметим, что с князьями, графами и прочими высокородными персонами, с которыми свела его библиофильская судьба (а точнее — С. А. Соболевский) держался он независимо и в письмах не раз просил не величать его «высокородием», а ограничиваться обращением «милостивый государь». По собственным словам Березина-Ширяева, посетив в 1836 г. выставку Академии художеств, он сразу охладел к отцовской торговле и на всю жизнь «заболел» любовью к книгам и художеству. Не обремененный семейными узами («не следует прельщаться богатыми невестами, а лучше обладать немногими библиографическими редкостями»,— замечал он), достаточный в

* 11 января 1924 г. он выступил в Кружке любителей книги в Москве с воспоминаниями о московской интеллигенции 60-х годов. Эти воспоминания как бы связали время Соболевского, а с ним и Пушкина, с нашим временем. Текст выступления сохранился в архиве издательства Сабашниковых.

средствах, хотя вовсе не богатый, Яков Федулович всю жизнь посвятил собиранию книг и художественных коллекций. Конечно, ему нехватало знаний и культурных навыков, но любовь к книге — великому чуду, поразившему его еще в детстве, была искренняя и неистребимая. К 40 годам у Якова Федуловича собралась библиотека порядочная, хотя весьма разнородная. И вот, пишет он, «вполне убежденный в той истине, что описание каждой частной библиотеки может быть со временем не лишним материалом для библиографической литературы, я принял на себя труд описать, как умею, все находившиеся у меня книги, брошюры, атласы, гравюры и проч.»[2].

Задуманное было вскоре исполнено, и в 1868 г. один за другим вышли шесть выпусков «Материалов для библиографии, или Обозрения русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности NN...». На первой же странице 1-го выпуска, после заголовка «Книги, изданные в XVI веке», было помещено описание сочинения «Nye unbekande lande unde eine nye werldt...»* со следующей аннотацией Березина-Ширяева: «Так обозначено заглавие книги, имеющей на первой странице виньетку, резанную на дереве; она изображает распущенный свиток, на котором помещены означенные слова. На средине листа представлен круг, означающий земной шар с крестом наверху, а внизу какой-то город... Сочинение на немецком языке, мистического содержания и разделяется на 142 главы. Книга напечатана в Нюренберге в 1508 г. немецкими готическими буквами в два столбца в 4 д. листа, на 135 нумерованных страницах».

Если бы знал Яков Федулович, куда приведет его и какие повлечет за собой последствия эта трагически безграмотная аннотация! Вскоре он получил из Москвы письмо от неизвестного ему дотоле собирателя книг Сергея Александровича Соболевского, который сообщал, что книга, попавшая в сеть «господина NN», отнюдь не мистического и не масонского

* «Новые неизвестные земли и новый свет».

содержания, а один из первых сборников отчетов о путешествиях на американский континент, содержащий вдобавок латинский текст письма португальского короля Эммануэля папе Юлию II от 12 июня 1507 г., в котором рассказывается о географических открытиях португальцев; напечатана она не на немецком языке, а на нижнегерманском наречии, но вот интерес представляет первостепенный, поскольку ни в каких справочниках издание это не зарегистрировано и ни в каких библиотеках его нет. «Если определить ее наречие с строгою точностью,— замечал Соболевский,— то следует сказать, что она написана на древне-голландско-Марко-Мекленбурго-Прусско-Саксонском!!!»[3] Объяснив Ширяеву, до какой степени нужна ему эта редчайшая (как он считал — уникальная) книга, С.А.С. просил сообщить условия, на которых «господин NN» мог бы уступить ее или выменять.

В ответном письме Яков Федулович, изъяснив все огромное удовольствие, которое доставило ему заочное знакомство со столь знаменитым библиофилом, занял твердую позицию: «Что же касается предложения Вашего обменять эту книгу на другой инкунабул или какие-нибудь сочинения, более подходящие моему собранию, то я, может быть, и согласился бы на это только в таком случае, если бы имел два экземпляра. Вообще книги составляют мое единственное наслаждение, и я надеюсь пополнить многими сочинениями свое собрание, но расстаться с какою бы то ни было книгою, находящеюся в моей библиотеке, я не решусь ни за какие выгоды»[4]. Впрочем, несговорчивый Ширяев просил разрешения посетить Соболевского в Москве, если не будет для него «незваным гостем». Ответ не заставил себя ждать: «Хотя я всегда занят, но не бойтесь быть у меня татарином, мне всегда приятно будет Вас видеть, и я не называю оторваться от дела — беседу с собратом-библиофилом...»[5].

Конечно, С.А.С. рассчитывал, что Ширяев привезет книгу с собой, но тот поостерегся; а сам прибыл в Москву и приблизился к двери с медными дощечками. Яков Федулович вошел и,

встреченный хозяином, проследовал через все десять комнат первого этажа, сплошь уставленных книжными шкафами одинаковой формы, сделанными по эскизам хозяина и отпиравшимися одним ключом, в кабинет С.А.С. Усадив гостя в вольтеровские кресла и усевшись сам, С.А.С. с благодарностью принял 6 книг «Материалов» в особых переплетах и на особой бумаге, врученные ему как подарок. «Он был уже преклонных лет,— вспоминал потом Ширяев,— но представительной наружности, довольно высокого роста, с седыми длинными волосами на голове и с небольшою наполеоновскою бородою» [6].

«Я старый холостяк,— сообщил Соболевский,— совершенно один, и эта комната служит мне и кабинетом и спальней; книги, которые вы здесь видите, относятся к библиографии, и тут вы найдете все каталоги и пособия, более или менее необходимые для справок». Посредине комнаты Ширяеву запомнились три больших ящика с выдвижными досками в виде комода, выкрашенные черной краской. Здесь хранились особо редкие издания и любимые книги С.А.С., которые в случае пожара легко было бы вынести из квартиры. В небольшой отдельной комнате вдоль стены с двумя окнами во двор располагались картонные коробки, в которых — строго по годам, в образцовом порядке — сохранялась переписка Соболевского, как пишет Ширяев «с библиографами, библиофилами, писателями», а мы можем теперь уточнить: среди корреспондентов были Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Глинка, Мериме и многие, многие другие...

Вообще надо сказать, что Березин-Ширяев был человеком приметливым и с отличной памятью. Он оставил любопытные мемуары не только о Соболевском, но и о тех библиографах и литераторах, знакомство с которыми ему удалось завязать с помощью С.А.С.: о М. Н. Лонгинове, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремове. Воспоминания о Соболевском Ширяев печатал неоднократно, сопровождая выдержками из писем. Очень важное, интересное и остроумное письмо Соболевского Ширяеву от 10 июня 1869 г. удалось добыть Д. В. Ульянинскому у душеприказчиков Якова Федуловича. Ульянинский рассказал об этом

письме на заседании Библиографического общества 5/IX 1903 г. и опубликовал полностью в книге «Библиотека»[7]. Публикацию повторил П. Н. Берков в книге «Русские книголюбы»[8]. Всего же у Ширяева было около 100 писем Соболевского! К сожалению, в нашем распоряжении есть полный текст только еще одного (от 3 ноября 1869 г.), хранящегося в коллекции Дашкова в Рукописном отделении ИРЛИ (его мы уже цитировали). Остальные письма пока обнаружить не удалось, и приходится лишь догадываться об их содержании на основании множества посланий самого Якова Федуловича, в полнейшей исправности сохранившихся в архиве Соболевского*.

Однако вернемся в кабинет Соболевского. Он показал гостю «то же самое сочинение», т. е. описание первых путешествий в Америку на немецком языке, издание подлинника на итальянском, переводы на латинский и французский, и объяснил, насколько желательно было бы присовокупить к этой коллекции нижнегерманский вариант или хотя бы взглянуть на него. Ширяев обещал подумать и, получив при прощании в подарок каталог библиотеки Черткова с надписью «за прилежание и успехи в библиографии», а также три тома записок Туманского о Петре I, которых недоставало в его коллекции, отбыл в Петербург.

Свидание это так запало в душу Якову Федуловичу, что он впоследствии выразил свои впечатления стихами**:

Я взял восемь книжек и с сладкой мечтой
Помчался в Москву, в древний город, стрелой.
Приехав туда в самый полдень и жар,
Отправился я на Смоленский бульвар.
Волконского дом скоро там отыскал

---

* Стихи Соболевского, посвященные Ширяеву, не раз печатались. А вот ширяевские, кажется, ни разу. Качество их невысоко, но чувства искренни.

** Недавно библиофил В. В. Лавров обнаружил автограф еще одного письма С.А.С. Ширяеву.

И с робостью в двери рукой постучал.
Живет там один библиограф — старик,
Известный знаток и любитель он книг.
Он встретил меня и мне руку пожал,
Затем от меня восемь книжек он взял.
Мы молча пошли в отдаленный покой,
И там посадил он меня пред собой.
Потом в первой книжке прочел две страницы,
Стал грозен лицом и насупил ресницы,
И с гневом спросил: почему Фукс Леон
Под именем Фишио мной помещен?
Какой Белунези, о ком у вас речь?
За эти ошибки вас следует сечь.
Не взвидел я света, всем телом дрожал,
И что отвечать старику, я не знал...[9]

Не знал, разумеется, Яков Федулович и о тех волнениях, которые вызвала найденная им книга в кругах европейских книгопродавцев. А если бы знал, то возгордился бы окончательно и нипочем не выпустил ее из рук. Мы находимся в лучшем положении, чем он, поскольку можем прочитать об этом в 25-м томе архива С.А.С. Уже 30 апреля, когда только-только вышла 1-я книжка «Материалов», А. Кон получил от Соболевского известие о голландском (или нижнегерманском) варианте сборника путешествий* и очень взволновался. «Я никогда не знал об издании на *нижнегерманском.* Я справлюсь в Британском музее — может быть, у них она есть...» Выяснив, что в Британском музее книги нет, Кон меняет интонацию (15/VI 1868 г.): «Умоляю не дать нижнегерманскому Рухамеру исчезнуть из поля Вашего зрения. Если он в хорошем состоянии, 40—50 фунтов за него!»[10] Цена названа потому, что Кон не терял тогда надежды купить всю «Соболевскиану». Но дело в том, что С.А.С. и сам не верил, что решится расстаться с библиотекой, а ширяевскую книгу просто-напросто мечтал присоединить к

* В переписке книжка часто называется «Рухамером» — по имени немецкого издателя и переводчика.

своей коллекции. Такова уж участь библиофила: до последнего вздоха он пополняет библиотеку и нежно заботится о книгах, словно не допуская и мысли о неизбежном конце... Через год Кон снова спрашивает: «Рухамер на Вашей полке?» Нет, тогда его еще не было. Но в конце концов он туда попал.

Ширяев «боролся» с Соболевским (и, наверно, уже с самим собой) до лета 1870 г. Но постепенно он смягчался: «Я не успел еще порядком просмотреть всех книг, присланных Вами мне в дар, а Вы уже готовите мне новые дары, желая пополнить ими некоторые пробелы в моем „скопище-сборище книг“»[11].

Может быть, решительный удар скопидомству и книжной ревности Березина-Ширяева нанесли «География» Птолемея, изданная в 1478—1480 гг., «Русские граверы» Д. Ровинского — книга, выпущенная всего в 23 экземплярах, и, по-видимому, редчайший том «Ежемесячное сочинение Пифагор» (1804)*, а может быть, вот это письмо Соболевского: «Многажды повторял я Вам: человеку, библиофилу, не имеющему капиталов Ротшильда, следует избрать специальность более или менее обширную, а не пускаться во все отрасли. На это или публичные библиотеки, куда все время сносит, или библиотеки английских лордов... А у нашей братии нет ни своего дома, ни семейства для передачи. Куда нам собирать в больших размерах! Мои собрания (Путешествия и Библиография) огромны, когда сравниваю их с такими же собраниями у других; но ничтожны, если вспомнить, чего в них недостает. А мне благоприятствовало многое: связи, путешествия, торговые корреспонденции, собственное помещение (в деревне и в Питере), знание языков, отличная память и проведенные на свете и в свете многие годы»[12]. Или, возможно, дело решило «сердитое» письмо на эту тему: «Переписка наша завелась по случаю книги, изданной в 1508 г., которою я заинтересовался... Просьба моя была вовсе не неуместная, ибо дело шло о вещи, не имеющей

* Соболевско-ширяевский экземпляр этой книги попал в библиотеку Н. П. Смирнова-Сокольского, где описан под № 2014.

для Вас никакой важности; для меня же о пополнении специальности. Это такая библиофильская учтивость, что и предложить уступку, и поспешить на оную — вещь обыкновенная...»[13]

Словом, «голландец», как называл свою находку Ширяев, 16 июля 1870 г. отправился в Москву и в 20-х числах прибыл. В благодарственном (одном из последних) послании Ширяеву С. А. С., с присущей ему деловой откровенностью, заявлял: «Вы нагляделись на своего путешественника, а у меня он принесет пользу библиографии; Вы знаете, что я человек не корыстный, и так я Вам поспешу выслать такие вещи, что Вам придется сейчас же напечатать добавочный список к „Материалам..." Очень радуюсь книге, что она моя, но более радуюсь, что она не Ваша. Вот почему: в случае Вашей смерти или чего-либо другого, она прошла бы незаметною, вроде старинных газет и афишек, и была бы не известна в библиографии. Редкость ее не в том, что она напечатана в 1508 году (ибо изданий инкунабулов до 18 000 известно прежде 1500 года), а тем, как она редка, что не описана и не упомянута никем из специалистов по части книг путешествий...» Затем С. А. С. обратился к Ширяеву с последней просьбой: «Опишите мне подробно, как, где и у кого куплена эта книга, наделавшая мне тьму хлопот и заставившая томиться около двух лет библиофильскою лихорадкою. Авось и доберемся до того, как попала она в наши гиперборейские страны». Были в письме и такие грустные слова: «Когда будете издавать прибавление к вашим „Материалам для библиографии", то Вам, вероятно, придется упомянуть в нем обо мне, как об умершем благоприятеле»[14].

Человек аккуратный и обязательный во всем, что не касалось «библиофильских уступок», Яков Федулович немедленно занялся сочинением длинного отчета о том, как попала к нему знаменитая книга. Увы, отчет этот был закончен, когда Соболевского уже не было в живых, и он о нем не узнал, а мог бы узнать для себя нечто весьма любопытное. Черновики Березина-Ширяева, хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки

им. В. И. Ленина, помогают выяснить, что книга была найдена им в Петербурге, в железном сарае, принадлежащем «торговцу книгами и бумагой» Алексееву. Туда, в этот самый сарай, попали в 1866 г. остатки библиотеки знакомца Пушкина и Соболевского, библиофила, библиографа и издателя А. Я. Лобанова-Ростовского (1788—1866). У Соболевского был «Каталог географических, топографических и морских карт из библиотеки Лобанова-Ростовского», выпущенный в 1823 г. (этот каталог купил и Ширяев у Алексеева).

В железном сарае Яков Федулович наткнулся прежде всего на разрозненные печатные листки белой и розовой бумаги, лежавшие в ящике. «Листки» оказались экземплярами библиофильского издания «Евангелия от Матфея», выпущенного Лобановым-Ростовским в Париже в 1821 г. «не для продажи» (в то время Лобанов-Ростовский предлагал Пушкину издать в Париже сборник его стихотворений). Ширяев попросил торговца составить ему полный экземпляр книги, который и купил за 75 копеек. «Надеясь еще что-нибудь отыскать редкое между бумагами, принадлежавшими Лобанову-Ростовскому,— пишет Ширяев в черновике,— я тщательно стал обозревать углы сарая и в одном из них увидел груду газетной бумаги, лежавшей на большой бочке. Эти бумаги куплены Алексеевым также от Лобанова-Ростовского. Между ними к немалому моему удивлению я отыскал немецкую брошюру, напечатанную в Бреславле у Шафенберга в 1573 году и еще какую-то книгу, напечатанную немецкими готическими буквами...»[15] Это и был «голландец»!

Так редчайшая книга, некогда найденная одним библиофилом пушкинского времени где-то в Европе, побывав в железном сарае и в руках человека, не понявшего сначала всего значения попавшего к нему клада, оказалась снова у современника Пушкина, близко знавшего первого владельца книги. Менее всего во всей этой истории стоило бы упрекать в чем-то Я. Ф. Березина-Ширяева: не обладавший многим, что двум другим обладателям «голландца» досталось без труда — по рождению, силою обстоятельств,— он сумел добиться немалых

успехов в собирании библиотеки, при том рассматривая книги вовсе не как имущество или предмет одного лишь тщеславия, а прежде всего как «пищу для ума».

Остается прибавить только, что книга на нижнегерманском наречии означена под № 4070 в лейпцигском каталоге. Аукционная цена на нее была установлена 500 талеров, а откуда взял Я. Ф. Березин-Ширяев сведения, что она ушла в Америку за 6000 долларов, неизвестно*.

НЕМНОГО О ЕЖАХ...

Переписка С. А. С. с Березиным-Ширяевым не ограничивалась одним лишь описанным эпизодом. Был и другой повод и более общая тема.

В 1869 г., получив уже 7 книжек «Материалов» Ширяева, Соболевский опубликовал в «Русском архиве» статью «Новые явления русской библиографии». Он, в частности, писал: «Библиография не есть наука, а ключ к знанию; скромное ее назначение — подавать всякому, кто ищет знания и сведений, способы как можно легче ознакомиться с делом и не терять времени и сил на поиски; говорим: всякому, разумея и самого ученого и самого малограмотного, преимущественно же последнего. Не входя в оценку исчисляемого материала, хорош ли он, дурен ли, библиографии следует исчислять то, что сделала наука или создало слово человека... Она должна оставаться верною своему главному предназначению: быть удобным ключом в руках всякого,— ученый ли он, полуученый или вовсе не ученый»[16].

Не забывая о том, что наши сегодняшние представления о библиографии несколько шире и глубже, отметим демократиче-

* За сто лет из книжного океана вынырнули еще несколько экземпляров этого издания. Один из них находился у московского библиофила профессора А. И. Маркушевича. (См.: В мире книг, 1964, № 8; Альманах библиофила. Вып. 3. М., 1976, с. 108; Книга, Сб. 34, с. 143.)

ский, даже просветительский подход Соболевского, лишний раз доказывающий его право на место среди крупнейших русских библиографов прошлого века. Важно, что С. А. С. уловил изменяющийся характер книжной культуры (в том числе и собирательства) и был полностью свободен от всяких «кастовых представлений» в этой области.

Так вот, в соответствии со своими библиографическими принципами он со всею силой сарказма обрушился на «Материалы» Березина-Ширяева. Признав, что эти 7 книжек принесут некоторую пользу, С. А. С. отметил отсутствие в них каких бы то ни было указателей и, главное, сквозной нумерации у каждого описанного сочинения. Из-за этого он объявил «Материалы» «сущими недотрогами, вроде каких-то *библиографических ежей*». Нужно, требовал он, чтобы библиографы «не пренебрегали из единого лукавого мудрствования потребностями и удобствами публики, особенно же публики не ученой, желающей учиться, начинающей учиться» [17].

Да и то сказать: можно ли оправдать библиографа, который вместо «Лион» пишет «Лугдун», вместо «Леонард Фукс» — «Леон Фишио» (помните стихи Ширяева?), могилу Гоголя предлагает искать в несуществующем «Демидовом монастыре» (вместо Данилова) и т. д. и т. п.? Так что Соболевский вовсе не был слишком строг, когда писал: «В них читатели найдут много полезных сведений о книгах, пропущенных или упомянутых только вкратце у Сопикова и других, замечательную точность описания, бездну трудолюбия, но с тем вместе, тьму странностей, неряшеств...» [18] Стоп! Вот за «неряшества» Яков Федулович обиделся. Он ответил так: «Все замечания, сделанные Вами о каталогах и материалах, весьма верны и справедливы. Меня весьма рассмешило, что я... встретил библиографических ежей, название чрезвычайно меткое и удачное, которое, вероятно, останется за ними и в потомстве (он нисколько не ошибся! — *Авт.*). Одно только слово, сказанное Вами о «Материалах», а именно *неряшеств*, я нахожу неправильным. Слова неряшество, неопрятность выражают наружные недостатки. Очень немудре-

но, что употребленное Вами выражение относительно редакции материалов может многих ввести в заблуждение и невольно заставить предполагать, что изданные мною материалы напечатаны на такой же бумаге, на которой печатались жесткие оды Хвостова, от которых морщился Пушкин, как Вам известно из его стихотворения „Прозаик и поэт“» *[9].

Как реагировал на трогательно-наивную обиду Соболевский? Как обычно: он заказал единственный экземпляр оттиска статьи «Новые явления...» на розовой веленевой бумаге и переплел его в нарочито аляповатый роскошный переплет. От первоначального текст отличался только одним: вместо слова «неряшеств» в нем стояло... многоточие. Этот экземпляр был послан Ширяеву с длинным великолепным письмом-инвективой против библиоманов, которое, как говорилось, полностью опубликовано. Ширяев очень гордился этим неповторимым изданием и свято его хранил... В 1905 г. на аукционе библиотеки Ширяева экземпляр без «неряшеств» приобрел П. П. Шибанов и объявил об этом в каталоге № 117 под № 367. У Шибанова перекупил В. И. Клочков и означил в каталоге № 385 под № 473а. Тут уж соблазнился кто-то из богатых любителей и, заплатив 50 рублей, навеки (?) изъял экземпляр из обращения.

Давно перевалив 60-летний рубеж, Соболевский вовсе не утратил ни остроумия, ни склонности к довольно едким шуткам и каламбурам. Все это проявилось и в истории с «ежами». С. А. С. рифмовал, подражая популярным тогда куплетам об Аркадском принце:

Когда б я был Аркадским принцем,
То спроста ел бы свой бифштекс
И не касался бы мизинцем
До описи библиотек-с.
Я от стыда давно бы умер!
Как, издавая каталог,

* Речь идет о стихотворении «Ты и я» (Ширяев смешивает два стихотворения). См.: Пушкин, т. 1, с. 403.

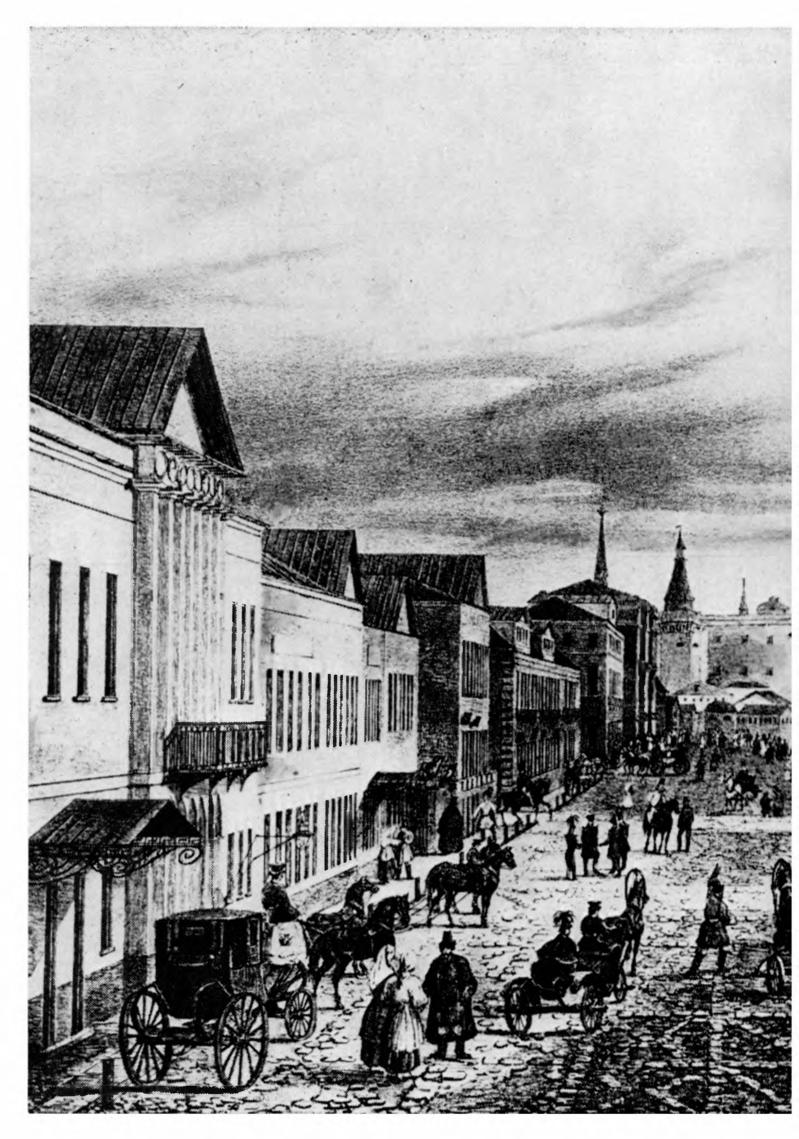
Не знать, что лишь текущий нумер
Его полезным сделать мог!
....
Когда я был Аркадским принцем,
Я страстный был библиофил,
И свой народ я, как гостинцем,
«Материалами» дарил.
В «Материалы» что ни вставь я —
А все лицом ударюсь в грязь!
Проклятая библиографья
Никак, никак мне не далась!

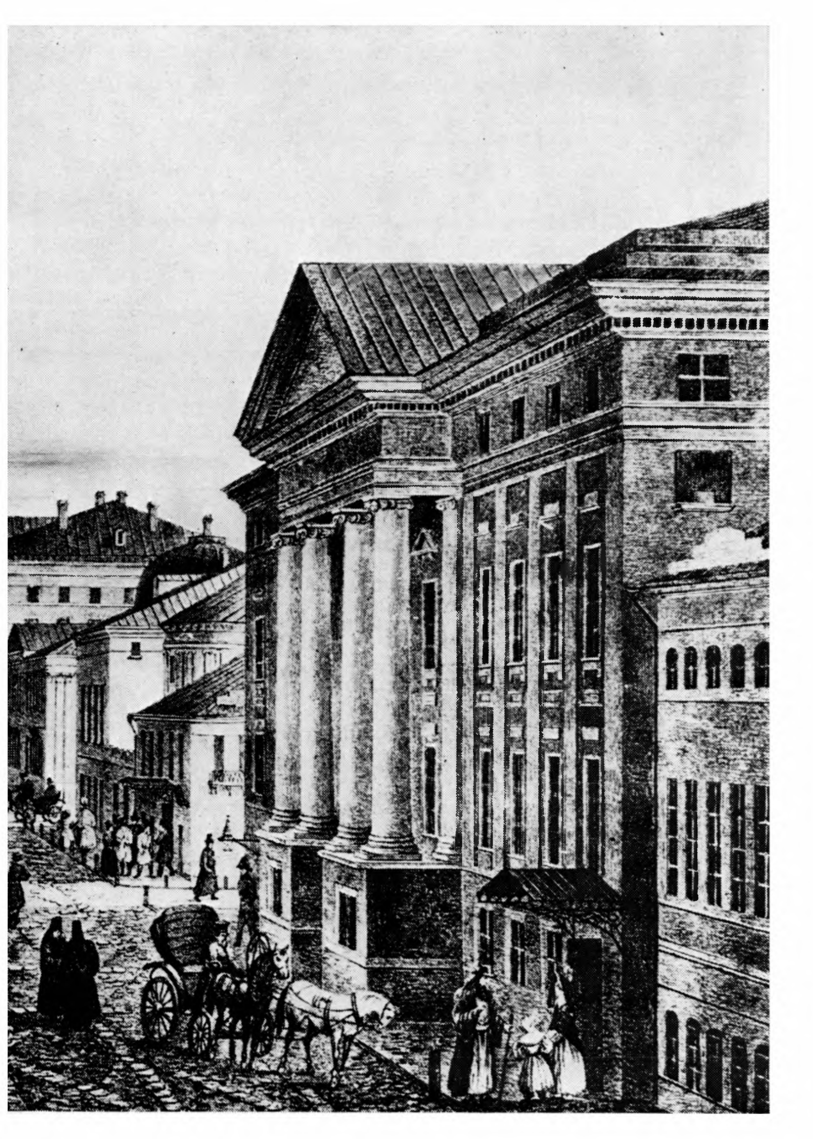
Яков Федулович, проявляя безусловное чувство юмора, стихам очень радовался, записывал и переписывал (впоследствии он и в воспоминаниях их привел, и Г. Н. Геннади сообщил) и сам небезуспешно пытался отвечать той же монетой:

Беги в леса, творец ежей!
Покинь навеки берег невский!
Не то сатирою своей
Тебя погубит Соболевский.

Доколь, как дождевой пузырь,
Ты не погиб с семью ежами,
Беги в Демидов монастырь
И скройся за его стенами[20].

Посмеиваясь над младшим собратом по «книгобесию», С. А. С. вовсе не склонен был говорить ему «не суйся суконным рылом в калашный ряд»,— напротив, в рекомендательных письмах к директору Публичной библиотеки М. А. Корфу и хранителю Отделения рукописей А. Ф. Бычкову он отзывается о Ширяеве с уважением как об «отличном каталографе», которому недостает только «надлежащих научных сведений», и советует «употребить его в пользу библиотеки: т. е. поручить ему каталогизацию какой-нибудь из русских частей»[21]. После смерти Соболевского, о котором он очень горевал, Березин-Ширяев вступил в переписку с его друзьями М. Н. Лонгиновым и

П. И. Бартеневым; последний и попросил Якова Федуловича написать воспоминания и включить в них отрывки из писем, что и было исполнено. Твердо решив остановиться на VIII «еже» и даже написав «книга последняя», Ширяев выпустил еще «Обозрение книг, гравюр и монет... в библиотеке... NN» (1872); «Дополнительные материалы...» (1873); «Дополнительные материалы...» (1876), «Последние материалы...» (1884), «Окончательные материалы...» (1896). В каждой из этих книг с глубоким уважением сообщается, какие именно «библиографические сокровища» подарил владельцу библиотеки С. А. Соболевский. Вот только все письма С. А. С. надо было бы Ширяеву передать в какое-либо общественное хранилище. Он этого сделать не успел, а жаль, ибо, как следует из опубликованных фрагментов, в письмах были и воспоминания (в том числе о пушкинском времени), и библиофильская методология, и множество важных сведений о книгах.

СМОЛЕНСКИЙ БУЛЬВАР И ПОРТУГАЛЬСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Очень трудно расстаться с библиотекой Соболевского (по крайней мере, автору) и со всеми библиографическими и библиофильскими сюжетами, которые с ней так или иначе связаны. Расскажем еще одну историю — пока что последнюю.

Первый известный нам труд Соболевского, если не считать анонимно опубликованной им эпиграммы (акростиха) на П. И. Шаликова (1824), был напечатан в 1827 г. в «Московском вестнике» и озаглавлен: «Выписка о португальской словесности». Это был краткий обзор португальской литературы с XV века. Соболевский писал тогда о Камоэнсе: «Камоэнс особенно прославился эпическою поэмою Lusiadas. Он хотел включить в нее всю историю Португалии и воздвигнуть вечный памятник великим своим соотечественникам»[22]. Статья эта заканчивалась

обещанием: «*окончание впредъ*». Однако вскоре автор уехал в чужие края и обзора не закончил. Так получилось, что одна из поздних работ С. А. С. также посвящена Португалии — стране, где он никогда не был, но язык и литературу которой знал и любил.

Будем же считать, что «окончание впредь» состоялось через сорок лет с небольшим.

В 1858 г. португальский ученый Да Силва приступил к изданию полного и подробного биобиблиографического словаря писателей и ученых Португалии и Бразилии (пишущих на португальском языке) — «труда замечательного по изысканиям автора и по тщательности и добросовестности»[23], как охарактеризовал его С. А. С. Он подписался на это издание и в 1858—1860 гг. постепенно получил пять томов — от А до М. Однако после этого произошло неожиданное — по неведомым Соболевскому причинам поступление томов прекратилось. Подозревая, что все дело в нераспорядительности книготорговцев, Соболевский решился написать автору словаря. Да Силва отвечал, что книгопродавцы тут не виновны, ибо само издание остановилось за отсутствием средств; расходы огромны, продажа словаря идет туго, а португальское и бразильское правительства не оказывают автору никакой помощи. Другой, может быть, вздохнул бы и примирился, но Соболевский всю жизнь был «библиофилом в действии»: он написал Да Силва второе письмо, заведомо составленное так, чтобы принести пользу автору словаря. Московский библиофил рассматривал публикацию биобиблиографического справочника о португалоязычной словесности как дело чрезвычайной важности и выражал удивление полнейшим равнодушием, с каким отнеслись к этому научному и литературному начинанию правительства Португалии и Бразилии.

22 декабря 1861 г. в лиссабонской газете «Сентябрьская революция» появилась статья на эту тему. В ней говорилось: «Господину Да Силва пишет из Москвы тамошний филолог и библиофил Соболевский: «Я имел высокое понятие о просве-

щенной щедрости Португальского правительства, которое давало моему покойному другу Сантарем * достаточные способы для прекрасных его изданий. По этому примеру я доселе полагал, что оно и с Вами поступит так же касательно труда Вашего, столь же патриотического, но имеющего еще более значения по множеству предметов, до которых он касается. Ныне я удивлен известием, что ни Португалия, ни Бразилия не дают Вам средств к окончанию (без разорения для Вас самих) сочинения столь важного для славы той и другой страны. Но если ни там ни сям инициатива не принята административными лицами, то как не изошла она от публики? Как могло случиться, что в двух парламентах, хотя разъединенных океаном, но где собраны представители одной и той же, по языку, национальности — не поднялось ни единого голоса на должную оценку сочинения, в которое заносится память о лучших лаврах этого языка? И если ни один голос не потребовал награды автору, то по крайней мере как не потребовал никто... способов окончить дело... начатое столь удачно на славу всех тех, кто с справедливою гордостью называет родным язык Камоэнса!»

Это письмо Соболевского открывает в нем и определенные способности публициста, которые можно, впрочем, было заметить и в его более ранних высказываниях — о московском общественном книгохранилище, и о правилах пользования публичными библиотеками, и о просветительской роли библиографии.

Месяца через два после публикации письма С. А. С. в газете «Сентябрьская революция» (его, кстати, перепечатали и многие другие газеты), в Нижней палате Португальского парламента выступил с запросом депутат Торес Алмейда. Он сказал: «Недавно известный филолог и библиофил московит Соболевский изъявил удивление в том, что в двух парламентах,

* Сантарем (Visconde de Santarem) издавал в Париже сочинения о географических открытиях португальцев в средневековье с прекрасными цветными картами.

Португальском и Бразильском, не поднялось ни одного голоса об авторе Библиографического словаря... Сколь ни едки его слова и сколь ни больно нам слышать такой заслуженный упрек, но нимало не берусь противоречить оному...»

Затем оратор охарактеризовал все значение словаря Да Силва и потребовал от палаты принятия соответствующего постановления. Речь его была встречена рукоплесканиями. Тут слово взял государственный секретарь, недавно перед тем назначенный. Благополучно свалив вину за пренебрежение к культурному начинанию на своего предшественника, он объявил, что немедленно исполнит требование ученой общественности.

Уже через два дня лиссабонская официальная газета «Diario de Lisboa» сообщила, что правительство подписалось на 700 экземпляров как уже вышедших, так и будущих томов. В несколько раз возросла и частная подписка.

В конце 6-го и 7-го томов словаря Да Силвы приложена вся документация, связанная с его благополучным завершением, и перепечатаны статьи из газет.

Соболевский, в свою очередь, словно бы рассказывая о курьезном происшествии, а на самом деле с явным намеком «добрым молодцам» поведал об этой истории в «Русском архиве», озаглавив ее так: «О влиянии Смоленского бульвара (в Москве) на португальский парламент (в Лиссабоне)». Статья заканчивается словами: «На западников, гордящихся исстари своим просвещением, подействовал упрек, сделанный варваром-московитом!»

Если бы нужно было кому-то еще доказывать, что книгособирательство сыграло огромную роль в истории культуры и подчас оказывало непосредственное влияние на ее развитие, то рассказанный эпизод оказался бы одним из неопровержимых аргументов.

В лейпцигском аукционном каталоге «Соболевскианы» под № 349 значатся 7 томов словаря. Они были проданы за 25 талеров и 15 новых грошей.

КОНЕЦ «СОБОЛЕВСКИАНЫ»

В дом на Смоленском бульваре Соболевский переехал в 1862 г., сняв за 500 рублей в год десять комнат первого этажа. Здесь предстояло прожить последние восемь лет библиотеке (она ведь и правда жила!), что заботливо подбиралась полвека. Уже в 1820 г. семнадцатилетний С. А. С. сообщал отцу о приобретениях: Жуковский, Батюшков, Озеров, Цицерон, Тацит. Скоро получил он первую книгу с автографом — «Стихотворения» Василия Львовича Пушкина, друга А. Н. Соймонова. В Москве у Ринкевича и позднее у Лопыревского библиотека была уже большая, со многими редкостями. Во время заграничных странствий она невиданно разрослась и приобрела специализацию. С. А. С. как-то жаловался С. Д. Полторацкому, что, покупая так много книг, не успевает в них сразу разобраться: надо пожить зиму в России, и все расставится по местам. С 1837 г. и до начала 50-х годов библиотека находилась в квартире при конторе Самсониевских мануфактур на Выборгской стороне в Петербурге. И вот в начале 50-х она постепенно была перевезена в Москву — сначала на Девичье поле, потом на Смоленский бульвар.

Это был очень известный в Москве, многими знаменитыми людьми посещаемый и все же печальный дом: для Соболевского, всю жизнь прожившего холостяком, близкое соседство с друзьями юности Одоевскими означало стремление к своего рода семейной обстановке, которой обделила его судьба. Одоевский, человек необычайно добрый и тихого нрава, всегда любил своего остроумного, экстравагантного и порой, может быть, не слишком тактичного приятеля. Их даже уподобляли шекспировской паре — мудрому ученому Просперо и грубому обжоре Калибану, называли С. А. С. «демоном Одоевского». Как бы то ни было, они доживали свои последние годы действительно бок о бок.

Одоевского кто-то из биографов назвал «осколок пушкинской эпохи». Разве это не относится и к С. А. С.?

По многу раз в день слуга Соболевского Николай и слуга Одоевского Сидор бегали с записочками в стихах и прозе с первого этажа на второй и обратно. «Упустив» Румянцевский музей, В. Ф. Одоевский оставался сенатором Московского департамента Сената и членом Ученого комитета при Министерстве государственных имуществ. В этой должности он был, между прочим, включен в комиссию... по борьбе с комарами. Принявшись за доклад об этой проблеме, Одоевский отвлекся и зачитался биографией Эразма Роттердамского. Тут же он получил такой «стихотворный подарок» с первого этажа:

Случилось раз во время оно,
Что с дерева упал комар:
Запиской в комитет ученый
Тебя зовут, князь Вольдемар.
Приняв в соображенье казус,
Ты, рывшись в книгах, рассудил,
Что в Роттердаме жил Эразмус,
Который в парике ходил.
Одушевлен его примером,
Ты сбрил усы, надел парик,
И свойственным тебе манером
Таинственно главой поник.
«Комар, без всякого сомненья,—
Ты провещал,— есть божья тварь;
Но в музыкальном отношеньи
Меж насекомых он — звонарь!
И так как он паденьем в поле
Не причинил лесам вреда,
Предать сей случай божьей воле,
А тварь избавить от суда!»

Забавные стихи (их, между прочим, как вспоминал поэт Я. П. Полонский, очень любил и часто повторял И. С. Тургенев), но в них весь Одоевский — склонный к теоретизированию ученый, музыкант, добряк, который «и мухи не обидит».

Все вечера на Смоленском бульваре у Одоевских в 60-х годах были вечерами и «у Соболевского». 7 апреля 1867 г. в

этом доме побывал Л. Н. Толстой. Он просил Одоевского и Соболевского дать ему «выписку из Данта о несчастной любви»*. Это был не единственный случай, когда Л. Н. Толстой прибегал к «Соболевскиане». 21 июня он сообщает Софье Андреевне: «Поехал к Соболевскому в клуб, чтобы поговорить с ним о книге, которая мне нужна«[24]. А накануне, 20 июня Толстой писал ей же: «Кроме того, я желаю, и мне нужно прочесть несколько глав исторических („Войны и мира".— *Авт.*) Погодину, Соболевскому...»[25] Сохранилась любопытная записка, переданная Соболевским П. И. Бартеневу в 1868 г. для автора «Войны и мира»: «Сообщите Толстому следующее: мы все слышали от К. Сухтелена анекдот его после Аустерлицкого сражения иначе, чем у него. Когда Наполеон сказал про Сухтелена, что он больно молод, Сухтелен ответил — двумя стихами из трагедии Сид (de Pierre Corneille):

Je suis jeune il est vrais, mais aux âmes bien nées
La valeur n'attend point le nombre des années**.

Это особенно понравилось Наполеону, потому что в молодом варваре означало короткое знакомство с французскою литературою, и потому, что Наполеон особенно любил (из трагиков) Corneille'a, как известно из Memorial de Ste Hélène. Соболевский»[27].

Здесь «корректор дел библиографических» превратился в «корректора фактов исторических» (хотя как библиограф и дал ссылку на «Мемуары» Наполеона). Он ведь и в самом деле знал многих участников событий первых лет века, которых не застал Толстой.

---

* Не получив этой выписки, Л. Н. Толстой обратился к П. И. Бартеневу и, между прочим, заметил: «Соболевскому мне не хочется писать. и я боюсь, что он мне не ответит...»[26] В чем тут дело, не знаю — и привожу эти слова в надежде на разъяснения специалистов.

** Я молод, это так; но если сердце смело, оно не станет ждать, чтоб время подоспело. Перевод М. Лозинского.

7 июля 1868 г., перед очередной поездкой в Париж, к Одоевскому и Соболевскому «приезжал прощаться» (запись из дневника Одоевского) Иван Сергеевич Тургенев. Одоевского он больше никогда не увидел, С.А.С. успел встретить еще раз. 18 октября 1870 г. И. С. Тургенев писал П. В. Анненкову: «Я вычитал в „Московских ведомостях", что была панихида по С. А. Соболевском. Когда он умер? Я его видел проездом в Москве; он мне рассказывал свой апоплексический припадок и смерть Одоевского, но казался еще бодрым. Кому достанется его библиотека?» [28]

В ноябре 1867 г. в России гостил французский композитор Гектор Берлиоз. Останавливался он у Одоевского. И потом писал ему из Парижа: «Вспоминаются ли Вам те чудные ночи, которые мы с вами проводили в совместных беседах... А теперь жизнь пройдена; умирая, я буду вспоминать о Вас, об очаровательном Соболевском, о Москве». И в другом письме: «Благодарю Соболевского за то, что он меня не забыл... Я живу воспоминаниями и, прогуливаясь сегодня по Булонскому лесу, вспоминаю о наших прогулках по окрестностям Москвы, когда мы отправились к Юсупову в Архангельское... Какой большой художник создал Архангельское! Это ваш Трианон» [29].

Не будет ни малейшей натяжкой предположить, что, сопровождая в Архангельское Берлиоза в 1867 г., 64-летний С.А.С. вспоминал и свою поездку туда верхами в 1827 г. и своего спутника...

В. Ф. Одоевский умер 27 февраля 1869 г. «Вы знаете мое горе: самый старый и лучший друг мой Одоевский скончался прямо над моею головой. До библиографии ли мне было» [30],— вздохнул С.А.С. в письме к Ширяеву. Читатель уже догадался, что при его манере «снижать» все высокие материи, при его ненависти к внешнему проявлению чувств этот вздох дорогого стоит. Но все-таки немножко было и «до библиографии»: вместе с вдовой Одоевского С.А.С. привел в порядок его огромный архив и библиотеку. Все рукописи были переданы в Публичную библиотеку, все книги — в Румянцевский музей. Это было,

С. А. Соболевский. Фотография 1869 г., принадлежавшая П. И. Бартеневу

кажется, последнее книжное собрание, упорядоченное и «определенное к месту» Соболевским. Оставалось только его собственное.

В конце 1867 г. С.А.С. перенес легкий апоплексический удар — инсульт, как теперь сказали бы. Вскоре после этого он и написал то письмо другу Мицкевича Ф. Малевскому (в ответ на просьбу поделиться воспоминаниями о Мицкевиче), которое мы «приберегли» для последней главы: «Я всегда любил своих друзей за дружбу, а не потому, что они были великими людьми и историческими личностями в полном расцвете славы; вот почему я никогда и не думал записывать их поступки, слова и жесты... Что же касается меня самого, то еще в октябре месяце

я был молодым человеком; но я получил предостережение: маленький нервный удар, продержавший меня дома в течение нескольких недель и приведший меня к заключению, что я, пожалуй, больше уже не могу считать себя светским франтом. Теперь все это прошло, очевидно, до второго предостережения. Затем, конечно, последует третье и, наконец, *запрещение издавать газету*»[31].

Проблема расставания библиофила с книжным собранием, которое он любовно создавал всю жизнь,— одна из острейших в неписанной теории библиофильства. К пожилым годам библиофил обычно находится в «медовом периоде» общения со своей библиотекой. Это объясняется порой и уходом от дел, и одиночеством, но более всего, на мой взгляд, тем, что к этому времени серьезная книжная коллекция только-только принимает более или менее законченный вид (совсем законченных библиотек не бывает!), о котором всю жизнь мечтал собиратель. Теперь бы и плоды пожинать — рассказать людям о библиотеке, о том широчайшем круге знаний, открытий, ассоциаций, которые она рождает... Но у жизни свои законы — она неумолима и неостановима. Потому так часто узнаем мы о тайнах частных библиотек уже после смерти владельца — в том случае, если библиотека сохранилась, и не узнаем вовсе — в остальных случаях. Трижды мудры те библиофилы, у которых хватает при жизни мужества если не расстаться с книгами, то, по крайней мере, разумно определить их судьбу, имея в виду пользу общественную. Однако до сих пор таких библиофилов было меньшинство. Существует целая «литература библиофильских завещаний» — начиная от трактата «Филобиблон» Ричарда де Бери и «Testament» Стефана Яворского. Впрочем — это особая тема.

25-й том архива С.А.С. свидетельствует, что в последние годы он более всего тревожился о судьбе книг. Материальные его дела и личные обстоятельства сложились так, что он хотел по крайней мере выяснить для себя, какую сумму можно выручить за книги (кроме тех, которые, как говорилось, при

любых условиях должны были попасть в отечественные книгохранилища). Надвигавшаяся франко-прусская война грозила Соболевскому банкротством, ибо все свое состояние после пожара Самсониевских мануфактур он поместил в акции железных дорог, строившихся во Франции.

Помимо этого были только книги. Между тем в Москве жила С. Н. Львова, вдова с дочерью и тяжело больным сыном, которых С.А.С. считал своим нравственным долгом как-то обеспечить. Его письма последних лет к М. Н. Лонгинову полны просьб (что в принципе С.А.С. совершенно не было свойственно) о помощи Львовым. Вот почему он не решился при жизни (или по завещанию) передать все книги в Публичную библиотеку или в Румянцевский музей, допустив ту ужасную ошибку, от которой столько раз предостерегал других. Он, видимо, все же сделал попытку договориться о приобретении всей коллекции с директором Публичной библиотеки М. А. Корфом, но тот ничего не предпринял. Как раз в 1868 г. с рекомендательным письмом от С.А.С. к Корфу явился Я. Ф. Березин-Ширяев. Разговор, естественно, зашел о «Соболевскиане». Ширяев вспоминал впоследствии, что Корф не хотел верить в серьезность намерений Соболевского расстаться с книгами. Барон сказал, что Соболевский давно имеет намерение продать библиотеку, и ему дают за нее 50 000 талеров иностранные книгопродавцы. «Но вот вопрос — что будет делать Сергей Александрович без книг, с которыми он, так сказать, сроднился и живет в их сфере. Без книг он будет походить на человека без зубов, который не может более питаться как должно и заболеет от этого недостатка»[32]. Положим, Корф рассуждал правильно: едва ли С.А.С отказался бы от библиотеки при жизни. Но почему директор крупнейшего книгохранилища России не шагнул и полшага, чтобы заблаговременно охранить единственное в своем роде книжное собрание от гибели? Право, мало утешения в том что, допуская подобные преступления против культуры, царская администрация действовала по примеру некоторых европейских правительств.

Сам же Березин-Ширяев воспринял известие о готовящемся рассеянии «Соболевскианы» панически и высказал некоторые любопытные соображения: «Читаю и не верю своим глазам, чтобы Сергей Александрович решился расстаться со своей библиотекой... Не думаю, чтобы у вас достало столько твердости расстаться с вашими сокровищами, которые вы собирали чуть ли не в продолжение всей жизни... Вы живете как бы среди друзей, которых вы привыкли видеть десятки лет на одних и тех же местах, но боже сохрани лишиться их всех вдруг и остаться одиноким и что тогда заменит их в вашем сердце... Я сужу по себе, и как библиографический скаред не мог бы расстаться со своим скопищем-сборищем ни за какие деньги...» Яков Федулович даже попытался дать совет Соболевскому, как преодолеть материальные затруднения не лишаясь книг: «Очень понятно, что Вас беспокоит мысль: куда пойдут все собранные вами сокровища, когда вас не будет на свете. На этот случай я бы распорядился таким образом: продал все книги одному или нескольким книгопродавцам, но с условием, чтобы они дали мне определенную часть денег в виде задатка, а книги получили бы не ранее, как после моей смерти»[33].

От предложений зарубежных фирм приобрести «Соболевскиану» отбоя не было. А. Кон писал: «Если вы и в самом деле решили расстаться с вашими книгами, это был бы расчет для меня приехать в Москву, но разве хватит у нас, бедняков, денег, чтобы приобрести вашу библиотеку?» Или: «Я сейчас даже не могу понять, шутите вы или говорите серьезно... Если вы все-таки решились продать книги по разумной цене, то независимо от погоды и других милых вещей, вы увидите меня в Москве»[34]. На письме Кона 26 декабря 1865 г. изображены скрещенные руки и надпись почерком С.А.С. «Nein!». Торг, который Соболевский превращал в некоторое подтрунивание над своими корреспондентами, между тем продолжался. Кон рекламировал самого себя: «Каждый, конечно, может продать хорошие и дорогие книги, но, полагаю, я единственный в Европе, кто может реализовать все остальное...»[35] В связи с

приближавшейся войной Кон даже несколько запугивал Соболевского: «Вам следовало бы воспользоваться этой возможностью, другая может долго не представиться. В дни войны книги используются на пыжи для ружей. Подумайте о де Бри, который полетит из русских ружей в физиономию австрийцам»[36]. В конце концов Кон все-таки не утерпел и явился в Москву (в 1868 г.). Соболевский принял Кона с истинно московским гостеприимством, показывал ему достопримечательности, заставил даже класть поклоны у Иверской, уверив, что таков обычай (хотя Кон был иудейского вероисповедания), но... книг не продал. В это время С.А.С. еще не расставался с мечтой снова побывать в Европе для устройства своих материальных дел. Вернувшись из Москвы, Кон писал ему: «Благодарю вас за фотографию, которую вы любезно прислали. И когда вы, наконец, осуществите свой столь долго откладываемый визит, вы увидите себя в моем кабинете рядом с Дибдином, Панници, Кераром и другими знаменитыми библиофилами и библиографами. Когда же я получу от вас известие, что могу прибыть в Москву и запаковать ваши книги, я украшу эту фотографию лавровым венком»[37]. Венок не понадобился: С.А.С. не приехал и с книгами расстаться не решился.

Немецкие фирмы, которые представлял Кон, были не единственными претендентами на сокровища Смоленского бульвара, владелец которых более забавлялся их алчностью, чем торговался всерьез. Вот что писал глава крупнейшей английской фирмы Бернард Кворич, которого С.А.С. приглашал приехать и оценить библиотеку:

«Сэр!

Прежде, чем решиться на расходы и неудобства, связанные с поездкой в Москву, я должен уяснить для себя главные достоинства вашей библиотеки. Я хотел бы также предварительно узнать, какую цену назначаете вы за ваше собрание.

Поскольку вы отказались от 3500 фунтов, предложенных вам Коном, и 40 000 талеров (6000 фунтов) — Баером, значит вы хотите еще большую цену. Какова же эта цена? 6000 фунтов

может стоить только библиотека экстраординарная. Имею ли я основания предполагать, что у вас есть ранние французские романы в переплетах Гролье, рукописные отчеты о путешествиях, де Бри в полном комплекте на всех языках, редкие издания Библии?..»[38]

Но в том-то и дело, что московский собиратель не желал, не мог назначить реальную цену, которую западные книготорговцы стали бы всерьез обсуждать. Впервые в жизни Соболевский, которого все, кто знал его, считали — и не без основания — человеком сильной воли, колебался и проявлял непоследовательность.

В конце концов он составил завещание, по которому все его имущество (т.е. книги!) переходило к С. Н. Львовой, тем самым как бы махнув рукой на последующую судьбу гигантского библиофильского сооружения, над которым трудился всю жизнь. Больно писать об этом, но не «выкидывать» же «слово из песни».

Седанский разгром Франции окончательно разорил Соболевского. Вот он и стал «банкрут», как предрекал когда-то Павел Воинович Нащокин. Соболевский принужден был занять тысячу рублей у единственного из старых друзей, кто был около него,— А. В. Веневитинова. Благодаря этому С.А.С. сумел погасить мелкие долги. 6 октября 1870 г. единственный его слуга Николай нашел своего хозяина похолодевшим в кресле у письменного стола. Похоронен Сергей Александрович Соболевский близ могилы своей матери на кладбище Донского монастыря (ныне филиал Государственного музея архитектуры им. Щусева). Местоположение его могилы легко установить по плану, вывешенному у входа в некрополь,— среди славных имен деятелей нашего отечества там упоминается и его имя. Из немногочисленных некрологов процитируем только один: А. Ф. Ростопчин в заметке «Голос из Иркутска по поводу кончины Соболевского», опубликованной в «Русском архиве», писал: «Итак, предсказания его при проезде моем через Москву весною 1868-го года сбылись. Не увидимся мы более, сказал он

мне при прощании. Сердце еще слишком болит при мысли об его кончине, чтоб я в состоянии был распространяться в похвалах его личности, про которую (на оборот общего правила) при жизни слишком мало говорили, а после смерти заговорят многие... Последнее его ко мне письмо получено мною около месяца тому назад, стало быть написано за несколько только дней до его кончины; оно содержит несколько библиографических справок, по обыкновению его две-три шутки, и весь тон его показывал самое спокойное настроение духа. Могила его не многими посетится, лицемерию и любопытству незачем к ней и подходить; но придут поклониться... верные ценители его души, редких и многосторонних его качеств»[39].

* * *

Не было никакой возможности спасти библиотеку, кроме единственной — покупки ее у наследницы по рыночным европейским ценам на средства, выделенные правительством. Но об этом даже мечтать не приходилось. Чтобы подтвердить тот факт, что московская литературная общественность не была равнодушна к культурному наследию Соболевского, расскажем коротко о той борьбе за спасение его архива, которая развернулась в 1870—1871 годах. Дело в том, что незадолго до смерти С.А.С. в присутствии С. Н. Львовой просил своего приятеля и коллегу по библиографической работе М. Н. Лонгинова взять на себя разборку и хранение всех бумаг, ему принадлежавших, и уничтожение всех, на которых обнаружится надпись «сжечь!». Состав этого архива и его *культурная ценность* уже известны читателю. Лонгинов служил тогда в Орле и препоручил все дело издателю «Русского архива», пушкинисту, близкому сотруднику С.А.С в последние годы, Петру Ивановичу Бартеневу.

Лонгинов — Бартеневу, 7 ноября 1870 г., Орел.

«... В октябре сего года после панихиды по покойном С. А. Соболевском я в присутствии вашем просил его наследницу Софью Николаевну Львову не отказать в выдаче вам... бумаг покойного и портретов, бывших у него..., так как всегдашняя

непременная воля его, известная всем нашим общим друзьям, с давнего времени состояла в том, чтобы все означенные бумаги и портреты достались после него никому иному, как мне...»[40]

Лонгинов — Бартеневу, начало 1871 г., Орел.

«... В числе портретов особенно дороги мне:
1. Соболевский в молодых летах за завтраком и 2. Этюд или эскиз портрета Пушкина масляными красками, Тропинина»[41].

Бартенев — Лонгинову, 12 авг., 1871 г. Москва.

«По желанию вашему, любезный Михаил Николаевич, был я у Львовой вчера. Она мне наотрез объявила, что не может вам отдать бумаг Соболевского, так как... перебирая их, нашли там много писем от лиц известных, и что она-де не вправе разглашать чужие секреты. Само собой разумеется, что я возражал ей, что от того-то покойник и отдавал вам эти бумаги, что вы лучше других сбережете личные уважения. Она повторяла, что обязанности никакой не имеет отдавать вам что-либо, „но со временем, т.е. через год, по возвращении из чужих краев, я переберу и что можно отдам. Теперь же вот вам книга с ... его сочинениями.“ С этою единственною книгою я отправился в Чертковскую библиотеку...»[42]

«Книга с сочинениями» хранится ныне в Пушкинском доме в составе архива М. Н. Лонгинова, ее с присущей ему аккуратностью собрал сам Соболевский. Ну а как же весь остальной архив, в котором среди прочего были и письма Пушкина? Чтобы не томить читателя, приведем отрывок еще одного письма:

С. Д. Шереметев — П. И. Бартеневу, 29 августа 1873 г.
Михайловское (под Москвой)

«Мне посчастливилось на Лейпцигском аукционе библиотеки Соболевского купить его Флетчера, Маржерета и Корба. Вдобавок приобрести и всю его переписку, которую вы, вероятно, знаете»[43].

Так, совершив путешествие в Лейпциг, вернулись в Москву 28 томов архива Соболевского. Правда, много лет пролежали они взаперти в имении Шереметевых. В 1903 г. Пушкинская

комиссия Академии наук поручила В. Е. Якушкину съездить к С. Д. Шереметеву и отобрать некоторые материалы из архива С.А.С. В дальнейшем были допущены к работе над архивом Л. Н. Майков и Б. Л. Модзалевский. Но только после Великой Октябрьской революции архив С. А. Соболевского стал действительно доступен исследователям. На его основе подготовлены уже десятки публикаций и статей, что само по себе — памятник собирателю.

В январе 1895 г. в «Историческом вестнике» были помещены воспоминания известного ученого-экономиста И. И. Янжула. Он, в частности, писал: «Зиму 1872—73 гг. я провел в Лейпциге, слушая лекции в тамошнем университете. Однажды, проходя по известному Universitäts Gasse, наполненному книжными магазинами, я зашел в один из них, чтобы попросить каталоги по своей специальности, по обычаю везде щедро раздаваемые. Владелец этого антикварного магазина... узнав во мне по акценту русского, в свою очередь после короткого разговора, обратился ко мне с просьбой: „Я недавно купил большую русскую библиотеку и в настоящее время один еврей составляет ее подробный каталог; мне бы хотелось узнать, насколько правильно владеет он русским языком и хорошо ли пишет по-русски". Я охотно отправился с книгопродавцем в соседнее помещение и здесь в первый раз увидел книжные сокровища Соболевского, и подобных частных библиотек я никогда уже в жизни не видел...» Восторженное описание библиотеки Соболевского опускаем, ибо читатель с нею уже несколько знаком. Но вот еще что узнал Янжул: «По словам книгопродавца, он приобрел эту драгоценную библиотеку у наследников, помнится мне, за 40 000 талеров (за 25 000.— *Авт.*); он решительно отказался продать мне что-либо на выбор и объявил, что когда каталог будет кончен составлением и напечатан, то библиотека будет распродана враздробь с аукциона... Не буду описывать свои тогдашние чувства глубокого сожаления по поводу того, что такая библиотека ушла из России и теряется для нее навсегда, осужденная исчезнуть по

частям в целом океане любительских и публичных библиотек всего мира»[44].

Фирма «Лист и Франке», которая взяла на себя распродажу «Соболевскианы», несколько изменила первоначальные намерения: она позволила Британскому музею и Лейпцигскому университету предварительно отобрать интересовавшие их издания, а уже потом провела аукцион. Нельзя сказать, что книжники России не знали о готовившейся распродаже: петербургская фирма Шмицдорф получила распоряжения не только от С. Д. Шереметева, но и от Публичной библиотеки, и от С. С. Апраксина, от М. Н. Лонгинова и других, но выделенные суммы были невелики, и многое ушло безвозвратно.

Газета «Голос» писала 23 мая 1873 г.: «Можно, конечно, пожалеть, что такое прекрасное и ценное собрание книг поступило в продажу на книжном рынке Западной Европы, а не вошло в состав какого-либо общественного учреждения, подобно библиотекам графа Румянцева и Черткова; но если библиотека Соболевского должна быть продана, то эта продажа может состояться только в Лейпциге, на этом всемирном рынке книжного товара... Кто у нас мог бы оценить по достоинству и предложить соответствующее вознаграждение за все те «уники» и редкости, которыми изобилует Bibliotheca Sobolewskiana... Можно только удивляться, каким образом подобные именно богатства скопились в руках частного лица, и пожалеть, что недлинный список известных частных библиотек в России уменьшится вскоре по продаже в разные руки библиотеки Соболевского».

Вот уж «унижение паче гордости»: вместо того, чтобы добиваться изыскания средств на спасение русского культурного достояния, газета радуется, что библиотека продается именно в Лейпциге, и уверяет, что ценителей ее в России не нашлось бы!

В 1878 г. о «Соболевскиане» вспомнила газета «Русский мир» (в № 329 под псевдонимом «Некто»): «Если вы спросите, куда же девалась эта драгоценная библиотека ... то мы ответим: так как книга вещь непопулярная у нас в России, то наследница

тотчас же продала всю библиотеку... У нас не нашлось ни одного капиталиста, пожелавшего сделать подобного рода приобретение». Это правда.

За прошедшее столетие многие книги из «Соболевскианы» появлялись то в каталогах книготорговых фирм, то в описаниях библиотек, то в букинистических магазинах. Удалось выяснить, что значительная часть библиотеки попала в Британский музей и книги «Соболевскианы» там помечены штемпелем «9 октября 1873 г.» Неоднократно делались попытки на этом основании выявить список купленных тогда книг. Кое-чего удалось добиться (найден, например, список «Гавриилиады», принадлежавший С.А.С.; список приплетен к книге: Н. В. Гербель. Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в собрание его сочинений. Берлин, 1861)[45], правда, до конца эта работа доведена не была. Но «Соболевскиана» еще долго будет напоминать о себе, ибо книжный океан спокойным не бывает.

Сверим теперь все, что мы знаем о С. А. Соболевском, с той оценкой, которую дал безусловно доброжелательный биограф В. И. Саитов в книжке «Соболевский — друг Пушкина», до сих пор не потерявшей своего научного значения. В. И. Саитов писал: «Действительно, при своем разностороннем уме, силе воли и европейском образовании, он мог бы стать в ряды видных отечественных деятелей, но в погоне за наслаждениями жизни и светским обществом разменял свои дарования на мелкую монету. Русское общество получило в наследство от Соболевского около сотни остроумных эпиграмм, которые забавляли или раздражали современников, но ничего не дали потомству, да несколько историко-литературных и библиографических статей, не имеющих важного значения»[46].

Хотелось бы надеяться, что проведенный выше, пусть и неполный, анализ жизни и трудов Соболевского с позиций книговедческих позволяет расширить, углубить, а может быть, и исправить эту характеристику.

Часть вторая

БЕЛОКУРЫЙ БРЮНЕТ

ГЛАВА
1

ХЛЕБНИКОВСКО-АВЧУРИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Петербург гостиная, Москва девичья, деревня же наш кабинет.

А. Пушкин

БИОГРАФИЧЕСКАЯ КАНВА

Сергей Дмитриевич Полторацкий весь был соткан из противоречий — он сам был словно живое противоречие:

всю жизнь собиравший и собравший огромную, неповторимую в частной библиотеке коллекцию русской периодики, он на старости лет умолял знакомых регулярно присылать ему обыкновенные текущие «Санкт-Петербургские ведомости» — и не мог допроситься;

один из первых бесстрашных корреспондентов «Полярной звезды» А. И. Герцена, он многие годы сотрудничал как библиограф в «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина, предпочитая ее «Современнику»;

собиратель пушкинского наследия, один из первых пушкинистов и библиографов, которым мы обязаны сохранением, публикацией, уточнением по подлинникам пушкинских текстов, он иногда допускал ужасающие ошибки, приписывая Пушкину чужие стихи или вдруг искажая Пушкина;

темпераментный, живой, скорый на всякое дело, вечно горячившийся, он проявлял невиданную, непостижимую для всех его друзей и приятелей (но, увы, столь характерную для российской библиографии) медлительность и прохладцу в окончательной обработке и публикации богатейших библиографических материалов, скопившихся в его картонах, книгах, папках и переплетах, вырезках, на библиографических карточках, листках и проч. и проч.;

обладатель довольно значительного наследственного состояния, щедро помогавший любому разумному, на его взгляд, библиографическому начинанию в России и во Франции, никогда не отказывавший просителям — будь то французский библиограф или крестьянин его деревни, он наделал столько долгов, что никакие силы уже не могли его спасти, и пришлось на старости лет навсегда оставить Россию;

нежный сын, заботливый семьянин, любящий и горячо любимый детьми отец, он закружился в такой карусели семейных драм, что об этом даже написана романизированная хроника...

В письме М. А. Корфу он как-то заметил: «Вы можете всегда ограничиться следующим на пакете указанием: запросто С.Д.П. в Москве. Почталионы мигом найдут белого медведя и письмо доставят» [1]. Его действительно хорошо знали все, кто имел хоть какое-то отношение к литературе, книгам, библиографии. Воспользуемся его разрешением и примем для дальнейшего это сокращение С.Д.П.*

* Он еще очень любил сокращать свою фамилию, так сказать, математически: С. I 1/2-цкий.

О Полторацком много писали и пишут — и как о корреспонденте «Полярной звезды»[2]; и как о приятеле Пушкина[3]; и как о первом русском библиографе, сообщившем о великом поэте во французской прессе и вообще — пропагандисте русской литературы во Франции[4]; и как об участнике или, по крайней мере, глубоко сочувствующем свидетеле французских революций[5]. В последнее время исследователи занялись и библиографическими трудами С. Д. Полторацкого в целом, на эту тему даже написана содержательная, основанная на множестве источников диссертация[6].

Библиографу Полторацкому повезло на библиографов, изучавших его наследие. Первым был А. И. Остроглазов[7], вторым — Ю. И. Масанов[8], потомственный библиограф высочайшего класса. Он зарегистрировал около 200 брошюр, статей, заметок и изданий Полторацкого; в работе В. В. Крамер выявлено еще примерно 80 его трудов. Словом, заслуги Полторацкого перед отечественной культурой постепенно находят свое естественное признание. Несколько по-иному обстоит дело с двумя другими задачами — охарактеризовать библиофильский облик Полторацкого и рассказать о его долгой и интересной жизни, вместившейся в калейдоскопический и сложный XIX век (1803—1884) и по-своему отразившей разные периоды русской истории. За вторую задачу не беремся — она далеко увела бы от историко-библиофильской темы, да и едва ли поддалась бы решению: слишком мало разработан огромнейший архив С. Д. Полторацкого и слишком много белых пятен еще осталось на широкой карте его деятельности. Рассказ о Полторацком-библиофиле, о его взаимоотношениях с Соболевским, Лонгиновым и другими современниками, о его своеобразных библиофильских взглядах и проблемах, в связи со всем этим возникающих, должен лишь дополнить складывающуюся из статей и книг картину жизни и трудов этого незаурядного человека.

* * *

Дадим пока читателю самую общую биографическую канву — подробности появятся в последующих разделах.

В знаменитом альбоме М. И. Семевского «Знакомые» имеется собственноручная запись Сергея Дмитриевича Полторацкого, весьма для него характерная:

«Родился в Москве за Яузою в приходе Козьмы и Дамиана (на Вшивой Горке) в 1803 году 23 января (4 февраля). Некрология моя готова у Мих. Ник. Лонгинова; остается только вписать день, число месяца и год кончины. Петрополь, Град Св. Петра, Петроград, а уж никак не Санктттттт-Питенбург.

Вторник 16 (28) января 1868»[9].

Здесь мы должны попросить прощения у читателя и ненадолго углубиться в «родословную героя», поскольку она имеет прямое отношение к его книжному собранию.

Отец его, статский советник Дмитрий Маркович Полторацкий (1761—1818) хорошо известен в истории русского земледелия как один из основателей Московского общества сельского хозяйства, как первый, кто ввел в принадлежавшей ему деревне Авчурино Калужской губернии на 2700 десятинах вместо рутинной трехпольной плодопеременную систему земледелия и заменил соху плугом. Будучи дворянином лишь во втором поколении, он от земли никогда не отрывался. Изучив в заграничных странствиях английский, немецкий, швейцарский опыт, он вышел в 1792 г. в отставку и занялся сельским хозяйством, выписывая из Англии молотилки и плуги. С. П. Жихарев, чьи «Записки современника» остаются важным источником для изучения русской жизни первой половины прошлого века, пишет: «...появилась книжка под заглавием „Плуг и соха“ с эпиграфом „Отцы наши не глупее нас были“, ее приписывают графу Ростопчину. Говорят, что эта книжка сочинена им на Дмитрия Марковича Полторацкого, который вводит у нас обрабатывание земли на манер английский»[10].

Полемика Д. М. Полторацкого с Ф. В. Ростопчиным, который ратовал за совершенствование традиционных орудий и методов обработки земли, осталась любопытной страницей нашей земледельческой науки. Мы вспоминаем об этом потому, что С.Д.П. среди всех своих библиографических забот не позабыл собрать материалы и об отцовском хозяйстве и напечатал часть их в 1846 г. в «Северной пчеле» и «Иллюстрации». В Отделе редких книг Ленинской библиотеки хранится конволют в заказанном С.Д.П. библиофильском переплете со специально отпечатанной в типографии этикеткой «Мои статьи в Иллюстрации. 1846—1847», тремя чистыми вклеенными листами и собственноручным списком статей на обороте третьего листа. Здесь и собраны сведения о родовых владеньях.

В Авчурино съезжались каждый год крестьяне из различных окрестных поместий — Дмитрий Маркович бесплатно обучал их новым методам агрономии. Помимо образцовых пашен Д. М. Полторацкий завел у себя прославившийся на всю Россию конный завод, причем «иногда обскакивал своими русскими жокеями Петрушками и Павлушками знаменитых Орловских скакунов»[11].

Мать Сергея Дмитриевича Анна Петровна принадлежала к старинному роду Хлебниковых. Ее дед Кирилл Тимофеевич Хлебников был известным деятелем по управлению русскими колониями в Америке; отец, носивший «многослойное» звание генерал-аудитор-лейтенанта, Петр Кириллович (1733—1777) купил созданные еще по указу Петра I игольные фабрики в селах Коленцах и Столицах Пронского уезда Рязанской губернии. В 1846 г. С.Д.П. с гордостью писал: «Кроме сих двух игольных фабрик не было в России в течение более ста лет других заведений сего рода; они находятся ныне в цветущем состоянии и хотя уступают в производстве английским и Ахенским фабрикам, но имеют превосходство над баварскими и французскими»[12]. Насчет процветания С.Д.П., может быть, уже заблуждался, а во всем остальном его описание, как всегда, точно. О главном деле жизни Петра Кирилловича Хлебникова

Дмитрий Маркович Полторацкий, Анна Петровна Полторацкая. Миниатюры из семейного архива; воспроизводится по книге Э. Альмединген

еще пойдет разговор, а сейчас возвращаемся к его внуку. С.Д.П. заметил как-то: «Дед был страстный библиофил, и странно, страсть перескочила в меня через женское колено, против обыкновенных условий мужской породы и всех статей свода законов о наследственности» [13].

Получив отменное домашнее образование, 15-летний С.Д.П. был затем отправлен родителями в Одессу в только что открывшийся Ришельевский лицей, где проходил курс наук в 1817—1820 гг. Есть свидетельства, что в лицее он подавал «прекрасные надежды» и, например, знал наизусть полный текст предисловия к «Истории государства Российского»

Н. М. Карамзина (да и как не знать, если обладаешь отличной памятью и не раз видел, как друг твоего отца Николай Михайлович Карамзин трудится над рукописями в Авчуринской библиотеке). В 1820 г. С.Д.П., не закончив лицея, по желанию матери возвратился в Москву, чтобы пойти по военной части — он поступил в созданную генералом Н. Н. Муравьевым Школу колонновожатых, где, кстати сказать, учились тогда будущие декабристы П. А. Муханов, В. А. Перовский, Н. В. Басаргин, В. П. Зубков, А. О. Корнилович и другие, и в 1823 г. был выпущен прапорщиком в свиту Александра I по квартирмейстерской части. Школа колонновожатых — своеобразное и передовое учебное заведение, где истории русской и всеобщей уделялось куда больше внимания, нежели муштре (слушатели даже жили на своих квартирах),— очень многое дала Полторацкому. Впоследствии уже поручик С.Д.П. служил в Штабе 1-й армии в Могилеве и, наконец, какое-то время занимал адъютантскую должность в Туле.

В 1827 г. служба его оборвалась — он вышел в отставку «по болезни» и официальных дел с правительством более не имел никогда. О причинах раннего ухода со службы можно лишь догадываться. Вот одна из возможных: в октябрьском номере журнала «Revue encyclopédique» за 1822 г. была опубликована библиографическая заметка о русском журнале «Сын Отечества». Среди авторов «Сына Отечества» упомянут и А. С. Пушкин, творец «полной возвышенных идей оды „Вольность“ и стихотворения „Деревня“», в котором «скорбит о печальных последствиях рабства и варварства, высказывая надежду... на то, что заря свободы воссияет и для его родины». «...Эти произведения, оставшиеся неизданными,— говорилось в заметке,— были причиной преследования молодого поэта, высланного в Бессарабию». Заметка была подписана S. P-y. Принадлежность этой заметки (как и едва ли не 100 других во французской печати за последующее десятилетие) Сергею Дмитриевичу Полторацкому литературоведы выявили не так уж скоро. Но вот царские власти спохватились сразу же.

30 июля 1823 г. начальник Главного штаба И. И. Дибич направил Главнокомандующему 1-й армией Ф. В. Остен-Сакену следующий циркуляр: «... свиты его императорского величества по квартирмейстерской части прапорщик Полторацкий оказался виновным в переписке с парижским книгопродавцем, в которой он отзывался в весьма неприличных и дерзких выражениях насчет правительства нашего... Государь император, снисходя единственно к молодым его годам... высочайше повелеть изволил отстранить его только от службы»[14]. В 1835 г. С.Д.П., вспоминая свои первые строки в «Revue encyclopédique», заметил, что «они причинили много неприятностей тому, кем были написаны»[15]. Все, казалось бы, ясно? На самом деле не совсем. Ведь Полторацкий прослужил еще четыре года и даже достиг чина поручика. Остается предположить, что по чьему-то ходатайству (не Карамзина ли?) его все-таки временно простили, ограничившись лишь удалением из императорской свиты. Но в 1827 г. со службой было покончено. Тогда же случилось еще одно неприятнейшее происшествие в его жизни: ужасный карточный проигрыш — 700 тысяч рублей, после чего имение было взято под опеку, указ о снятии ее последовал лишь в 1837 г. Заметим, чтобы к этому более не возвращаться, что бесконечно добрый, скромный, фанатично преданный литературе и библиографии человек, С.Д.П. имел один-единственный порок, во многом испортивший ему жизнь — он безоглядно отдавался (особенно в юности) азарту игры. Причем в игре был горяч, наивен, неосмотрителен и оказывался удобной мишенью для любого хладнокровного игрока, не говоря уже о тех, кто нечист на руку. А в тот злополучный день среди его партнеров оказался и Ф. И. Толстой-Американец... Однако, карточные долги, любые житейские неприятности ни в молодых годах, ни в зрелых, ни в старости — никогда не отрывали его от любимых книжных забот. Почти через тридцать лет после описываемых событий, на самом гребне житейских треволнений, он сам себе удивлялся в одном дружеском письме: «Не покажется ли вам странным, что душевное горе и тяжкие заботы не отнимают

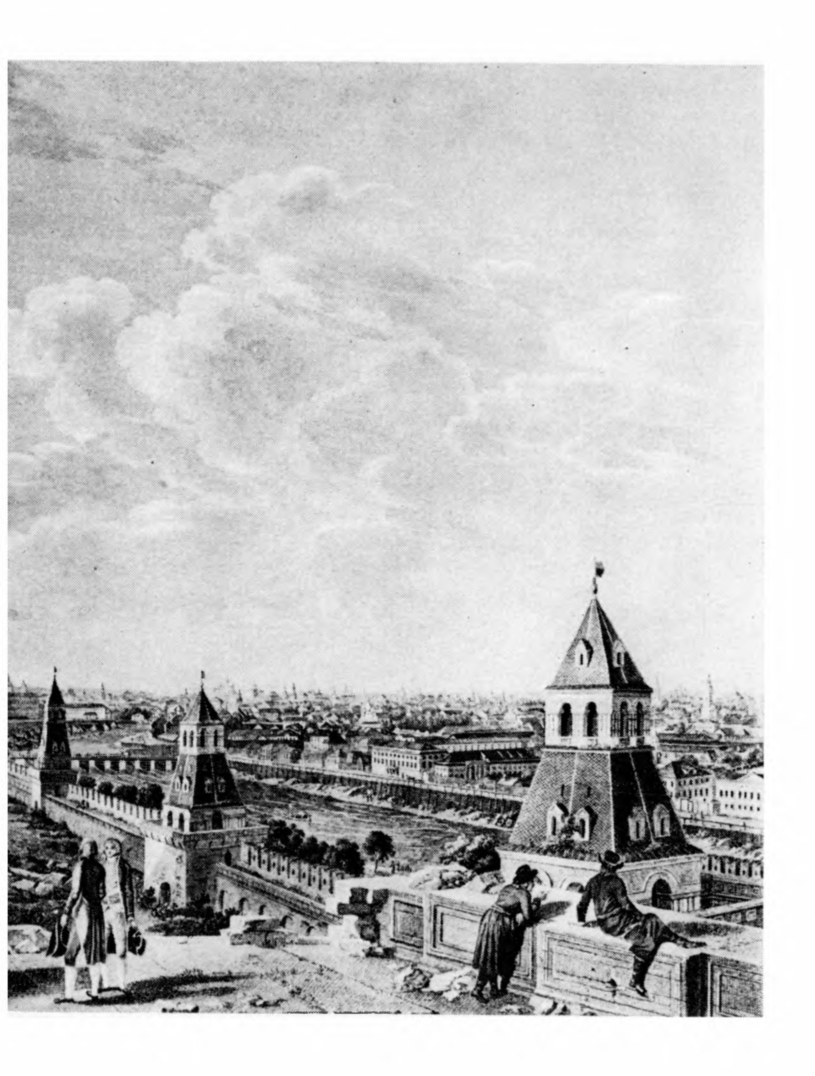
досуга у библиографической страсти? Видно, без страстей человеку ни жить, ни умирать. Разболтался, как библиофил, у которого и тени горя и грусти нет в душе, а между тем их немало в моей. Предаюсь думам, погружен, бывало, в меланхолию, сижу часто задумавшись. Бормочу стихи Жуковского:

Сижу задумавшись, в душе моей мечты,
К протекшим временам лечу воспоминаньем.
О дней моих весна! Как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!»[16]

Да, он улетал мечтою к тем самым дням, когда, вышед в отставку, свободный, полный надежд, он строил гигантские библиографические планы, активно сотрудничал в «Revue encyclopédique», где на обертке каждого номера значилось «Сергей Полторацкий из Москвы», а с 1823 г.— в русских журналах, особенно в «Московском телеграфе»; еще учась в Школе колонновожатых, участвовал в кружке С. Е. Раича, дружил с П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, братьями Полевыми, встречался с Пушкиным, Мицкевичем, Дельвигом...

Вскоре фон-Фок, помощник Бенкендорфа, назвал Полторацкого (как и Соболевского, впрочем) в числе «истинно бешеных либералов». Это был уже конец 20-х годов. С.Д.П. женился на Марии Петровне Киндяковой и в 1830 г. с нею и старшей дочерью выехал за границу. О его судьбе ходили самые разнообразные слухи (как ни странно, это было с ним решительно всегда — стоило отлучиться из столицы, как сплетни, а бывало и клевета накапливались снежным комом). «Нет, каков маленький Сергей Полторацкий в Париже! — писал, например, А. Я. Булгаков брату.— Он держал речь, ораторствовал и вошел, ты думаешь, в какое-нибудь ученое общество членом (ибо хороший литератор) — нет, вошел солдатом в парижскую Национальную гвардию! Можно ли дожить до большего сраму?.. Какое же будут иметь о русских понятие парижане...»[17] Он действительно был в Париже накануне июльских событий 1830 г., восторженно приветствовал революцию, вполне возможно и в самом деле выступал где-то с речью, но насчет

прямого его вооруженного участия Булгаков преувеличивал. Более того, как недавно выяснила В. В. Крамер по материалам его архива, «на самом празднике» он не был, отправившись на воды в Дьепп. И все же революционные настроения С.Д.П. сомнению не подлежат. 3 августа 1830 г. он писал французскому знакомому: «Я не мог удержаться, чтобы не поздравить вас от всей души с блестящим и величественным триумфом, который только что одержала ваша прекрасная нация. Какие замечательные страницы вашей истории!»[18]

Крепостнические порядки в России всегда вызывали его ненависть и даже «ярость», порой свойственную его бурному темпераменту. Даже в библиографические труды он умудрялся «протаскивать» антикрепостнические мотивы (не говоря уж о переписке, которая полна самых радикальных высказываний). В «Синхронистических таблицах русской литературы», вышедших в свет после реформы 1861 г., он «мягко» замечал: «Либерализм в правительствах, равно как и в частных гражданах, явление не новое. Гонение на гласность, на свободное благоразумное проявление полезных и благотворных мыслей также не новы в истории. Остается только желать, чтобы реакционные меры не возобновлялись более...»[19]

В 1832 г. он вернулся в Россию и поселился в Авчурине, часто наезжая в Петербург по делам «игольным», но более всего библиофильско-библиографическим. Многажды уезжал он потом еще из России — и в 1838—1839 гг., и в 1847—1848, в 1852—1855, пока, наконец, в конце 1868 г. не уехал совсем. Французская революция 1848 г. была для него столь же огромным событием, как та, что произошла 18 годами раньше. Он писал П. Я. Чаадаеву: «Посреди бурь и смут, потрясших Лютецию, не забыл я, любезный друг Петр Яковлевич, обещанную литографию*... Повторяю сожаление, что подлинник не съездил сам со мною. Не мало бы набрался он впечатлений и

* Речь идет о портрете Чаадаева. С. Д. П. не только не забыл, но заказал 10 экземпляров и 6 из них послал «подлиннику».

ощущений. Жаль, что ты не можешь сказать со мною: ...„тут набралось воспоминаний на остальную жизнь“»[20].

В 1855 г. в Германии произошел с ним эпизод, глубоко его потрясший. Об этом сообщил в Россию соредактор Булгарина Н. И. Греч в своей, понятное дело, трактовке: «Вчера был у меня С. Д. Полторацкий и рассказал, плача и рыдая, свои похождения. За долг в 2000 талеров его привезли сюда из Франкфурта и, приняв за какого-то демократа (сам Греч от такой «ошибки» был, пожалуй, застрахован.— *Авт.*), засадили в темницу с убийцами и разбойниками. Потом через четыре дня перевели в долговую тюрьму и держали 60 дней под арестом. Посланник наш барон Будберг поступил как ..., не хотел вступиться за него, не хотел даже его выслушать. Молодой граф Шувалов вошел в его положение и освободил на честное слово...»[21] Трудно сказать, что больше потрясло С.Д.П.— самый арест или поведение русского посольства. Последнее, верно, было больнее. Поразительно, что именно после этого эпизода, собираясь домой в Россию, он в сентябре 1855 г., ничуть не потеряв хладнокровия, послал А. И. Герцену ту самую «целую критику», о которой подробно рассказывает Н. Я. Эйдельман[22]. Это вообще одна из определяющих черт С.Д.П.— ни при каких обстоятельствах «не уступать» библиографию жизненным передрягам. В данном, как и во многих других случаях, это была «революционная библиография».

Ни на день, можно сказать — ни на минуту, не оставлял С.Д.П. своих библиофильских занятий (говорим именно библиофильских, ибо он являл собою классический образец библиофила-библиографа, у которого все многообразие библиографической работы вырастает из коллекционного подбора). Множились и множились его картоны и портфели, куда складывал он все отысканное, добытое, уточненное, сопоставленное и в несоизмеримо меньшей части — опубликованное. Но об этом после, а сейчас — о второй половине жизни С.Д.П.

Хозяина родовых поместий и игольных фабрик из него решительно не вышло. «По своему характеру Сергей Дмитри-

евич не мог быть фабрикантом, заводчиком»,— справедливо замечает мемуарист П. В. Усов[23]. Все порывы, вся страстность натуры обратились к книгам, а имение и фабрики закладывались и перезакладывались, и проекты их спасения становились все более фантастическими и несбыточными (еще при жизни матери С.Д.П., Анны Петровны Полторацкой, в 1839 г. казенный долг составлял больше миллиона). Взятая в 1852 г. правительственная ссуда в 200 тысяч рублей не помогла. Смертельная опасность нависла над единственным наследством, которым он и в самом деле дорожил,— библиотекой. Однако он боролся еще долго. Окончательный финансовый крах — распродажа всего принадлежавшего ему имущества — произошел в 1869 г. ...

В 1868 г. разоренный дотла, вынужденный фактически бежать из России, С.Д.П. со своей второй семьей уехал во Францию. Последние 13 лет его жизни были нелегкими. В 1870—1871 гг. он оказался в Париже в трудные и славные для Франции времена. Человек ушедшей эпохи, он из всех французских революций менее всего понял Парижскую Коммуну и в письме к дочери подробно рассказывает лишь о том, как пуля попала в окно его комнаты и не причинила вреда, ударившись о комплект «Московских ведомостей». «Ты словно взял абонемент на все французские революции»[24],— шутил П. А. Вяземский.

С.Д.П. очень нуждался, особенно в первые годы после отъезда из России. Несколько раз ссужал его небольшими суммами И. С. Тургенев, хотя, к сожалению, он не очень-то понимал «старого книжника» и писал в 1880 г., что Полторацкий «... был рьяный библиофил, имел когда-то замечательную библиотеку — но литературные его заслуги равняются нулю — и состоят в двух-трех пустейших брошюрках»[25]. Это обидное суждение основывалось, между прочим, именно на неразработанности библиографии — кому пришло бы в голову собирать по белу свету статьи и публикации библиографа? А о составе архива С.Д.П. Тургенев, конечно же, ничего не знал. С.Д.П.

жил то в Лондоне, то в Баден-Бадене, то в Вене, пока, наконец, не поселился в Нейи близ Парижа, где ему удалось вновь собрать небольшую библиотеку. Там, в Нейи, он умер 7 января 1884 г., там и похоронен. Важнейшим делом жизни Сергея Дмитриевича Полторацкого и в конечном счете самым интересным для тех, кто его работой и судьбой интересовался, был более чем полувековой ежедневный труд библиофила-библиографа, полный удач и загадок, обидных промахов и творческих взлетов, полный благородных помыслов и тех забавных странных мелочей, которые теперь стали называть «суетностью библиофила». Этот его путь начался с дедовской библиотеки.

НАСЛЕДСТВО ХЛЕБНИКОВЫХ

Есть коренное отличие между замечательными книжными собраниями двух русских библиофилов, о которых мы здесь рассказываем.

Первое — Соболевского — было почти полностью создано на протяжении жизни одного человека, второе было «коренное», наследственное (причем также библиофильское, действующее, а не бессмысленно-хаотическое или аристократическое-показное). Это ничуть не умаляет заслуг Сергея Дмитриевича Полторацкого — мало того, что он сохранил и умножал дедовское, дядюшкино, материнское книжное наследство — это только полдела. Вторая половина в том, что С.Д.П. сумел вдохнуть в библиотеку, ему доставшуюся, новую жизнь и, что важнее,— раскрыть ее богатства для других. Так или иначе, только благодаря титанической работе внука (многое, относящееся к С.Д.П., покажется некой гиперболой, на самом же деле это совершеннейшая реальность), только благодаря ему хранившиеся в авчуринских шкафах богатства стали достоянием библиотек, библиографов, описания многих из них появились на страницах журналов. Освоение авчуринской библиотеки принесло нашей культуре множество важнейших открытий; оно продолжается и до сих пор.

Из тех разновековых книжных слоев, которые, как кольца на старом дереве, образуют состав этой библиотеки, то и дело извлекаются новые материалы, обогащающие наши представления об отечественной истории, начиная от эпохи Петра I и кончая 70-ми годами прошлого века.

Соболевского и Полторацкого называют библиофилами пушкинской поры. Суть не только в том, что время самого острого восприятия мира для них прошло в кругу Пушкина, но и в том, что вся их дальнейшая жизнь, в том числе и библиофильские занятия, несли на себе печать пушкинского духа и времени. Однако ведь книги — не люди, они живут не одно поколение. Сегодня мы получаем в библиотеке не только тот том, что держал в руках Сергей Дмитриевич Полторацкий, но тот, что сохранил (а часто и составил) Петр Кириллович Хлебников. И поэтому, говоря о библиофилах пушкинской поры, мы намеренно продлеваем действие вперед — к 50—60-м годам, как было в первой части, и отводим назад, как будет на нескольких ближайших страницах. Ибо без библиотеки Петра Хлебникова не было бы библиотеки Сергея Полторацкого, как без Ломоносова и Карамзина не было бы Пушкина...

Два слова о том, откуда мы вообще знаем состав этого собрания и его историю. Самые основные сведения, конечно, можно получить и из «Русского биографического словаря», из работ Геннади, Шевырева, Иваска и некоторых других, но главным информатором оказывается, конечно же, С.Д.П. В 1846 г. он, как говорилось, опубликовал кое-какой материал в «Иллюстрации» и «Северной пчеле», но несравненно больше сохранил в своем архиве: здесь и биографические справки обо всех Хлебниковых, и экземпляр брошюры «Слово при погребении покойного г. генерал-аудитор-лейтенанта Петра Кирилловича Хлебникова» (в Санкт-Петербурге, 1778 г.) с приложением нескольких стихотворных эпитафий, сочиненных по сему случаю; и библиографическая работа «Дедовская хлебниковская библиотека (роспись нумерам, означенным на хлебниковских переплетах)», начатая в Петербурге 13 января 1850 г. и

законченная в Москве 27 августа 1857 г.; и отдельно составленная «Опись книг Николая Петровича Хлебникова» (дядюшки).

Основание библиотеки Петр Хлебников положил совсем в юных годах на своей родине, в Коломне, будучи еще в купеческом звании и обладая весьма скромным доходом.

Это было в самой середине XVIII столетия, когда собирание русской библиотеки и среди дворян было великой редкостью, а уж библиофильские методы, применявшиеся Петром Кирилловичем,— и вовсе диковинкой. А он подбирал не только все отечественные книги и всю периодику, но и всевозможные летучие листки, на которых печатались указы и постановления, торжественные оды, эпитафии, эпиграммы, благодарственные стихи, рассуждения, речи поздравительные и похвальные, объявления, приглашения и все прочее, что, как справедливо заметил С.Д.П., «не вошло в русскую библиографию и неизвестно библиографам... Таким образом, нельзя составить полной русской библиографии, не справляясь с библиотекой П. К. Хлебникова»[26]. Никакого другого библиофильского собрания подобного типа в XVIII веке в России отыскать невозможно. Все материалы Петр Кириллович систематизировал и помещал в толстые кожаные переплеты, на корешке которых оттискивался номер (переплетов было около двух тысяч) и имя владельца — сначала «коломенского купца Петра Хлебникова», затем титулярного советника, коллежского ассесора, потом «генерал-аудитор-лейтенанта...» Любопытно вспомнить в связи с этим слова одного из героев Ф. М. Достоевского: «Читать книгу и ее переплетать, это целых два периода развития и огромных. Сначала он помаленьку читать приучается, веками, разумеется, но треплет книгу и валяет ее, считая за несерьезную вещь. Переплет же означает уже и уважение к книге, означает, что он не только читать полюбил, но и за дело признал. До этого еще вся Россия не дожила. Европа давно переплетает»[27]. Вот тут Шатов ошибся чуть ли не на целый век. Коломенский купец и петербургский генерал-аудитор-лейтенант Петр Кириллович Хлебников существенно его поправляет.

Наиболее яркую и точную оценку значения книжного собрания Хлебниковых дал великий русский критик Владимир Васильевич Стасов. Дело в том, что отец его архитектор В. П. Стасов был ближайшим другом семьи Хлебниковых — Полторацких. В доме Полторацких на Калужской, вспоминает В. В. Стасов, «им самим выстроенном и украшенном, мой отец узнал много новых людей и много подвинул свое воспитание. С этого времени он получил ту страсть к ревностному чтению истинно-значительных, двигающих мысль книг, ту потребность в них, которая потом не покидала его уже во всю жизнь» [28]. В. В. Стасов по справедливости считал Хлебниковско-Авчуринскую библиотеку *первой публичной библиотекой в России.* Очень важна для нас также характеристика деятельности самого П. К. Хлебникова — ибо Стасов ставит основателя библиотеки в культурно-исторический ряд людей, деятельность которых и придает общественный смысл книжному собирательству.

Стасов писал: «Хлебников был один из редчайших и полезнейших, и доброжелательнейших людей своего времени, одна из личностей, воспитанных светлыми, народолюбивыми и сердечными началами XVIII века; они являлись и у нас отражением лучших стремлений тогдашней выраставшей Европы и сияли как благодатные звездочки среди густого мрака насилия и безотрадности деспотизма и крепостного права. Таковы были у нас писатель Новиков, купец Ларин, несколько позже граф Румянцев. Таков был также и Хлебников» [29]. Лучше не скажешь!

Библиотека была перевезена из Коломны первоначально в Москву, потом в Петербург, куда П. К. Хлебников поехал служить в свите генерал-фельдмаршала К. Г. Разумовского, потом в Красное Село, где была бумажная фабрика сына его Н. П. Хлебникова, наконец, снова в Москву, а уж оттуда в Авчурино. В 1777 г., не дожив и до 45 лет, дед Сергея Дмитриевича скончался. Среди заслуг покойного в пышных эпитафиях отмечалась «безмерная любовь к словесным заняти-

ям». А несколько строк безымянного автора достойны включения в несуществующую пока хрестоматию русской библиофильской литературы:

Во состояние людей входя нещастно,
Он руку помощи ко многим простирал,
Любя словесные науки в век свой страстно,
Труды ученых чтил и тщательно сбирал.
Усердствуя ж граждан ко вящщу просвещенью,
Нередко доставлял к сему случаи вновь,
И многих важных книг способствуя тисненью,
Чрез то к ним и свою напечатлел любовь[30].

Эта эпитафия генерал-аудитор-лейтенанту, похороненному в Александро-Невской Лавре,— достойный словесный памятник библиофилу XVIII столетия! После отца библиотеку наследовал Николай Петрович Хлебников — дядя нашего героя (возможно, впрочем, что какая-то часть сразу же перешла и к матери С.Д.П.— Анне Петровне Хлебниковой). Видимо, возник некий промежуток в комплектовании библиотеки, что впоследствии и сказалось. С.Д.П. приложил немало усилий, чтобы заполнить лакуны дедовской коллекции (в особенности это касалось русских газет). К нему перешли, например, остатки комплектов газет, принадлежавших Я. И. Булгакову. Семья Булгаковых также собирала газеты с петровских времен, но основная часть коллекции сгорела в московском пожаре 1812 г. То, что осталось, А. Я. Булгаков передал С. Д. Полторацкому для пополнения его богатейшего, единственного в России собрания, за что и был назван «другом и благодетелем всех библиофилов».

Старые газеты, хранившиеся в семье Гончаровых — Загряжских, С.Д.П. получил в 1836 г. в дар от А. С. Пушкина; он приобрел также коллекции переводчика Ф. А. Эттингера, библиофила Ф. А. Толстого, букиниста А. С. Ширяева и даже купил несколько недостававших номеров у своего соседа — портного.

Однако вернемся к концу XVIII века. Войдя в возраст, Николай Петрович принялся пополнять отцовское собрание:

он также покупал все русское, но при нем впервые появились в хлебниковской коллекции немецкие и французские газеты. Через 30—40 дней после выхода (например, в 1801 г.) к нему из Парижа приходили по почте номера «Gasette internationale ou le Moniteur Universelle». Появились и французские книги: С.Д.П. обнаружил на издании Levesque (Париж, 1783) запись Николая Петровича: «Сия книга подарена мне сестрицею 24 марта 1787». При этом Н. П. Хлебников продолжил и традиции своего отца, печатая на корешках кожаных переплетов слова: «Николая Хлебникова». Дядя С.Д.П. находился в дружеских отношениях с Г. Р. Державиным, который преподнес ему с дарственной надписью свою книгу «Песнь лирическая Россу на взятие Измаила» (1790 г.). Николай Петрович умер совсем молодым в 1806 г. К сожалению, созданное им «библиотечное кольцо» родового книжного дерева особенно подверглось разрушению, ибо в 1812 г. его книги оказались в Москве и уцелели далеко не полностью. Основную же, отцовскую часть книжного собрания, в том числе ценнейшие рукописи и первопечатные книги XVI—XVII вв., Анна Петровна Полторацкая (Хлебникова) успела после смерти брата перевезти в Авчурино, которое куплено было Д. М. Полторацким еще в 1792 г. Там к началу XIX столетия уже было заведено образцовое сельское хозяйство и возведены многие постройки. С тех пор Хлебниковская библиотека и превратилась в Хлебниковско-Авчуринскую, как любил называть ее С.Д.П.

Анна Петровна отнюдь не чужда была книжных интересов: например, в 1823 г. она была в Париже и купила там, уже для сына-библиофила, комплекты французских газет за многие годы. «Она была женщина с чудесной душой,— восторженно отзывался об Анне Петровне В. В. Стасов со слов отца,— высоким образованием, как и брат, любила все культурное в такой степени, что после смерти ее брата Николая в 1806 году, когда Хлебниковская библиотека по наследству перешла к ней, она продолжала ревностно ею заниматься. Для женщины заслуга по тем временам (да и когда угодно) довольно необыкновенная»[31].

В 1809 г. родители С.Д.П., узнав, что друг их семейства Николай Михайлович Карамзин принялся за составление «Истории государства Российского», пригласили его в Авчурино. «Карамзин был в восторге от разных находок, сделанных им в Хлебниковской библиотеке, составляющей ныне мою собственность и приносящей мне беспрерывное наслаждение»[32],— с гордостью вспоминал С.Д.П. И это была истинная правда, подтвержденная словами великого историографа. «В 1809 г.,— писал он,— осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге (т. е. в кожаном переплете-конволюте.— *Авт.*): Летопись Киевскую, известную единственно Татищеву, и Волынскую, прежде никому не известную. Хлебниковский список должен быть XV или XVI века. В заглавии Хлебниковского списка поставлено имя Нестора. В других списках автор назван просто Черноризцем Феодосиева монастыря Печерского»[33]. В примечании 175 к ч. IV «Истории...» Карамзин привел несколько выписок из Хлебниковской рукописи, содержавшей существенные дополнения к известной Волынской летописи. И поныне Хлебниковский список остается важным источником, уточняющим и дополняющим русский Летописный свод. К чести Полторацких надо заметить, что они почти сразу же вручили рукопись историку на хранение и для последующей передачи в Публичную библиотеку, вскоре основанную. Однако в 1843 г., когда вышел в свет 2-й том «Собрания русских летописей», С.Д.П. считал ошибочным указание: «Хлебниковская рукопись принадлежит Санкт-Петербургской публичной библиотеке». В этом весь С.Д.П.: ни малейшей корысти, никакого желания вернуть или продать свое книжное имущество, но категорическое требование «библиофильского приоритета» — и для себя, и для предков.

Если бы библиотека Хлебниковых «отозвалась» в русской историографии этим единственным списком, сделанным полууставом на лощеной бумаге в XVI в. и состоявшим из 386 листов форматом в лист, то и тогда библиофильские труды можно было

бы по праву признать послужившими к пользе национальной. Но «чудес авчуринских» было куда больше. Вот только два примера, почти наудачу: по подлинной рукописи, принадлежавшей С.Д.П., в 1833 г. в «Сыне Отечества» и «Северном архиве» была напечатана ода М. В. Ломоносова «Российских войск хвала растет»; по единственному экземпляру, предоставленному С. Д. П., в 1858 г. А. Н. Афанасьев перепечатал журнал «Пустомеля». К счастью, благодаря Сергею Дмитриевичу мы имеем возможность несколько более подробно охарактеризовать состав Хлебниковско-Авчуринской библиотеки. Подчеркнем только еще раз, что, хотя материалы, о которых идет речь, собирал дед, «приведением их в известность» мы в немалой степени обязаны внуку. Впрочем, кое-что успел сделать и сам Петр Кириллович. По предоставленному им списку Н. И. Новиков издал, например, «Древнюю российскую идрографию»... (Спб., 1773); у него хранился и экземпляр первых 10 отпечатанных листов не вышедшего в свет новиковского журнала «Сокровище российских древностей» (Спб., 1775). Многие сочинения издавались на средства Хлебникова: «Книга степенная царского родословия...» (М., 1775); Рейхель И. Г. Краткая история о японском государстве (М., 1773); Рубан В. Г. Краткая летопись Малые России с 1506 по 1776 (Спб., 1777) и другие.

В архиве Сергея Дмитриевича хранится заметка, которую приведем почти полностью[34]: «При всем желании моем сохранить в неприкосновенности все дедовские переплеты, я нашел это крайне неудобным, до чрезмерности сбивчивым и даже невозможным.

Например, в толстом переплете под № 503... в котором помечено пером 1235 страниц (в лист), находятся не только одни Указы (как означено на переплете), но и многие книги времен Петра I: Военные реляции и проч.; все это перемешано и не представляется, как бы следовало, по крайней мере в хронологическом порядке. После указов 1764 года переплетена книга 1722 года: Генералитет, или Табель о полевой Армеи (напечатана в Москве).

Между указами находится под № 2 книга Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» 1722 года, печатанная церковными буквами. Это первое издание очень редко (недостает по несчастью заглавного листа)...»

Дополним сведения об этом конволюте № 503 (по другой записи С.Д.П.[35]). На корешке переплета внизу была надпечатка: «коломенского купца Петра Хлебникова»; вверху: «Собрание разных Российскои (sic!) императ. печатных указов 1 том». В конце тома помещалось рукописное оглавление на 25 страницах под таким заглавием: «Экстракт имеющимся в книге сей печатным указам и протчему о чем оные и в которых годах состоялись и под каким номером состоят и на ка́кой странице». Всего по этому оглавлению в конволюте 259 номеров. Самые ранние документы в нем датированы 1721 годом, самые поздние — 1764-м. «Многие указы,— замечает С.Д.П.,— форматом гораздо больше, нежели в обыкновенный лист и для этого они согнуты».

Нужно ли доказывать читателю, насколько важны все эти «мелочи», регистрируемые библиофилом, и насколько далеки они от библиофильской прихоти, чудачества, «буквоедства» и т. д. Надо сказать, что вообще записи Сергея Дмитриевича на полях книг, отдельных листках и т. п. читаются как своего рода многоглавный библиографический роман о русской литературе и истории (теми, разумеется, кто склонен воспринимать библиографию как роман).

Продолжим, однако, заметку «Библиотека деда моего Хлебникова»:

«После долгих соображений и многолетних колебаний, я, наконец, решился все эти разнородные предметы, соединенные вместе вопреки всем правилам науки и библиографии... разместить в систематическом порядке.

Таким образом, думаю я, распоряжение мое не должно почитаться за святотатство в отношении к старине переплетов, из которых многим минуло более ста лет. Некоторые дедовские переплеты не сохранятся, конечно, в своей первобытной цело-

сти, но в замену этого от систематического распределения книг библиотека Деда моего приобретает несравненно большее значение и большую ценность. Это может послужить мне оправданием в том, что я не соблюл неприкосновенности некоторых переплетов, на что впрочем долго не решался и приступил, наконец, к этому после 30-летнего колебания и обдуманности.

С.П.

Авчурино, понедельник вечером
3/15 октября 1860 г.»

Эта заметочка, правда, к печати не предназначавшаяся, может показаться наивной, затянутой и даже мелочной. Ну, расплел старые переплеты, перераспределил материал — нужно ли было 30 лет размышлять об этом и извиняться перед самим собой, да еще помечая точную дату принятого «вечером» решения? Но таков уж педантизм и даже фанатизм книжника Полторацкого. В библиофилии и библиографии для него мелочей не было, и многие его высказывания на эту тему, на первый взгляд, выглядят наивными и чудаческими. Еще одно придает заметке трогательный и трагический поворот: ведь в 1860 г. Авчуринская библиотека была уже обречена, так или иначе С.Д.П. должен был готовиться к расставанию с книгами, он преодолел кризис в конце 40-х годов и в середине 50-х, но теперь, в 1860 г., на многих распределяемых конволютах (правда, пока еще только с рукописными материалами) появилась помета «доставлено графу Уварову» (для библиотеки в Поречье А. С. Уваров приобрел у С.Д.П. ряд рукописей). И разоряющийся владелец хлебниковского достояния считал это еще неплохим выходом из тупика!..

Заглянем еще в несколько переплетов библиотеки Хлебникова. Посмотреть их уже никому не удастся, так что воспроизводим описание в том виде, в каком оно было сделано С.Д.П. в 1859—1860 гг.[36]

Вот конволют экономический:

1) Труды вольного экономического общества, часть 23, 1773.

2) Экономическое наставление дворянам Сергея Друковцева, 1773 (Спб.).
3) Способ к размножению и прибавлению хлеба в Российской империи (итальянца в городе Виценце Иосифа Боночурия), без означения места и года...
4) О плодородии озимого хлеба Степана Ушакова. Здесь же два листка со стихами Сумарокова и Рубана к книге Ушакова.

Другой конволют посвящен был военной науке. Его состав таков:

1) Опыт некоторых рассуждений о воинстве вообще. Спб., 1777 года 2 части в 8 д.
2) Генеральное мнение о тактике Г. Гиберта, 1777.
3) Разговор в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым.
4) Послание Сумарокова, 1777, in-8.
5) Краткая выпись из дневника походных записок Федора Денисова, 1770—1774, 1777, in-8.
6) Ода Потемкину, 1777.

Судя по году издания книг в военном сборнике, это был последний конволют, составленный Петром Хлебниковым. Огромную ценность представляли, конечно, 20 томов, имевших общее название «Собрание достопамятных дел»: это были в основном рукописные материалы, к которым П. К. Хлебников присоединял летучие листки, манифесты, указы соответствующей тематики. Том 15-й «Достопамятных дел», например, полностью посвящен Пугачеву. Здесь были и собственноручные письма епископа Крутицкого к П. К. Хлебникову о поимке Пугачева; и единственный в России экземпляр Утрехтской газеты с сообщением о казни Пугачева (в 1860 г. С.Д.П. опубликовал этот материал). Жаль, что не видел его Пушкин, хотя, если бы хоть раз заглянул он в Авчурино, то уж аккуратнейший Сергей Дмитриевич сохранил бы для нас об этом безукоризненно точную запись.

Приведем еще две росписи С.Д.П., сделанные при рассортировке и перераспределении дедовских переплетов. Под № 1570

означено: «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга Богданова. Издано Рубаном. Рисунки на иждивение деда моего Хлебникова; на стр. 443—446 сведения о нем, стихи ему и проч. Досталось мне 4 экз. Этот за № 1570 и три экз. без №.

другой в Москве (в музей)*
третий подарен Саше**
четвертый Лонгинову

Авчурино, вторн. 4/16 авг. 1859.
Москва, четв. 30 мая 1863»[37]

Об этой замечательной книге придется рассказать чуть подробнее. Превосходно изданная, со множеством изумительных рисунков, она потребовала, конечно, значительных средств, которые и предоставил П. К. Хлебников. Однако сам он эту работу уже не увидел. Благодарный составитель, описывая надгробия в Александро-Невском монастыре, полностью воспроизвел надпись на могиле Хлебникова, о котором останется «вечное воспоминание отменных его добродетелей и особливой любви к упражняющимся в науках Россианам, коих ободрять имел он отличное усердие и за наилучшее в жизни своей увеселение поставлял препровождать с ними в беседах время, снабдевать их способами к изданию в свет полезных книг, собранием коих библиотека его почется может самою редчайшею в рассуждении множества древних и почти всех новых российских книг и несказанно великого числа достопамятных рукописей»[38].

Под № 1628 росписи «Дедовской библиотеки» читаем: «Переплет сохранен и отдан неприкосновенным в Музей. На переплете: История зверей и проч. Тут две книги: 1) История зверей. 1779 в 12 д. Спб. и 2) Емиль и София, изд. Руссова Эмиля. М., 1779 в мал. 8 (размер в 12 д.).

Пятн. 16 ноября 1862»[39]

---

* Румянцевский.

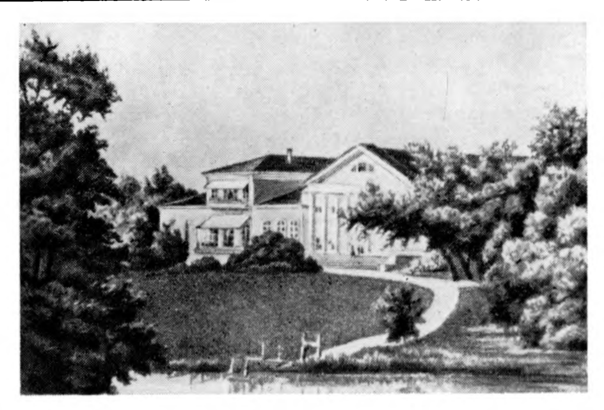
** Старшей дочери Александре Дмитриевне Сомовой (Полторацкой).

Из этих записей С.Д.П., число которых, понятное дело, можно было бы умножить, не только складывается состав собрания Хлебниковых, но и становится нагляднеи та работа, которую проделал их внук и племянник, чтобы приспособить библиотеку к нуждам позднейших времен, и, наконец, просачиваются сведения, где искать ту или иную книгу. Увы, как всегда, увлекаясь деталями, а точнее, отвлекаясь на них, С.Д.П. все-таки полного каталога всей родовой книжной коллекции не составил, хотя принимался за это нужное дело не раз. Между тем подробное описание лучшей библиотеки *русских* книг, журналов и газет XVIII столетия было бы более чем занимательным чтением.

Совершим теперь небольшую экскурсию в Авчурино к Сергею Дмитриевичу, нисколько не сомневаясь, что застанем его за библиографическими, а не хозяйственными заботами, и что он будет нам рад, как всякому, кто интересуется Хлебниково-Авчуринской библиотекой. Для этого хорошо бы отправиться по Оке вместе с почтой (газетами, журналами, книгами, письмами), которая доставлялась в Авчурино именно таким способом. Заметим только, что мы увидим там не все книги, потому что часть библиотеки всегда находилась в Москве, сначала в доме у Калужской заставы — между Крымским валом и Голицынской (Градской) больницей (ныне Ленинский проспект, д. 14), а потом в Газетном (Кузнецком) переулке.

ВНУК — ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Авчурино расположено в необычайно живописных местах — на высоком крутом берегу Оки в 12 верстах от Калуги (город хорошо был виден из окон высокого огромного дома). «Между усадьбой и рекой на полусклоне горы,— пишет в неопубликованных воспоминаниях сосед Полторацких М. М. Осоргин,— были вырыты два больших пруда с островком между ними, что еще более оживляло

Авчурино. Старый дом и пруд. Акварель Ш. Ребу. 1846 г. ГИМ

местность»[40]. К дому вела широкая дубовая аллея, длинная и прямая, как стрела, с перекинутым через нее чугунным мостиком. Отсюда хорошо было рассматривать панораму города со златоглавыми церквами и вьющуюся ленту полноводной, мирно совершающей свой путь Оки.

В 1854 г. французский библиограф Ж.-М. Керар, долгие годы сотрудничавший с С. Д. П., публиковавший его статьи в своих журналах, которые почти полностью финансировались авчуринским библиофилом, напечатал в библиографическом журнале "La France littéraire" и тут же выпустил отдельной брошюрой краткую биографию-характеристику Полторацкого, которая долгое время оставалась чуть ли не единственным источником сведений о нем[41]. Однако Керар в Авчурине не был и вынужден был воспользоваться для описания библиотеки тремя более ранними заметками, напечатанными в III и IV томах журнала "Bulletin du bibliophile Belge". Вот что, например, там говорилось: «В Авчурино на берегу Оки, в 12 верстах от города Калуги возвышается изящное здание, в котором

любитель книг, отличающийся вкусом и, к счастью, благоприятствуемый судьбой, устроил своим книгам великолепное святилище: 8 обширных, изящно убранных зал вмещают в себя все, что относится к русской литературе и России вообще, множество журналов, библиографических работ и тех редкостей, которые, невзирая на незначительность своего объема, привлекают внимание знатока». В одном отделении библиотеки, рассказывает Керар, ориентируясь на информацию "Bulletin du bibliophile Belge", хранятся произведения классиков всех стран и времен, в другом — сочинения по этике и гражданскому праву, а чуть подалее — в более обширном помещении — все, что написано о России, о ее земле, о ее литературе и о ее знаменитых людях. Эта часть библиотеки в Авчурино, по справедливому утверждению писавших,— самая существенная: там собрано все, что выгодно отличает эту библиотеку от прочих — «не только капитальные сочинения о проблемах отечественных, но и брошюры, ежедневные газеты-листки, тысячи вырезок из разных журналов, расклеенных в систематическом порядке». К деду вырезки решительно никакого отношения не имеют, это уже целиком и полностью заслуга внука. По воспоминаниям «старого дипломата» А. Я. Булгакова, С.Д.П. призывал: «Ну, пусть делают, как я, пусть извлекают из всякой книги то, что есть в ней полезного и любопытного, и сохраняют это, как я, в картонах, с примечаниями и отметками, а из остальной бумаги делайте, господа, что хотите: завертывайте в нее всякую всячину, закуривайте ею трубку, оклеивайте стены и потолки... Кто велит и переплетать дурную книгу? А если занимает она у вас лишнее место, так что тут церемониться? Бросайте скорее книгу в камин, да и концы в воду!»[42] Конечно же, здесь явная «автогипербола». Никаких он книг не рвал и трубку, которую очень любил, закуривал не столь варварским способом. Однако журналы и, тем более, газеты он, действительно, разрезал, наклеивал, переплетая вырезки по темам или сохраняя их в знаменитых своих картонах. Но на губителей книг — библиокластов, к которым относятся многие «библиофилы»,

С.Д.П. ни в коей мере не походил: книгу берег, хотя «фанатического аккуратизма» не проявлял. Что касается «библиотеки вырезок», ему, наряду может быть с И. И. Бецким, принадлежит бесспорный приоритет среди русских библиофилов.

В связи с этим вспоминается горестный документ, который попался мне на глаза в 22-м томе архива Соболевского: к последнему письму С.Д.П., присланному в мае 1868 г.[43] из Петербурга, приложена вырезка из газеты «Биржевые ведомости» от 15 мая 1868 г. Информация посвящена известному собирателю М. Д. Хмырову: «Уже десять лет тому назад, а кажется и более,он стал заниматься весьма нелегкою работою — составлять систематическое собрание журнальных и газетных статей на языках русском, французском и немецком. Г. Хмыров, не имея сам достаточных средств, приобретает, однако, целые возы журналов и газет всех времен и всех форматов... Разбирая этот хлам, переживший иногда более столетия, г. Хмыров вырезывает каждую статью... Без всякого сомнения впоследствии отдадут справедливость такому громадному *труду без примера в прошедшем...*» Эти слова в заметочке С.Д.П. подчеркнул красными чернилами перед тем, как прислать ее С.А.С., и приписал: «Биржевые ведомости — 10 064 подписчика» — и более ни слова (кстати, и вообще больше он старому приятелю никогда не писал). Как больно ему было, должно быть, что десятки тысяч вырезок, которые хранились в Авчурине, неизвестны не только 10 тысячам, но и, пожалуй, никому, кроме нескольких друзей. Отчасти он сам был виноват, но... Мы вовсе еще не уехали из Авчурина. Продолжим пересказ работы Керара — Рейфенберга, которую мы пока что так будем называть, поскольку Керар считал автором неподписанных заметок в «Бельгийском библиофиле» его издателя барона Рейфенберга. Сообщив, что особой достопримечательностью русского отделения библиотеки является почти единственный полный экземпляр первой в России газеты, авторы резонно замечают: «... собрать все номера было тем более трудно, что современники, надо это помнить, совершенно не думали о значении этих

летучих листков для потомства»[44]. Удивляет полная осведомленность Керара — Рейфенберга о библиографической цели библиофильской работы С.Д.П.: эта драгоценная библиотека необходима ему для того, чтобы воздвигнуть гигантский литературный памятник своему отечеству — «составить громаднейшую энциклопедию, на которую он потратил уже много лет труда, и он один в состоянии ее составить по тому трудно выполнимому плану, который он себе заранее начертал, и в сравнении с которым такая работа, как работа Уатта в Англии составляет сущую безделицу»[45]. Для этой-то цели С.Д.П. и собирает все издания, утверждает Керар, поскольку не хочет пользоваться существующими каталогами и для большей точности держится правила — никогда не писать, не имея перед глазами тех сочинений, оглавлений, вырезок, о которых приходится упомянуть. «Метод превосходный, но не для всех он доступен!»[46] — резюмирует Керар похвалу владельцу Авчурина.

Речь здесь идет действительно о колоссальном замысле Полторацкого: «Словаре русских писателей», куда войдут биографические и библиографические сведения не только о беллетристах, но и вообще обо всех писавших о России — не только по-русски, но и на европейских языках. Это был грандиозный план, однако детали описания библиотеки и особенно сравнение с машиной Уатта несколько настораживают: в них проскальзывает некоторая доля иронии, которой в данном случае не склонны были допустить ни Рейфенберг, ни Керар.

Кто же все-таки автор опубликованных в «Бельгийском библиофиле» заметок (кроме одной из трех, действительно подписанной D. Rg.) о С.Д.П.? Вопрос этот решается без особого труда. В 3-м картоне той части архива С.Д.П., которая хранится в Отделе рукописей Ленинской библиотеки, имеются письма к нему С. А. Соболевского конца 40-х годов. В первом же письме, посланном из Ниццы в Париж 28 января 1848 г., читаем: «Здравствуй, Сережка!.. Признал ли ты в “Bibliophile Belge” многокрасочные мои о тебе статейки и доволен ли ты моим фимиамом? Последней из них я еще не видел в печати и

посему прошу тебя прислать мне список с оной»[47]. Вот, оказывается, кто был информатором «Бельгийского библиофила», а через него и Керара, поскольку конкретный материал о библиотеке заимствован «у Рейфенберга». Так что по праву отберем эти две заметки у бельгийского барона и отдадим их Соболевскому. Что касается Керара, то помимо прочих видов сотрудничества его с русским библиофилом, был и такой: в те годы, когда С.Д.П. во Франции не появлялся, Керар покупал книги по заказам из Авчурина и посылал их в Россию. Эта его заслуга должна быть отмечена.

При всем том, что в Авчурине была по преимуществу русская библиотека, С. Д. П. все же не забывал библиофилию и во время поездок за границу, излюбленным его занятием было «букинировать» в Париже на набережной Сены у Королевского моста. Пожалуй, главными книжными специальностями, интересовавшими его на Западе, были три: библиографические труды, каталоги и журналы (французские и немецкие); любые книги и периодика, где печатались какие-нибудь переводы русских писателей или обзоры русской литературы; Rossica — в более широком смысле. Этот последний раздел все же был беднее и не сравним с «Соболевскианой».

Во всех книжных делах, во всех покупках, обменах, пожертвованиях С. Д. П. был щедр и неизменно проявлял истинное благородство. Вот, например, что писал он матери из-за границы в 1839 г.: «...в Риме познакомился с молодым графом Виельгорским*. ... Он был отличный образованнейший молодой человек и вдобавок большой библиоман; собирал все то, что только печатано о России, и составлял огромную библиотеку. Дал мне поручение покупать старинные книги о России. И я в Париже накупил ему на 4 тысячи, которые он собирался отдать мне после. Чахотка положила конец его любознательной и

* Иосиф Михайлович Виельгорский (1816—1839), сын хорошего знакомого Пушкина М. Ю. Виельгорского; библиотека Виельгорских при посредстве С. А. С. была передана в Румянцевский музей.

трудолюбивой жизни... Не идет мне требовать у них эти 4 тысячи»[48].

Доброта и широта души его сказывалась и в такой щепетильной для библиофилов области, как одалживание книг. Сколько собирателей с болью душевной расстаются с каждой книгой, ускользающей по какой-то причине из дому. Некоторые и вовсе прибегают к любым уловкам, лишь бы не дать книгу. Авчуринские традиции были совсем иные. С. Д. П. как нельзя лучше сформулировал это в одном из поздних (ноябрь 1869 г.) писем к Вяземскому. Речь шла о книге, которую, как предполагал Вяземский, ошибкою не отдал ему С. Д. П. Вот что отвечает Полторацкий из Парижа: «При всей пылкости и стремительности моего библиофильства, я никогда не зажилил, не зачитал и не потерял ни одной рукописи, ни одной книги, ни одного листка журнала или газеты, которые давались мне для справок или для прочтения. В этом отношении мое библиофильство,— и это я вменяю себе в достоинство,— отличалось от библиофильства многих моих соотчичей и приятелей, которые брали и таскали у меня книги в довольно значительном количестве, или теряли их, или никогда не возвращали. Я давал книги всем любознательным, по их желанию и запросу; книжные полки мои были им благоприятственно доступны; смотрели, поглядывали, пощупывали, брали, что угодно, при мне, когда я дома, или без меня, когда я отлучался. Все это делано мною вследствие правила: что книги существуют для того, *чтоб ими пользовались*. Какой прок иметь книги и держать их под спудом, недоступными для других? Пусть ими пользуются. Ну пропадет десяток, другой. За то сотни книг будут читаны, принесут пользу или удовольствие и таким образом выполнят свое назначение»[49] «Убеждаюсь твоим благородным негодованием и верю в твою библиофильскую честность»[50],— отвечал на это Вяземский.

Не знаю, как кто, а я бы вывесил «библиофильское кредо» Полторацкого на стенах всех больших частных библиотек. Увы, в данном случае перед нами уже «мемуары библиофила», ибо

Авчурино и библиотека остались в ушедших годах. Зато мемуары абсолютно правдивые, без тени самоукрашения и лукавства — последнее качество вообще было совершенно чуждо С. Д. П., что сплошь и рядом оборачивалось против него.

Он много дарил — и знания о книгах, и сами книги. Прежде всего обогащал, конечно, Публичную библиотеку, почитая это за свой патриотический долг (хотя очень удивился бы, если бы это было тогда так названо). В отчете библиотеки за 1884 г. дана такая характеристика С. Д. П.: «Он, несмотря на всю свою любовь к книгам, нередко поступался своими сокровищами для пополнения пробелов, существовавших в Публичной библиотеке, в которой он, так сказать, жил во время своих довольно частых приездов в столицу, он составил для нашего книгохранилища, как из имевшихся в нем нумеров, так и из подаренных им, единственный экземпляр Ведомостей, выходивших при Петре Великом, пополнил экземпляры некоторых повременных изданий, как русских, так и иностранных, и принес в дар много редких книг»[51]. Да, это был его долг, и, несомненно, именно так поступал бы его дед-библиофил, если бы уже тогда была в России публичная библиотека. Но на то и существовало Авчурино, чтобы со временем стать общим достоянием, для того и копились в нем ценности русской культуры. Недаром Г. Н. Геннади жаловался С. Д. П.: «Я перебираю некоторые старые журналы в Публичной библиотеке. На первых порах не оказалось следующих изданий: 1) Поденщина, 1769; 2) Аврора; 3) Северная пчела, 1807; 4) Мой досуг, гг. 1801... 5) Парнасский мотылек, 1808. Увы! Где искать их? Хоть бы увидеть. Разве поехать в Авчурино!»[52] Да, в Авчурино все бы это нашлось.

В 1853 г. С. Д. П. писал Корфу: «Деревенский библиотекарь Авчуринской библиотеки положил себе за непременное правило, а вместе с тем за истинное удовольствие принести постепенно в дар библиотеке все русские книжные драгоценности и редкости, которые он имеет и которых недостает в здешнем знаменитом книгохранилище»[53]. Тут позиции С. А. С.

и С. Д. П. полностью совпадали, хотя чуть ли не во всем остальном они были полными антиподами. Никакие собственные трудности и прямая нужда не отвлекали Полторацкого от избранного им пути служения национальному книгохранилищу. Во время поездки за границу в начале 50-х годов, когда жилось совсем уж не сладко, он ревностно старался добыть абсолютно все номера в огромном списке desiderata, присланном ему Корфом, совершая подчас форменные библиофильские чудеса. Вот что, например, сообщал он Корфу в огромном письме-рассказе о книгах и жизни среди книг, посланном из Авчурина в Петербург 3 декабря 1855 г.:

«Одна из желаемых вами книг решительно ненаходима и по причине весьма естественной: она не существует. Однако я могу сотворить ее, снабдив ею нашу библиотеку... Это: Un héros du Siècle de Lermontof traduit en français par Alexis (Аркадьев[ич]) Stolypine. Paris, 1843, sept.—nov.* Этот перевод (лучший из шести) отдельною книжкою издан не был. Я открыл его нечаянно тому назад десять лет в ежедневном парижском журнале «Démocratie pacifique», в 22 фельетонах, которые у меня переплетены вместе in-folio, и которые привезу вам для библиотеки...»[53a]

Непрерывным библиофильско-библиографическим поиском можно назвать всю жизнь этого маленького, подвижного, рано поседевшего от печалей, страстей и забот человека. День его в Авчурине складывался примерно так: рано утром, словно стараясь отделаться от чего-то неприятного, он с управляющим объезжал поля и какие-нибудь хозяйственные службы, после чего уже к девяти часам оказывался в библиотеке, помещавшейся в отдельном двухэтажном доме, откуда не появлялся до 4 часов дня. Восемь зал (одна из них называлась Готическою), 128 шкафов (каковы шкафы—вопрос немаловажный, их тоже нужно совершенствовать—в архиве С. Д. П. хранятся чертежи

* «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова в переводе А. А. Столыпина. Париж, 1843, сентябрь—ноябрь.

шкафов и картонов для вырезок, присланные ему Соболевским), удобные столы, стулья с высокими спинками — таков его храм, куда он впустит всякого, кто любит книги. Полторацкий все время распределяет, дарит — словно «дирижирует» своей книжной коллекцией. «Ящики с книжным хламом прибыли из Питера 30 июля; можете себе представить возню, суету и поты лиц... Комнаты завалены. Пройти и сесть негде. Петербургские ящики усугубили беспорядок поэзии и поэзию беспорядка»[54]...— писал он другу. «В шкапах моей Авчуринской библиотеки толпятся исторические предания о древних и новых поколениях»[55],— говорил С. Д. П. Как же ему было не гордиться и даже не поддаваться тщеславию, если, отсылая очередной дар в Петербургскую библиотеку, он мог написать: «Я осмелюсь заметить, что брошюрки вроде той, которая выслана мною библиотеке, в переплете, под заглавием: "O temps! O moeurs!" (французский перевод комедии императрицы Екатерины II, 1772, напечатанный в Париже в 1826 году) едва ли можно достать в целом мире другой экземпляр... этот перевод напечатан... в числе 30 или 35 экземпляров Обществом французских библиофилов-эгоистов, но я насилу после 28 лет тщетных домогательств и посягательств добился, наконец, до приобретения одного экземпляра и Сарагосским штурмом выцарапал его из укрепленных и скупых рук председателя Общества французских библиофилов г-на Пишона»[56].

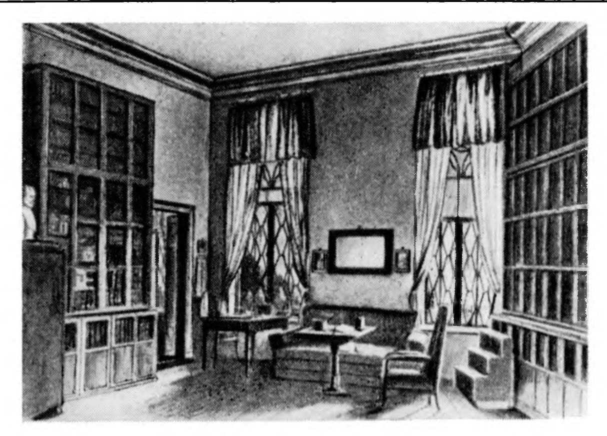
В долгу перед теми, кто помогал ему, С. Д. П. никогда не оставался: за многие годы он пополнил русскими книгами и книгами о России библиотеки ряда французских библиографических обществ и журналов, а начал он когда-то с того, что первым посылал во Францию издания пушкинских поэм. «Скоро благодаря вашим заботам,— писал ему Эро, редактор журнала "Revue encyclopédique,"— я буду располагать целой библиотекой русских книг». Французские журналы он снабжал книгами систематически и с точно сформулированной целью:

* О времена! О нравы!

«Я хочу, чтобы другие народы знали о достижениях русских ученых, литераторов, о трудах художников, о прогрессе промышленности» [57].

Не меньше, чем Публичной библиотеке и Румянцевскому музею, почетным членом которых С. Д. П. состоял, он подарил книг родным, друзьям и знакомым, почти всегда составляя соответствующие списки, а иной раз и копируя для памяти собственную дарительную надпись. Сохранились бесчисленные ведомости подаренных книг и его надписи (их можно встретить и на титульных листах многих книг в фондах наших библиотек). В Отделе редкой книги Ленинской библиотеки имеется, например, экземпляр каталога библиотеки С. Д. П. с такой надписью: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому от будущего издателя его сочинений. 1 1/2. Петербург 14 марта 1868 г.» За этой строкой вполне конкретное содержание: П. А. Вяземский просил С. Д. П. заняться поисками его стихотворений и статей, затерявшихся в журналах за долгие годы писательства. С. Д. П. согласился и проделал немалую работу, которая, увы, зафиксирована почти исключительно лишь в архивных картонах. В том же отделе легко найти и «обратный» пример: на книге Евгения Баратынского «Эда и Пиры» (Спб., 1826) читаем: «Полторацкому в знак памяти от сочинителя, майя 19-го 1827-го года». С. Д. П. высоко ценил это внимание друзей, и если ему дарили книги без надписей, сам фиксировал, что от кого и когда получено. В библиотеке И. Н. Розанова, хранящейся в Государственном музее А. С. Пушкина, имеются две книги с пометками С.Д.П.: «Подарок от автора князя Петра Андр. Вяземского».

Соболевскому С.Д.П. отправляет редчайший «Каталог библиотеки А. Разумовского» (М., 1814), сопровождая его целым посланием: «Сколь ни грустно расставаться с этим экземпляром, но в угождение Графу Соболевскому (Bulletin du bibliophile Belge), сократителю жизни моей и вследствие его желания, изъявленного барону $1^1/_2$-цкому в письме из Москвы от 18 августа, полученном вчера вечером в Калуге (губернском

Авчурино. Готическая зала библиотеки. Акварель Ш. Ребу. 1846 г. ГИМ

городе, как обозначено графом на адресе, хотя нет другого города сего имени, ни уездного, ни безуездного, ни заштатного),— препровождаю в Зубовскую (или Зубоскальскую) библиотеку графа оный экземпляр из Авчуринской, вотще опорочиваемой графом библиотеки... Авчурино, воскр. 23 августа 1859»[58]. Эта надпись, по-видимому, сделанная на чистом листе самой книги (мы пользуемся копией, сохраненной С.Д.П,), любопытна не только как образец мало еще изученного жанра библиофильского фольклора, но и как эхо различных бесед и споров. Здесь и «возведение» Соболевского в графское достоинство бельгийским журналом; и «Зубоскальская» библиотека; и тяжесть расставания с самой книгой, которая еще нужнее Соболевскому, специально занимавшемуся историей этого каталога; и «опорочивание» Авчуринской библиотеки, о чем речь еще впереди. Но все это в целом охватывается одной большой темой: книга и собиратель — важной частью той отрасли книговедения, которая изучает обращение книги в читательской среде.

Трогательны, серьезны и поучительны книжные подарки Полторацкого своим детям[59]. Старшей дочери Александре он преподносит такой поразительный подбор: К. Ф. Рылеев. Думы (Берлин, 1859); А. И. Герцен. С того берега (Лондон, 1855); «Несколько слов об улучшении быта крестьян» (Лейпциг, 1855). Нужно ли после этого долго говорить об умонастроении Полторацкого и его семьи накануне отмены крепостного права? И разве не достоин высокого уважения человек, который для дочери получает или привозит из-за границы именно эти издания? Впрочем, Александре Дмитриевне было тогда уже тридцать лет, и ее общественная позиция, по-видимому, вполне определилась. Сыну Дмитрию тогда же преподносится несколько иная литература: «Еженедельные записки охотника до лошадей» с шутливой надписью: «из библиотеки авчуринского конного завода» и две книжки «Лесного журнала». Дело в том, что Дмитрий Сергеевич унаследовал пристрастие не отца, а скорее — деда. Он приобретал новые сельскохозяйственные машины и даже изобрел усовершенствованный плуг, который так и назывался «плугом Полторацкого». Дочери Анне отец вручает четыре переплетенных в Авчурине тома «Сочинений» Монтескье с таким объяснением: «Это написано (заглавие на внутренней стороне переплета.— *Авт.*) рукою твоей бабушки Анны Петровны Полторацкой, урожденной Хлебниковой». Как видим, хлебниковская библиотека приносила «плоды просвещения» через сто с лишним лет после своего создания.

Расскажем еще об одном подарке, который сделал С.Д.П. нескольким своим друзьям и который легко уязвим для критиков и как несомненное проявление пресловутой библиофильской «суетности», библиофильского пресыщения, что ли. История этой изящно изданной брошюры, два экземпляра которой хранятся в Ленинской библиотеке, довольно любопытна. В 1844 г. С.Д.П. развесил по стенам каждой из 8 зал книгохранилища в виде плаката (66×49 см) текст стихотворения английского поэта С. Бишопа (1731—1795) «К моей библиотеке (To my library)» в оригинале и параллельно — во французском

переводе Г. Дюплесси. Эти стихи представлялись ему удачным выражением библиофильских взглядов, которых он сам придерживался. Это была затея едва ли не библиоманическая: стихи были отпечатаны на зеленой бумаге, окружены широкой черной рамкой, внутри которой напечатано по-французски: «Библиотека Полторацкого в Авчурине». Лист разделен пополам: слева английский текст стихов Бишопа, справа — французский. Можно полагать, что таких листов-плакатов было отпечатано не более десятка, однако по крайней мере два из них уцелели (один попал в библиотеку П. А. Ефремова, другой — Д. В. Ульянинского). Но С.Д.П. на этом не остановился; он издал те же стихи отдельной брошюрой, озаглавив ее так: «Библиотека Сергея Полторацкого в Авчурино. Первое извлечение. Отделение библиографии. Английские стихи Бишопа к библиотеке. Петербург, 1846, в типографии Ч. Крэя. 8 стр.» Брошюра эта была напечатана в шести вариантах: на белой, розовой, зеленой, желтой, синей и голубой бумаге (каждый вариант тиражом 10 экземпляров). В архиве С.Д.П. сохранился список знакомых, получивших от него в дар эту странную брошюру: «розовых» экземпляров удостоились С. А. Соболевский, М. Н. Лонгинов, М. А. Корф, Н. В. Путята; синий получил П. И. Бартенев, желтый — дочь Саша, зеленый — В. Ф. Одоевский и т. д.[60]

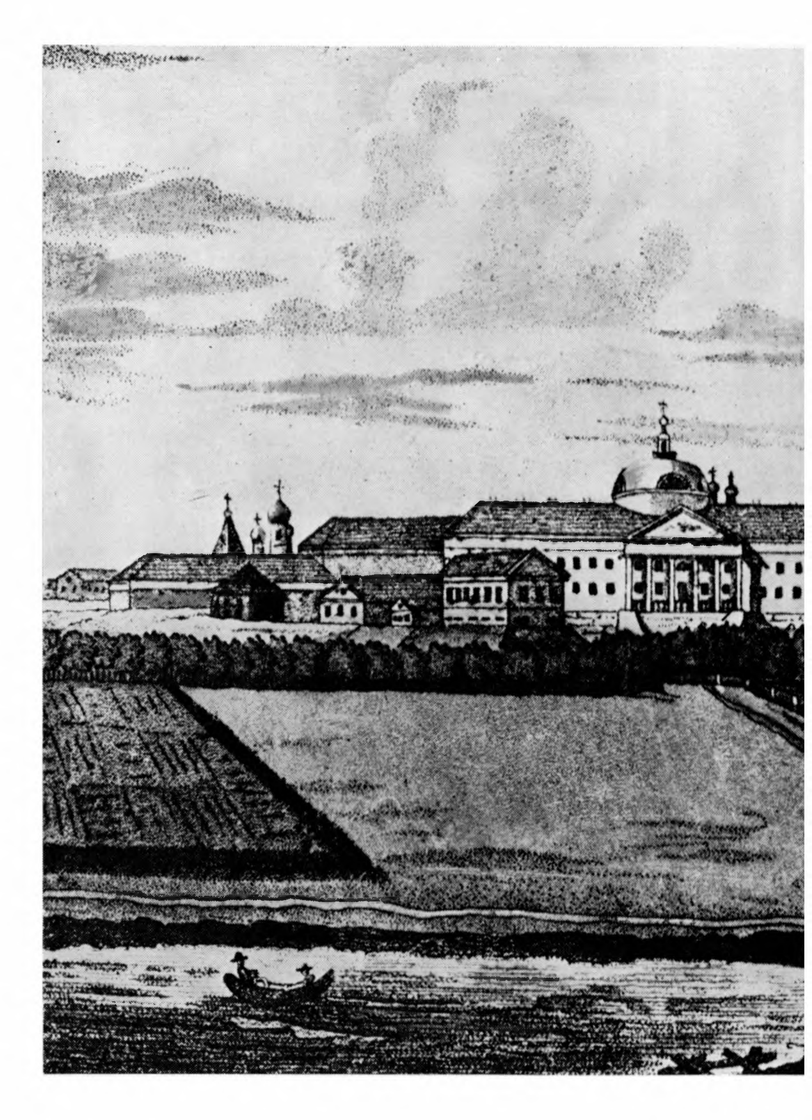
Знаток и собиратель редких книг (особенно по библиографии и библиотековедению) Д. В. Ульянинский считал эту брошюру одной из редчайших. Только однажды она мелькнула в антикварном каталоге, да еще А. М. Старицын приобрел один экземпляр из дублетов П. И. Бартенева. В 1904 г. при распродаже библиотеки некоего Д. П. Лебедева в ней оказалось 8 экземпляров «Первого извлечения из Авчурина». Шесть из них купил Ульянинский, уступив дублетные знаменитому московскому книгопродавцу П. П. Шибанову. Задал хлопот С.Д.П. библиофилам последующих времен! Можно ли оправдать его затею книговедческой логикой? Боюсь, это трудно сделать. Но... он «странен, а не странен кто ж?» — из библиофилов, конечно.

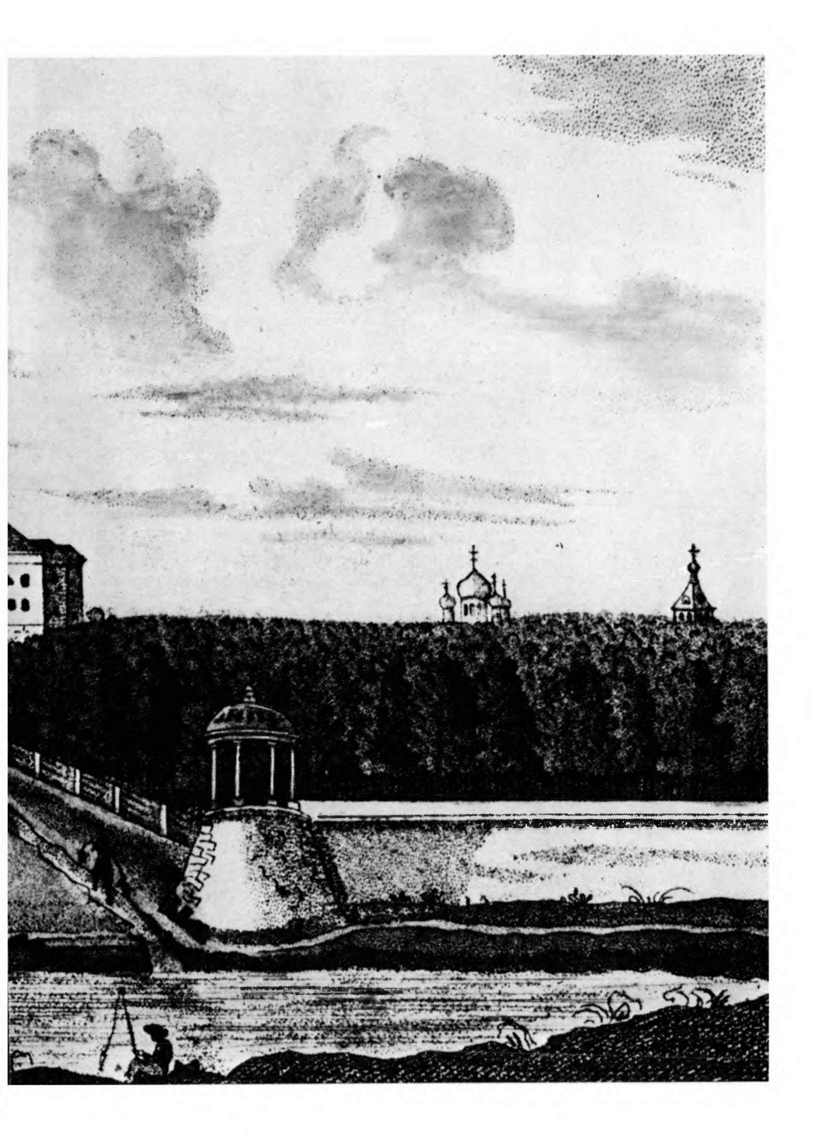
* * *

Как ни много путешествовал Сергей Дмитриевич, как ни часто ездил он в Петербург и Москву (прибавим сюда еще те последние 15 лет, которые он полностью провел вне России), все равно в Авчурине он жил около 40 лет («чистых»). За это время можно было успеть сначала «воспитаться» в библиотеке, вырасти в ее стенах, а потом неплохо в ней «побиблиофильствовать» и «побиблиографствовать», пользуясь его выражениями.

Но никакой период не оставил столько следов в его библиофильской деятельности и не дал столько материала, сколько последний, который с перерывами продолжался целое десятилетие: 1855—1865 гг. С.Д.П. приехал домой после трехлетнего отсутствия, прямо из немецкой тюрьмы. Перед отъездом, в 1852 г., он получил последнюю царскую милость — ссуду в 200 тысяч рублей для покрытия долгов. Увы, это была лишь капля в море, которая ничего не могла спасти. В Москве говорили, что он бежал, увезя с собой все полученные деньги, что он купил огромное поместье в Германии (!) и никогда, конечно, не возвратится; и давно пора, мол, описать и продать за долги авчуринскую и московскую части библиотеки.

Еще в Париже С.Д.П. получил тревожное письмо от Соболевского, который осторожно, намеками, но все-таки обрисовал всю опасность положения и выдвинул свои проекты: «Здесь многие поговаривают об одном библиофиле и жалуются на него за то, что он их подвел будто бы под неприятную обязанность платить за него огромные суммы... что и как — не мое дело об этом судить, но мое желание спасти для современников и потомства от разгрома и расхищения, от распродажи и разных бед собранное этим библиофилом в течение 30 лет; заключаясь в листках и маленьких книжонках (с виду невзрачных) легко может почесться за дрянь, не стоящую ни малейшего внимания... Если бы не поговаривали, что этому библиофилу трудно возвратиться к своим пенатам, если бы не поговаривали об опеке, описи и продаже имений, я не вмешался бы в это

дело... Считаю долгом отечественной литературы ради предложить свои даровые услуги. Например, скажи мне свое мнение о следующем: А) Не хорошо ли было бы все книги, книжонки и бумаги, находящиеся в его доме, перевезти ко мне, а когда перевезутся, разобрать это и упаковать в ящики по сортам и материям... Б) Что же касается до книг, имеющихся в деревне и занимающих 128 шкапов, то там, по моим предположениям, находятся больше книги большие... и проч. вещи, коим цена более известна... и кои, следовательно, менее подвержены разрушению и расхищению, от незнания проистекающим. И так эти книги можно там оставить, но только с тем, чтобы взять из оных полные собрания газет, журналов и прочее, что в случае несчастья пошло бы за грош на толкучий рынок. Произвести это я готов, не щадя при этом ни своих денег, ни своих трудов, ни даже своих поездок. И так, если дела вышеозначенного библиофила так опасны, как о сем толкуют, то я желал бы, чтобы ты, при первом свидании с ним, посоветовал ему на меня положиться и... дать мне возможность спасти то, что спасти следует»[61].

«Некий библиофил», посоветовавшись с самим собой, возвратился в Авчурино. Перед самым отъездом из Берлина он отправил в Лондон А. И. Герцену страстное письмо-отзыв о 1-й книге «Полярной звезды». Несколько экземпляров этого издания, тайного из тайных и опаснейшего из опаснейших, С.Д.П. привез в Россию и с трогательной наивностью послал М. А. Корфу для хранения в библиотеке и раздачи достойным людям. Корф ответил с холодной вежливостью: «Нет, любезный друг Сергей Дмитриевич, при всей благодарности за Вашу добрую о нас память, не могу ни принять, ни передать другим последнее Ваше приложение. Библиотека и ее директор не могут и не должны служить проводником в частные руки печатаемых за границей, без нашей цензуры, русских книг, и потому, оставляя предназначенный вами для библиотеки экземпляр, остальные три долгом считаю возвратить»[62]. Хорошо еще, что так вышло,—могло быть гораздо хуже: неизвестно, кому

показывал и кому предоставлял «Полярную звезду», присланную Полторацким, верноподданнейший барон Корф. Как справедливо замечает автор книги «Тайные корреспонденты „Полярной звезды"», во многом благодаря Полторацкому в Публичной библиотеке собралась наиболее полная коллекция вольных изданий Герцена. И в этом вся соль! Ибо значение С.Д.П. в истории русской культуры — это прежде всего значение собирателя. Были тысячи людей, чья мужественная борьба против социального зла заслуживает более высокой оценки, чем борьба, которую по-своему вел С.Д.П. Были сотни людей, чей голос звучал куда громче и чьи взгляды были куда последовательнее взглядов С.Д.П.

В самом деле: признавая, что «Греч прославляет Булгарина, а Булгарин — Греча», что «Иллюстрация» (журнал Н. В. Кукольника) становится «все гаже», он все же помещает библиографические материалы и в «Северной Пчеле», и в «Иллюстрации»; с отвращением вспоминая «незабвенного» (или, как тогда говорили, «неудобозабываемого») императора Николая I и, словно тургеневский Рудин, мелькнув на баррикадах Французской революции, он в то же время твердо верит в коренные перемены при Александре II.

Не лишена наблюдательности характеристика, данная ему в «Доме сумасшедших в Москве в 1858 году» Е. П. Ростопчиной:

...чудак премилый
Резвый крошка в сединах,
От пеленок до могилы
Вечно сущий впопыхах:
Встарь с покойным Лафайетом *
Рукожатья обменял...
После споры с целым светом
Обо всем предпринимал.
Библиографом прослывши,

* С. Д. П., как утверждала московская легенда, в самом деле познакомился с Лафайетом во время революции 1830 г. во Франции.

Он иголки делать стал
И с летами не остывши
Суетиться продолжал...
Как Чадаев наш покойный,
С *сими*, с *оными* он друг,
Партий бранью непристойной
Не смущает свой досуг[63].

Последнее замечание Ростопчиной относится к сторонней позиции, занятой С.Д.П. по отношению к западникам и славянофилам, но в какой-то степени оно справедливо и в более общем плане. Правда, в одной области компромисс для С.Д.П. никогда не был возможен — отвращение его к политической цензуре постоянно. Вся его библиографическая работа прошла под знаком борьбы с цензурой: может быть, с тех пор как он увидел в библиотеке деда таинственное сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву», он проникся ненавистью к цензуре как форме подавления свободомыслия, широко применявшейся царским правительством. И поэтому картоны его полны сохраненными от гибели, скрытыми до времени от посторонних глаз запрещенными цензурой изданиями, уничтоженными (да, видно, не до конца), брошюрами и журналами и, наконец, просто списками тех произведений, которые к печатному станку не допускались. Он был первым, кто упомянул в печати пушкинскую оду «Вольность»; и первым, кто опубликовал очень краткую (в петитной сноске) библиографию трудов Радищева, и он же был первым, кто в своей книжке, изданной за границей, сообщил биографические данные об А. И. Герцене. Он просто-напросто никогда не мог примириться с тем, что произведения авторов, проповедующих идеи благородные и пробуждающих лирой чувства добрые, по чьей-то злой воле не доходят до читателей. И делал то, что было в его силах,— переписывал и хранил эти творения для потомков. В этой роли библиофила-собирателя и библиографа-собирателя С.Д.П., не будучи уже в свое время единственным, все же никому не

уступал, а во многих случаях ему по праву принадлежит пальма первенства...

Итак, Полторацкий снова в Авчурине, в нетопленой холодной библиотеке (прошли времена, когда огромный дом был полон гостями, приживалами и слугами). Теперь топятся только реально обитаемые комнаты, а библиотека во флигеле редко посещается без хозяина. В какой-то момент у него возникает мысль все же продать авчуринские книжные фонды и чтобы поправить дела, и чтобы спасти их от возможного распыления. Он советуется с Соболевским и в ответ получает «Мнение некоего библиофила о библиотеке Полторацкого» — то самое, о котором мы обещали рассказать, когда отмечали вопиющую несправедливость оценки Соболевским библиотеки Пушкина. Теперь действительно было другое время и другая цель: уберечь Авчурино... даже от поползновений самого его владельца, доказать С.Д.П. нецелесообразность продажи. Ход мыслей С.А.С. естествен: сколько раз уже выходил Полторацкий из передряг, а хлебниковское собрание процветало и пополнялось; теперь он возвратился в Россию, а значит, надежды не потеряны. С.Д.П. кстати, отлично понял смысл послания, которое вы сейчас узнаете (отсюда и появилось в дарительной надписи выражение «опорочивателю авчуринской библиотеки»). Соболевский писал: «Сколько мне известно по видаемому и слышанному, библиотека С.Д.П. как в меркантильном, так и в ученом отношении *огромная дрянь*, кроме некоторых специальностей, о которых будет говорено ниже.

Итак, если С.Д.П. желает продать когда-либо оную, то следует ее прежде всего разделить на части, из коих многотомнейшая ничего не стоит...» С.А.С. знал, что бьет в самое больное место. С.Д.П. был слишком многоопытным библиофилом, чтобы не понять: в тот момент, когда библиотека разделяется на части, она умирает, и никогда на это добровольно не пошел бы, что и требовалось доказать. Но продолжим «Мнение»: «Эта многотомнейшая часть состоит из французских книг новых и новейших, литературных и ученых. Книги эти в

Париже продаются в лучших переплетах по 1-му, 1 1/4 или по 1 1/2 франку за том, никак не более; в Россию их тоже навезено огромное количество... Итак, очистив из библиотеки С.Д.П. все книги не русские, не относящиеся до России, не относящиеся до библиографии, составится огромная масса книг, весьма мало стоящая в розницу и еще менее по совокупности, ибо они более или менее есть у каждого...»

Ну, разумеется, если из воды «выплеснуть» авчуринского «ребенка» — книги русские, о России и библиографию, то там останется одна вода. Но С.А.С. отлично понимал, что «ребенка»-то С.Д.П. никогда не отдаст добровольно! А вот и вывод: «И так, любезнейший С.Д.П. оставь вздорные мечты о продаже своей библиотеки. Никогда капитала на ней не составишь, а выручка такая пустячная, что она не стоит той огромной жертвы, которую приносит библиофил, расстающийся со своими книгами, доколе у него есть для них помещение»[64].

Помещение еще было, и С.Д.П. легко дал себя уговорить. Пока что он принялся за создание каталога авчуринской библиотеки. Приступив к этому делу, он решил было не писать никакого вступления, ибо они «редко читаются» и... написал длинное предисловие. Пожалуй, он хорошо сделал, ибо описание библиотеки, состоявшей приблизительно из 20 тысяч названий, остановилось на 10-м номере (потом, правда, были еще попытки — о них ниже). Зато это (написанное по-французски) предисловие существует как документ библиофильской деятельности и мы приведем из него выдержки[65].

«Плоды, которые оно (чтение.— *Авт.*) дает,— пишет Полторацкий,— хороши всегда, выше всего они ценятся на склоне лет; оно приносит счастье, оно также создает возможность сделать счастливее общество». Такой подход к книгам и собирательству всегда был присущ С.Д.П.— представляется, что это идет от демократических традиций, которые были завещаны ему дедом и матерью. «Это пылкое стремление к постоянному самообразованию, особенно когда оно подкрепляется достаточным благосостоянием (здесь ведь не только сожаление об

уходящем достатке, но и трезвая оценка того контингента лиц, которые могли в прошлом веке иметь значительные книжные собрания.— *Авт.*) — неизбежно приводит к *потребности в книгах* и к необходимости приобретать книги. Их количество порой представляется пугающим, как и цены, но желание обладать книгами всегда оказывается исключительно острым, ибо в сущности всякая книга содержит что-нибудь драгоценное, интересное, важное, пикантное и вообще привлекательное для любителя. В какой-то момент он позволяет себе то, в чем до сих пор себе отказывал. Так незаметно образуется собрание, создается библиотека, а страсть собирателя требует ее умножения и вот она разрастается до степени коллекции библиографических сокровищ». Такая формула, по правде говоря, не столько объективна, сколько автобиографична. Полторацкого всегда отличала благородная библиофильская «жадность»: к ускользающей книге, а еще пуще — к факту или оценке, в этой книге содержащимся. Здесь таится причина и отмеченной его «всеядности», и неосуществленности, вернее — незавершенности многих его замыслов. Обнаруживая новые библиографические детали, дополнительные сведения или, наоборот, неточности в каких-либо трудах, С.Д.П. не в состоянии был уже отказаться от их использования (или разоблачения) в статье, в заметках для себя, в письмах и т. д. В результате он сплошь и рядом блуждал по боковым тропинкам книжного леса. Так было и с пополнением библиотеки — пока были силы и средства, вопрос «купить или не купить» всегда решался для него в пользу первого варианта.

Все последующее в этом предисловии относится уже не к целям библиофильства, а скорее к его технике — способам хранения и упорядочения библиотеки, что также представляет интерес как обобщение хлебниковско-авчуринского опыта. Справедливо отметив, что его собрание не имеет ничего общего с так называемыми аристократическими библиотеками, где все заботы по сохранению книг, их каталогизации, пополнению и т. п. бывали переложены на плечи оплачиваемых библиотека-

рей-профессионалов, С.Д.П. пишет: «мы говорим здесь не об этих огромных библиотеках; мы говорим о великом множестве частных лиц всех рангов, у которых любовь к книге проявляется в том усердии, с которым они комплектуют свои собрания, часто весьма значительные, состоящие из тысяч разнообразных книг».

Итак, какие же трудности подстерегают «простых» любителей (не забудем о непременном условии — благосостоятельности и отсюда о некоторой узости библиофильских представлений С.Д.П.), каковы обстоятельства, которые могут превратить их библиотеки в хаотические и общественно бесполезные «сборища книг»?

Прежде всего — отсутствие системы в расстановке книг — с учетом их содержания, форматов и т. д. Это первый источник беспорядка. Второй — отсутствие грамотно составленного систематического каталога с алфавитным указателем (как тут не напомнить, что мы излагаем предисловие, предпосланное несостоявшемуся каталогу). Без каталога и без классификации книг владелец библиотеки блуждает в потемках, сам подчас не зная, что у него есть. Он даже способен в этом случае купить дважды одну и ту же книгу. Продолжающиеся издания, комплекты газет и журналов у таких библиофилов всегда неполны: их забывают соединять и переплетать, как, впрочем, и различные брошюры, которые следовало бы подбирать по темам, объединяя в сборники, но которые вместо этого попросту затериваются. Между тем, подчеркивает С.Д.П., тщательно и неуклонно комплектуемые, периодические издания рано или поздно могут стать бесценными (в этом-то он убедился, собирая всю жизнь Московские и Петербургские ведомости).

После разумного размещения книг на полках и составления каталога самое важное значение, по Полторацкому, имеет нумерация корешков книг (это уже хлебниковская традиция, которую С.Д.П. предлагает распространить повсеместно). Смысл он видит в том, что в этом случае книги не теряются и не перепутываются даже при полной или частичной переста-

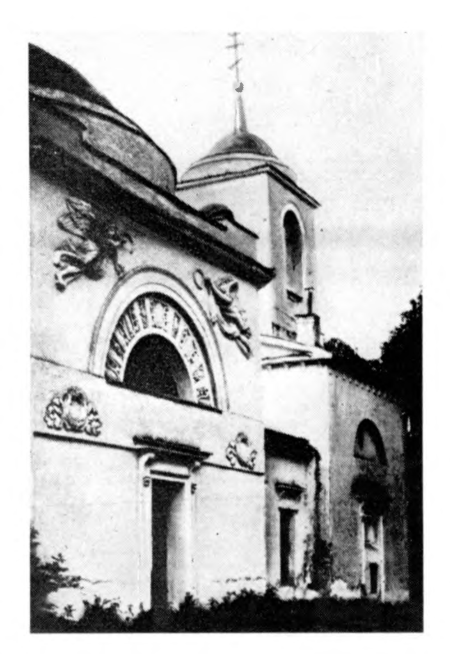
новке библиотеки. Без номеров на корешках, по мнению С.Д.П., библиотека быстро приходит к невероятному хаосу и в ней бывает невозможно разобраться.

Но мало однажды принять все эти меры по упорядочению библиотеки, предупреждает С.Д.П.,— нужно заботиться о ней повседневно. Если некогда составленный каталог не будет дополняться и исправляться, хаос все равно неизбежен. Важно найти достойное место в библиотеке эфемерным брошюрам и листкам, которые покупаются чуть ли не каждый день. Их необходимо переплетать в «Сборники документов» (помните хлебниковские «Достопамятные дела»?), не забывая при этом означить на титульном листе конволюта полный список всего включенного, и одновременно внести название каждого документа в соответствующий раздел каталогов. «С библиографическими владениями,— заключает С.Д.П.,— происходит то же, что и со всякими другими. *Если о них не заботятся,* они неминуемо гибнут, но забота эта не должна ограничиваться стиранием пыли». Может быть, автор имел в виду и печальную судьбу родовых игольных предприятий?

Таким образом, С.Д.П. оставил нам рецепт библиофильской техники, который, при всех отличиях библиотек прошлого от наших сегодняшних, в каких-то элементах применим в XX веке, как был он применим еще при Хлебникове. Жаль, конечно, что С.Д.П. допустил в данном случае разрыв теории с практикой (мы говорим о каталоге), но тут уж ничего не поделаешь.

* * *

Несчастья одолевали этого человека с неумолимой последовательностью: в 1859 г. в Авчурине произошел пожар, едва ли не до основания разрушивший большой дом, хотя и пощадивший библиотечный флигель. Это было начало конца, уже неотвратимого. Теперь друзья Полторацкого ищут выхода для спасения хотя бы основной части авчуринского собрания. Когда-то отказавшийся от помощи С.А.С., Полторацкий теперь сам просит, пока Соболевский будет за границей (1861—1862),

Авчурино. Никольская церковь. Середина XVIII — начало XIX в. Перестроена по проекту В. П. Стасова. Фото 1930-х годов

приютить его ящики с книгами. Разрешение, конечно, было дано, и на какое-то время библиотека Хлебниковых — Полторацких (частично, разумеется) и ее хозяин переехали к «Соболевскиане». К этому времени обозначился и некий выход: старый знакомый С.А.С. и С.Д.П. москвич А. И. Кошелев пожертвовал библиотеке Румянцевского музея 25 тысяч рублей на пополнение и переустройство. Само это пожертвование

было сделано не без расчета на авчуринское собрание — патриот, один из лидеров славянофильства, известный публицист, корреспондент А. И. Герцена, Кошелев попытался спасти лучшую русскую частную библиотеку. Было решено истратить из этих денег 6300 рублей на приобретение книг у С.Д.П. (формально даже не у него, а у мужа старшей дочери Александры — Сомова, поскольку личное имущество С.Д.П. в любой момент могло быть описано за долги).

И вот он принимается за новый каталог, даже за два. Первый должен был представлять собой сплошной список книг, передаваемых через Кошелева в музей. Второй, «прощальный» каталог С.Д.П. предполагал составить по всем правилам: с означением цен, важных библиографических сведений о книгах, даты их отправки А. И. Кошелеву, алфавитным указателем авторов и переводчиков. Этот второй каталог сохранился в архиве. Он перед нами... но в нем нет и двух десятков номеров. Приведем одно-единственное описание точно в таком виде, как у С.Д.П.,— может быть, читателю станет чуть-чуть яснее, почему Полторацкому так трудно порой было довести до логического конца свои самые лучшие библиографические начинания.

«Борнс. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832, и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы Александром Борнсом (с эпиграфом из Горация). Издание П. В. Голубкова, дейст. члена Русского геогр. общества, Москва, в Университетской типогр. 1848—1849. 3 части с 89 рисунками и картою Средней Азии. 3 р. Первое издание англ. подлинника вышло в Лондоне, в июне 1834 г. Второе в 1836 г. В конце статьи от издателя подпись: Платон Голубков, село Мышецкое, 1848 г. На обертках означено: «Переведено по поручению П. В. Голубкова».

Безыменный перевод сделан Георгом (Егором Егоров.) Мин. (Мин подарил мне две перв. части в Москве, вторн. 30 нояб.

1848, а 3-ю после). При первой части литографированный портрет Борнса в бухарском костюме»[66].

Нетрудно догадаться, что при таком подходе (а ведь одновременно заводились еще и отсылочные карточки на П.В.Голубкова и на Г. Г. Мина) и в создавшихся тогда условиях С.Д.П. не мог описать и сотни книг.

Надо сказать, что и по этому несостоявшемуся каталогу видно, какие ценные русские книги были отправлены 21 сентября 1861 г. (помета С.Д.П.) А. И. Кошелеву для последующей передачи в Румянцевский музей: здесь и «Полное собрание законов Российской империи», 1649—1825, 45 томов, Спб., 1830 (200 рублей золотом); Голиков, «Деяния Петра Великого и дополнения», М., 1788—1797, 30 томов (60 руб. серебром), «Ежемесячные сочинения», Спб., 1775—1784 гг., комплект за 10 лет, переплетенный в 20 томов (25 руб. серебром)... Всего на средства А. И. Кошелева Румянцевский музей приобрел из хлебниковско-авчуринской библиотеки 7250 томов. Это была, конечно, основная и важнейшая часть собрания — та самая, которую С.А.С. в своем «Мнении...» выделил как наиболее ценную. Все эти книги и сейчас хранятся в Ленинской библиотеке, правда, уже не в отдельной галерее, как было в первые годы,— С.Д.П. очень этим гордился — но зато доступные самому широкому кругу читающих...

Среди увлечений Д. В. Ульянинского, которого мы уже не раз упоминали, был интерес к рукописным каталогам русских частных библиотек. Он выискивал их, где мог, и приобщал к своей коллекции, описанной в известной книге «Библиотека». Вот как он объяснял этот свой интерес: «Я с особым старанием собираю рукописные каталоги разных библиотек, преимущественно частных лиц, причем наиболее ценю, конечно, старинные каталоги. И действительно, пожелтевшие страницы этих рукописей живо рисуют перед нами духовные запросы и интересы среднего русского человека в более или менее отдаленном прошлом»[67]. Собиратель каталогов был, конечно, прав, чему сам представил множество доказательств. Но сейчас

нас интересует только одна его находка. В 1895 г. Дмитрий Васильевич набрел при распродаже библиотеки Н. П. Дурова на пачку листков, исписанных рукою С.Д.П. На первом из них значилось: «Накладная имеющих являться ящиков, могущая служить неким каталогом». По словам Ульянинского, эти 72 листка (144 стр.) были составлены в 1869 г. и охватывали 803 названия в 4295 томах. Это была еще одна, количественно немаловажная часть авчуринского собрания — в основном французские книги (хотя были и комплекты русской периодики). Думаю, что речь шла о той части библиотеки, которая осталась в России после отъезда С.Д.П., но была предназначена к реализации. По сведениям У. Г. Иваска, книги С.Д.П. попали к Г. А. Черткову, Р. Г. Чистоклетову и даже к стародубскому книгопродавцу Неронову. Вот почему почти в каждой большой библиотеке, в каждой крупной коллекции библиофила попадается что-нибудь «авчуринского происхождения».

1 марта 1864 г. широко отмечалось 300-летие первой московской печатной книги. Общество любителей российской словесности специально отпечатанными адресами поздравило всех своих членов. Получил поздравление и Сергей Дмитриевич. В ответ он заказал изящный типографский бланк и отпечатал на нем в единственном экземпляре свой ответ:

«В воскресенье, 1 марта и половину ночи был я занят воспоминаниями о *первой* московской книгопечатне... думал о заседании, долженствовавшем в эту достопамятную для истории русского просвещения годовщину быть в нашем Обществе... в родной Москве и перечитывал подробные статьи, отмеченные в моих записных книжках о *первопечатной* Московской книге «Деяния Святых Апостолъ»... 9 марта в девятом часу утра я сердечно был тронут памятью Общества обо мне, получив от него печатное на мое имя приветствие в рамке от Станка Петра Великого, по случаю исполнившегося 1 марта сего 1864 года

ТРЕХСОТЛЕТИЯ МОСКОВСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Искренне благодарю наше Общество за его доброе приветствие.

Сергей Полторацкий»[68]

Это был едва ли не последний привет из разоренного Авчурина.

Но давайте заглянем туда еще раз через несколько лет после того, как С.Д.П. окончательно перебрался в Петербург, чтобы уехать вскоре за границу. Это намерение осуществимо, поскольку, совсем еще тогда мальчик, сосед Полторацких М. М. Осоргин часто бывал в Авчурине в конце 60-х годов и описал свои впечатления в рукописи, хранящейся в Ленинской библиотеке: «Это было старинное родовое, очень богатое и в мое время уже разоренное имение. Дом, в котором жила семья, был раньше флигель для приезжающих, самый же дом сгорел за год до моего рождения*. В этом флигеле было комнат 30, но часть из них была закрыта за ветхостью потолков и полов; все стены коридоров, лестниц (флигель был двухэтажный с башнею на одном конце) были заставлены шкапами с остатками громадной библиотеки известного библиофила Сергея Дмитриевича Полторацкого, деда наших сверстников»[69].

Значит, кое-что осталось и дома! И служило с пользою — ибо Осоргин вспоминает, что в Авчурине была как раз в то время открыта школа для крестьянских детей, в которой учительствовали дочери С.Д.П. «Школа эта,— замечает мемуарист,— была в то время исключительным явлением, выходили из нее школьники сравнительно довольно развитые».

Последний документ архива Соболевского, относящийся к С.Д.П.,— вырезка из «Московских ведомостей», наклеенная сразу же после заметки о библиотеке Хмырова (помните строки, подчеркнутые С.Д.П.?). Читаем: «В Московском Губернском правлении, согласно отношению Калужского губернского правления... будут продаваться с 11 часов утра в 12 день июня сего 1869 года недвижимые имения поручика Сергея Дмитриевича Полторацкого... причем объявляется, что торги сии, как вторичные, будут последние и окончательные»[70].

Еще до торгов он уехал навсегда.

* Мемуарист родился 16 апреля 1861 г.

ГЛАВА 2

БИБЛИОФИЛ ДЕРЕВЕНСКИЙ И ЛИТЕРАТОРЫ СТОЛИЧНЫЕ

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.

А. С. Пушкин

УПРЯМСТВО ДРУЖБЫ

Полторацкий был надежным товарищем и любил своих друзей за дружбу. Многим он сделал добро в жизни. Первый пример, приходящий на память,— Николай Полевой, журналист, критик, немало послуживший русской культуре. При зарождении «Московского телеграфа», в дни расцвета этого «лучшего из всех наших журналов» (так считал Пушкин в 1825 г.), при его печальном закате и тогда, когда отрицательная оценка «Истории государства Российского», высказанная Полевым, когда сближение Полевых с Булгариным, протест против «аристократизма в литературе» отвратили от них Пушкина, Вяземского и многих других, С.Д.П. не поколебался. Он поддерживал старого товарища и своим пером, и дружбой, и деньгами. С.Д.П., быть может, был одним из

немногих, кто уже тогда понял, что при всей уязвимости буржуазного радикализма Полевого, критика по его адресу также весьма уязвима. В самые тяжкие для Н. А. Полевого годы, когда порой не было денег на хлеб, помощь приходила из Авчурина. Для Полторацкого литературная полемика отодвигалась на задний план перед необходимостью помочь человеку. С какой яростью обрушивался он на своих же приятелей, когда они едкими (порой остроумными и удачными, как Вяземский, порой грубыми, как в данном случае С.А.С.) эпиграммами обстреливали «купеческий лагерь» братьев Полевых!

П. А. Вяземский:

Есть Карамзин, есть Полевой,—
В семье не без урода.
Вот вам в строке одной
Исторья русского народа[1].

С. А. Соболевский:

Нет подлее до Алтая
Полевого Николая
И глупее нет от Понта
Полевого Ксенофонта[2].

М. А. Дмитриев:

Ты хочешь знать его, читатель:
Он третьей гильдии купец,
Второй он гильдии писатель
И первой гильдии подлец[3].

Последнюю эпиграмму долгое время приписывали Пушкину. Рассеял недоразумение С.А.С., написавший в тетради Лонгинова — Полторацкого (о ней мы еще расскажем): «М. Дмитриева — знаю наверное. Пушкин его (Н. А. Полевого.— *Авт.*) поддерживал, но за примирение с Булг. [ариным] бросил»[4]. Но чья бы она ни была, хоть бы и вправду Пушкина, Полторацкому она была отвратительна, потому что тяжко оскорбляла человека, ему близкого.

Об эпиграмме Вяземского С.Д.П. высказался недвусмысленно: «гадко»... На самом деле Вяземский отнюдь не был жесток в этой эпиграмме, он лишь нашел точный образ, чтобы дать достойную оценку «Истории русского народа» Н. А. Полевого. Но С.Д.П., вовсе чуждый квасного патриотизма и мировоззренчески далекий от Полевых, не хотел слушать плохое про своих друзей, даже если это была правда. Любопытно, что оба автора «Историй», упомянутых Вяземским, были близки семейству Полторацких: Карамзин, как говорилось, был другом отца С.Д.П., а Полевой — его самого. Историки были совершенно непохожи друг на друга, и их книги тоже. А вот отец и сын Полторацкие проявили общую черту: верность дружбе. Ведь и Карамзина вовсе не все принимали, судьба его великой книги даже до ее окончания складывалась не просто. Но для Дмитрия Марковича Полторацкого он был прежде всего другом. По правде говоря, действительного взаимопонимания между С.Д.П. и Полевыми в 30—40-е годы уже не было и быть не могло, но верность и преданность для С.Д.П. оказались всего дороже. Нужно было немалое мужество, чтобы пойти против течения и восстать против мнения людей, духовно близких, но волею обстоятельств, а отчасти и предубеждений, оказавшихся в роли обвинителей загнанного и растерявшегося человека. У С.Д.П. хватило на это сил. В 1841 г. П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому, рекомендуя ему Полторацкого: «Прошу его полюбить и жаловать. Он страстный библиотекарь, библиофил, библиоман, библиограф и отчасти биограф; к тому же мастер делать иголки и всем хорош, но есть и у него булавка в голове, а именно: он никак не может убедиться, что Полевой враль, невежда, негодяй!..»[5] Н. А. Полевой платил С.Д.П. взаимностью и бесконечной признательностью. Недаром он посвятил ему свой перевод «Гамлета» со словами:

He is a man. Take him for all in all
I shall not look upon his.
(Он человек был в полном смысле слова,
Уж мне такого больше не видать)

Отношения С.Д.П. с Полевым затрагивают и В. Н. Орлов в книге «Пути и судьбы», и В. Салинка в публикации писем Полевого к С.Д.П.[6], и В. В. Крамер в диссертации и статье[7]. Так что мы оборвем эту тему, лишь подтвердив примером твердую верность С.Д.П. давним дружеским узам.

СПОР О СОПИКОВЕ

Осенью 1857 г. С.Д.П. узнал о предстоящем выходе в свет журнала «Библиографические записки» (тогда их еще предполагалось назвать «Ведомостями русской библиографии»). На радостях он подарил одному из зачинателей этого издания М. П. Полуденскому свой портрет с надписью: «Поднесено Михаилу Петровичу Полуденскому при радостном известии о издании им с будущего 1858 года Ведомостей русской библиографии.

От подлинника. Москва, 4 октября 1857»[8].

Присутствовавший при сем акте С.А.С. написал на обороте портрета Полторацкого такой экспромт:

Все, что лишь логике противно,
Есть в том, с кого сей снят портрет.
И нам, друзьям его, не дивно,
Что белокурый он — Брюнет!

По-видимому, это одна из самых удачных эпиграмм С.А.С. Читатель уже знает, что Ж. Брюне (J. Brunet) — крупнейший французский библиограф, хорошо знакомый и тому, о ком писали, и тому, кто писал. Так что каламбур в последней строке всем понятен. Тут, правда, есть и такая деталь — еще в 1843 г. С.А.С. писал к С.Д.П.: «Вообще я желал бы, чтобы ты, имеющий денежные средства и охоту, занялся составлением русской библиографии и сделался бы нашим Словенским Brunet, собрав и пополнив то, что разбросано в Сопикове, Строеве, Кеппене и других. Богатое твое собрание газет и журналов

было бы для сего предмета неоценимое сокровище»[9]. Но смысл эпиграммы не ограничивается ни шуткой о брюнете и Брюне, ни другим точным наблюдением: на портрете С.Д.П. выглядит брюнетом, хотя в 1857 г. он был уже совсем седым (так что слово «белокурый» употреблено здесь в значении «убеленный сединами»)*. Несравненно важнее, что в эпиграмме Соболевского схвачена самая суть характера С.Д.П.: «все, что лишь логике противно», было в нем, и друзья С.Д.П. давно привыкли к неожиданности и своего рода «контрастности» его поступков.

Вот уж поистине эти два человека были «волна и камень», только сошедшиеся на почве библиографии. Они познакомились в 1825 г., а библиографическая переписка между ними — из разных городов, и из разных стран, и записочками в одном городе — началась в 1826 г. «Всего» через 42 года, 3 января 1868 г. С.Д.П. писал: «Завтра минет 42 годовщина твоему *первому* ко мне письму и поэтому твой завтрашний чай будет свидетелем 42-летнего юбилея нашей библиографической переписки»[11]. Того письма, 1826 г., в нашем распоряжении нет. Но вполне допустимо заменить его письмом от 11 июня 1829 г., которое цитируем, чтобы показать основной сюжет их многолетней переписки (вспомним, что С.А.С. тогда был за границей, а С.Д.П. в России). «Я шлю тебе первый год „Bibliographia Italiana“, издаваемый в Париже на манер „Bibliographie de la France“, ты его получишь через Киреевского»[12]. И в том же духе они сотрудничали четыре десятилетия на основе полной взаимности. Правда, идиллический обмен библиографическими подарками и новостями то и дело сменялся вспышками бурных споров. Скажем, они дискутируют о том, какой формат был у первых русских «Ведомостей» (в 12-ю долю листа, по С.Д.П., или в 8-ю — по С.А.С.). Соболевский, правда, придерживался

* Его внешний облик в то время (даже несколько ранее) описал Г. Н. Геннади: «Старик, сухой, худенький, видно много переживший, глухой, но чрезвычайно быстрый и живой, впечатлительный, суетливый, совершенный живчик...»[10]

какой-то официальной справки на этот счет, данной ему в Публичной библиотеке (и оказавшейся неверной). С.Д.П. просто бушевал: «В библиографии не принимаются официальные бредни... Можно ли серьезному библиографу, каков ты, ссылаться на официальные оправдания!! Где же врут и лгут, как не в *официальных* актах и указах и прочем официальном вранье?.. Формат 1703 г. in-12. Противного нет доказательств. Повторять in-12 (1703) буду не из упрямства, и не 9 раз, как ты заметил, а всегда и до последнего вздоха»[13]. Конечно, С.Д.П. понимал, что этот спор вообще довольно беспредметен, и «от этого ни тепло, ни холодно будет для истории политики и литературы», а уж С.А.С. и подавно — он спорил-то не без мысли подразнить Полторацкого. Тот и вправду огорчался, раздражался, да и не всегда был склонен к юмору в библиографических вопросах: «Нахожу, что жизнь моя такими пустословными спорами, ни к чему не ведущими, сокращена довольно. Твоего друга Пушкина печатают с бессмыслицами, а ты молчишь (ну, не совсем так — помните эпиграмму на Геннади? — *Авт.*), а о форматах кричишь на всю Гиспанию... То ли дело, если кто напечатает, что герцог Энгиенский приказал застрелить Наполеона I*, или что в Москве была трехдневная свобода печатания, или что Плутарх переводил Сервантеса — я первый возьмусь опровергнуть сплетню»[14].

В принципе С.Д.П. был совершенно прав: нужно знать меру в спорах о мелочах, даже если убежден в собственной правоте. Но беда в том, что при своей беспрецедентной библиографической аккуратности он незаметно для себя подчас опускался до совершенных пустяков, хотя признавал: «... лучше нам друг другу угождать и помогать, чем спорить и раздражаться». Зато С.А.С. иногда и в самом деле был склонен к библиографическому диктаторству и получал в этих случаях решительный отпор: «Ну тебе ли меня учить, да еще в таких заносчивых, циниче-

* Герцог Энгиенский был расстрелян по приказу Наполеона I.

ских и грубых выражениях... Впрочем, это твоя любезная, милая манера, и пора бы мне, в 34 года времени, к ней наконец привыкнуть. Какое для нас всех счастье, что ты не *Незабвенный**: ты бы все ученые и библиографические споры решал палкою и кнутом!»[15] Справедливости ради надо заметить, что С.Д.П. редко, но все же попадал впросак, что, правда, немедленно признавал, каялся и... обижался на С.А.С. Как-то он написал Лонгинову: «Есть комедия Перцова „Смешны мне люди". Это не одного Перцова комедия, а каждого из нас, кроме, разумеется, Соболевского. Он стоит выше всего рода человеческого»[16].

Надеюсь, читатель замечает, как раскрываются в этой переписке взгляды Полторацкого по более общим вопросам: и о «свободе печатания» и о «*незабвенном*», не говоря уже о позициях библиографических.

Порой Полторацкому приходилось отбиваться и от более серьезных обвинений. С юных лет не выносивший Булгарина и Греча, С.А.С. настоятельно требовал от своего друга прекратить сотрудничество с ними даже единой библиографической строкой. С.Д.П. считал, что дело не в том, *где* печатать, а исключительно в том, *что* писать. Он отвечал: «Зачем живешь ты не в центре Москвы, а на Девичьем поле. Это дело твоего вкуса и твоих удобств. Так и я — печатаю по моему вкусу и удобству не в „Современнике", а в „Пчеле"... „Современник" и компания выползает раз в месяц, „Пчела" пролетает шесть раз в неделю»[17].

В целом же библиографическая война между нашими героями немало приносила пользы им обоим и библиографии тоже. Это по достоинству оценивал и С.Д.П.: «Много дельного в твоих замечаниях, которые мне полезны и здоровы. Много вздора, который бесполезен и раздражителен»[18]. В какие перепалки они только не вступали: и о новонайденных пушкин-

* Так иронически называли усопшего Николая I.

ских текстах, и об анненковском и исаковском изданиях, и о первопечатных русских книгах, и об ошибках и достоинствах французских библиографов, и о такой, казалось бы, не очень существенной детали, как французская транскрипция русских собственных имен...

Остановимся только на одном сюжете, но зато это «сюжет века» (XIX), ибо спор об этом между ними начался в 1826 г. и кончился в 1870 г. со смертью С.А.С. Иначе, нет сомнения, они бы продолжали и долее обсуждать ту же проблему, ибо, как говаривал Полторацкий, «небо и земля мимо идут, библиография же не мимо идет»[19]. Это был спор о Сопикове. И это был спор о подходе к библиографии.

Ни один русский библиофил или библиограф не может пройти мимо первого свода отечественной книжной продукции, который был подготовлен книготорговцем и библиографом Василием Степановичем Сопиковым (1765—1818) и издан в 5 частях в 1813—1821 гг. под названием «*Опыт российской библиографии*, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с примечаниями о древних и новых книгах и их изданиях и с краткими об оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым».

В интереснейшем предисловии к «Опыту...» составитель, между прочим, оговаривал: «... при всем моем желании угодить любителям просвещения в своем отечестве и издать сию роспись как можно подробнее и вернее, я признаюсь, что во всей полноте не мог исполнить плана моего. Легко статься может, что здесь пропущены многие известные книги или важнейшие их издания; не удивительно, если встретятся ошибки во времени и месте печатания оных, неизбежные при первом опыте... Если бы знания мои и способности соответствовали желанию моему и усердию быть полезным обществу, я бы сделал гораздо более. Но я не ученый, следовательно не по

должности, а единственно по собственной моей охоте несколько лет занимался я сим скучным трудом»[20].

«Сей скучный труд», мало сказать, принес пользу российской библиографии и культуре, он стал совершенно незаменимым пособием для их изучения и таковым остается по сей день. А ошибки... С.Д.П. писал С.А.С.: «У Сопикова слишком 20 тыс. нумеров и в них 40 тыс. ошибок. Ты получишь их все постепенно. Приготовь для них Анбар, Сарай, Кладовую. В чулане не поместятся. Вот из 40 тыс. ошибок *первая* (остальные 39 999 получишь). № 6053. *Арендарка маленъкого Доминика.* Следовало: маленького домика. Какова! и еще курсивом и с прописною буквою: Доминика!!!»[21] Смешная, конечно, опечатка и, прямо скажем, лишь одна из многих.

А спор этот начался с того, что С.Д.П. «зачитал» (вот так хваленая аккуратность!) «Опыт...» у Соболевского. С.А.С. пенял ему 1 июля 1851 г.: «У тебя есть *мой* Сопиков, зачитанный твоею библиографичностью в 1828 году»[22]. И в ответ на возвращение экземпляра не унимался: «Любезный тезка — где-то в Конюшенной есть вывеска специалист для штанов и жилетов. У тебя открываю другого рода спесиалитет, а именно спесиалитет зачитывать Сопикова. Это вот почему. Мой Сопиков был переплетен, а полученный от тебя broshi, чему я весьма рад, ибо на моем был переплет гадчайший... но сие одинаково доказует, что ты не у одного меня зачитал Сопикова, а что есть еще другой несчастный, лишенный сего Tresora*.

Кстати о Сопикове, я всегда, перелистывая оный (а особенно первую часть) дивлюсь сему труду, сделанному, как ты знаешь, без всяких предработ»[23].

Ответ С.Д.П. не замедлил последовать и был, казалось бы, более чем убедителен: «Я сам благоговею перед трудом Сопикова, первенцем русской библиографии, но не могу не сокрушаться и не страдать, когда при каждой (à la lettre при каждой!)

---

* Драгоценность (*франц.*).

справке натыкаюсь на ошибку... Ошибок в заглавиях, годах, местах печатания, именах авторов, батюшки! сколько!

В алфавитной системе не соблюдено никакого порядка, никакой последовательности. Одна книга: *Краткое описание* означена при букве *К*. Другая: *Краткое описание* означена при *О* (!!). Открой часть 4, стр. 14, статью *Ода*. В каком беспорядке разбросаны они. Тут нет ни алфавитного, ни хронологического порядка, ни по именам авторов.

Ода на восшествие Екатерины II означена под № 7114 (часть 4, стр. 17), потом оды другие, а через три страницы означена в № 7157 (часть 4, стр. 21—22) *после* оды Павлу I опять ода на восшествие Екатерины II»[24].

Сейчас мы, конечно, говорим не о Сопикове, нас интересует прежде всего состязание двух библиофилов-библиографов прошлого века, из которых один, при всей своей библиографической культуре, и дотошности, и неподражаемой способности отыскивать забытые русские сочинения и иноязычные сочинения о России, не хотел понять, что без Сопикова не могло быть последующего развития русской библиографии, да и ошибок искать было бы не у кого; другой же при всей своей европейской образованности, остром уме и чувстве юмора не хотел признать, что выявление всех неточностей в «Опыте...» необходимо и для последующего полезно, а коли так — следует великодушно извинить горячность и ворчливость оппонента. Но увы...

В голосе Соболевского звучали металлические нотки: «Я не имею и к каждой строке, мною написанной, и к каждому слову, мною сказанному, того идолопоклоннического подобострастия, которым отличаются люди самонадеянные, мало что знающие и не ведающие своего малознания.

Итак, пока маститый библиограф С.Д.П. не издаст чего-нибудь значительного, обсужденного, полезного, толкового, я буду почитать Сопикова — первым нашим библиографом»[25].

Раздраженный С.Д.П. наносит еще один удар: «Идолопоклонники Сопикова (в числе которых находятся и идолопоклон-

ники Незабвенного)* с любопытством и восторгом могут узнать из № 3134 *Опыта* Сопикова важный и знаменательный исторический факт, что „Незабвенный" был крещен за два года до его *рождения*. Но и в этом идолопоклонники оправдать готовы *Опыт* Сопикова, сказав, что если Незабвенный и был крещен за два года до своего *рождения*, то это был только *опыт* крещения!!!»[26]

Речь идет и в самом деле о забавной и даже «политически опасной» ошибке в «Опыте»: «Ода на крещение Великого князя Николая Павловича» Г. Р. Державина помечена у Сопикова 1794-м г., в то время как будущий самодержец Николай I родился в 1796 г. Хорошо, что цензоры тогда еще «вкуса» к библиографии не проявляли.

В 1859 г. в споре о Сопикове появился как бы третейский судья — М. Н. Лонгинов, который сам помалкивал, но выслушивал жалобы обеих сторон. Полторацкий формулировал ему свою позицию: «Я не забываю... что Сопиков назвал свою книгу *Опытом*; но Соболевский *забывает*, что после первого слова заглавия (далее которого вышереченного первого слова С., как видно, и не читал Сопикова), после дескать первого слова *Опыт* напечатано: *Полный словарь*. Хороша же скромность претензии: Полный словарь и хорош же Полный словарь, в котором множество наврано и множество пропущено...

Соболевский советует мне бросить русскую библиографию. Посоветуй-ка ему оставить Сопикова в покое! Ведь я не вхожу же в споры о том, сколько книг издано в Андалузии о Христофоре Колумбе... Скажи С., вдобавок, что Сопиков в своем полном словаре, пропустив более тысячи важнейших русских книг, пропустил и *Новые ежемесячные сочинения*, которые издавались при Академии наук в течение 10 лет! Безделица! О фон Визине все переврано. Что сказали бы беспристрастные судьи (я не говорю о пристрастных), если бы аранхуезский

* Это уже политический намек: С. Д. П. обвиняет С. А. С. в консерватизме.

библиограф Дон Барка Бермудес де ла *Враньюторадо* издал полный Словарь испанских книг, в котором были бы пропущены Кальдерон и Лопе де Вега... Что бы сказали люди беспристрастные об этом аранхуезском библиографе, авторе полного словаря? И имели ли бы к нему доверие?»[27]

Намеки на испанские путешествия и пристрастия Соболевского были коньком С.Д.П. Столичный библиофил не оставался в долгу и упрекал коллегу в излишнем внимании к библиографии Вольтера в ущерб списку русской периодики, которого от С.Д.П. все ждали. Однако Лонгинову он писал о Полторацком довольно мягко: «Страсть говорить о чужих ошибках (лучше бы: их только показывать) помешает Сереже когда-либо что-либо сделать путного... У кого нет своих слабостей??»[28] Полемика об «Опыте...» долго кипела только в письмах. Она носила, так сказать, частный характер и была известна разве что нескольким приятелям наших библиофилов. Но в апреле 1858 г. спор стал достоянием печати. «Военные действия» открыл Соболевский заметкой в «Библиографических записках», где высказывал свое отношение к «Опыту...» и к «строгим Аристархам»*, его критикующим.

Полторацкий «протрубил контрнаступление» в «Русском вестнике». Собственно, речь в его статье шла о редком и «таинственном» издании — русском переводе книги аббата Рейналя «Философическая история о торговле в обеих Индиях». Объявление о предстоящем выпуске этой книги появилось в «Московских ведомостях» еще в июле 1787 г. Однако в действительности перевод сочинения Рейналя вышел в свет лишь в 1805 г. и был переиздан в 1834—1835 гг. Сопиков замечает, что французский подлинник книги состоял из 10 частей, но «русский переводчик, половину исключив, много тем уменьшил достоинство оного». Предъявляя претензии Сопико-

* Аристарх (II в. до н. э) — греческий критик, ставший олицетворением мелочных придирок к литературе.

ву по поводу этой формулировки, С.Д.П. уверяет, что Сопиков не мог не знать, насколько трудно было вообще выпустить книгу Рейналя: резко направленная против колониального господства Англии и против всякого порабощения одних народов другими, эта книга была запрещена по всей Европе и в Америке. В 1781 г. она была даже сожжена во Франции по приказу короля Людовика XVI. Сопиков же, возмущается С.Д.П., не совсем точно указал название книги и даты выпуска шести частей русского перевода. Сообщив действительно важные и интересные факты о крамольной книге, С.Д.П. переходит к полемике с «Библиографическими записками». Сопоставим некоторые замечания анонимной заметки Соболевского и подписанной полностью «Сергей Полторацкий, Авчурино близ Калуги, 24 авг. 1858» статьи в «Русском вестнике»[29].

«Библиографические записки»	«Русский вестник»
Рекомендуем критикам не трубить с радостию о найденных ошибках, а указывать их с благодарностию за сделанное.	О найденных и находимых ошибках никто с радостию не трубит: на них указывают напротив того с некоторым чувством прискорбия и с желанием их исправить.
Сколько раз случалось нам слышать упреки почтенному нашему Сопикову, который по сделанным наскоро запискам...	Делать наскоро, во-первых, не есть оправдание в большом и важном библиографическом труде, во-вторых, едва ли Аристарху может быть известно, каким образом тому назад 45 лет Сопиков «делал свои записки», наскоро или иначе.
...по указаниям памяти, без предшественников, без средств...	У Сопикова напротив этого были все средства. Эти средства состояли между прочим в том, что он имел в руках, как явствует из многих его показаний, почти все описанные им книги, и, несмотря на это, он означил их большею частию неверно.

...без предварительного образования, а все-таки издал для России под скромным названием Опыта книгу, какой эти строгие Аристархи не осмеливаются даже переиздать...

Строгий Аристарх «Библиографических записок» вызывает других на подвиг едва ли полезный «осмелиться переиздать Сопикова». К чему послужило бы такое переиздание и почему он сам на это не отваживается?

...ныне при всем обилии имеющихся у них теперь под рукой способов, собраний и накопленных с тех пор изысканий и материалов. Не в библиографии ли всего легче заметить былинку в глазу ближнего и не рассмотреть *бревна* в своем собственном?

Но где же и у кого найдено Аристархом это библиографическое бревно? Он сего не указывает, и выстрел в это мнимое бревно пропадает втуне.

Читателю предоставляется возможность судить, кто был прав в этом долгом споре, и выявился ли здесь вообще победитель. Как бы то ни было, два библиографических, библиофильских (человеческих!) характера проявились в полной мере: жизненное и библиографическое хладнокровие, соединенное с известной осторожностью и расчетом, вступило в решительный бой с импульсивностью, открытостью, даже отвагой и библиографической добросовестностью, переходящей в некоторое крохоборство. Один из них умел скрывать свои чувства (а заодно и имя), другой умел только «подставлять бока».

Ну, а как же насчет «Опыта...»? В 1904—1906 гг. труд Сопикова был переиздан под редакцией, с примечаниями и указателем В. Н. Рогожина. Все библиографические «былинки и бревна» были выявлены, но остальное оставлено без изменений: наверное, так и надо переиздавать библиографические книги — оставляя нетронутым их текст и внося изменения как бы «на полях». Видно, время определяет оценку всякой литературы, в том числе и библиографической. Этого недоучел

С.Д.П., и поэтому не дано ему было оценить библиографический подвиг безвестного когда-то продавца книг. Резюмируем же теперь дебаты двух прекрасных русских библиографов оценкой «Опыта», сформулированной современным исследователем истории библиографии: «Труд В. С. Сопикова... явился результатом героической единоличной работы, особенно трудной в условиях отсутствия сколько-нибудь удовлетворительного национального книгохранилища»[30].

В Библиотеке им. В. И. Ленина хранится экземпляр «Опыта...», принадлежавший некогда С.Д.П. Он весь испещрен пометками, помарками, библиографическими восклицаниями и вопросами. Нисколько не сомневаюсь, что с этим экземпляром справлялся и В. Н. Рогожин, и все, кто изучает «Опыт...» и историю нашей библиографии.

Но в таком случае труд С.Д.П. был не напрасным, и победителя в дуэли все же нет.

Соболевский вовсе не так сурово относился к Полторацкому в жизни, как в библиографии. В письмах его к Лонгинову (в частности, во время последней заграничной поездки) то и дело встречаются вопросы о Полторацком, о Сереже, о «злодее»: «Что делает Полторацкий? Напиши мне об этом подробно. Уваров рассказывает, что имение его уже продано. Неужели так? да и все ли? Бедный Сережа!»[31] Или: «Пиши мне подробнее об бедном Сереже. Вот тебе и книги. Habent sua fata libelli!!!»[32] А вот еще любопытная реплика: «Посмотри в первом томе нового издания Brunet, какие мне похвалы. Главная их цель была надоесть Сережке, да жаль, что ему не до этого»[33]. Так уж они были привязаны друг к другу, что ни строки не опубликовали без оглядки на «злобного» оппонента. Поэтому напрасно Я. Ф. Березин-Ширяев безоговорочно принял на веру какие-то не дошедшие до нас критические выпады Соболевского по адресу С.Д.П. Однако сама защита Полторацкого, которую предпринял Ширяев, не лишена интереса. Вот отрывок его письма к С.А.С. от 5 октября 1869 г.: «С грустью прочел я в вашем письме отзыв о трудолюбивом и усидчивом

библиографе С. Д. Полторацком. Вы говорите, что он исписал стопы бумаги, ничего не сделал полезного и умрет без следа. Не могу судить о его писании, потому что знаю о нем только понаслышке, если же, как вы говорите, он был одержим страстью ругать Сопикова, то это, конечно, не извинительно и не простительно такому известному библиофилу... Что же касается до мнения Вашего, что Полторацкий ничего не сделал и умрет бесследно, то я с этим не могу согласиться. Полторацкий, как мне известно, собрал себе громадную библиотеку, в которой находится немало библиографических редкостей. Может быть, эти библиографические сокровища утратились бы навсегда, но благодаря его страсти они спасены и могут обогатить историю русской библиографии. Разве это не есть полезное дело? Имя его также никогда не забудется библиофилами, о нем всегда будет напоминать полный экземпляр «Ведомостей» 1703 года, хранящийся в Императорской Публичной библиотеке. Этим памятником он сделал навсегда незабвенным свое имя. Очень жаль, что Полторацкий не издал описания своей библиотеки, в нем наверное встретились бы многие сочинения, не известные библиографам»[34].

Вот уж поистине — на всякого мудреца довольно простоты: не столь образованный и Европы не посещавший Яков Федулович очень точно, хоть и не полно определил заслуги С.Д.П. и даже вообще объяснил, за что же все-таки (наряду с прочим) стоит уважать библиофилов. Правда, Ширяев ломился в открытые двери, потому что С.А.С. побольше знал о достоинствах и полезных делах своего друга, но не склонен был выражать это вслух — он соизмерял сделанное с тем, что можно было бы сделать. Итог получался неутешительный.

В июле 1871 г., через десять месяцев после смерти С.А.С., Полторацкий никак не мог добиться у дочери, чтобы она отыскала в «Московских ведомостях» статью М. Н. Лонгинова о «покойном 45-летнем моем приятеле Сергее Александр. Соболевском». «Вырежь статью и пришли мне в письме»[35],— просил он...

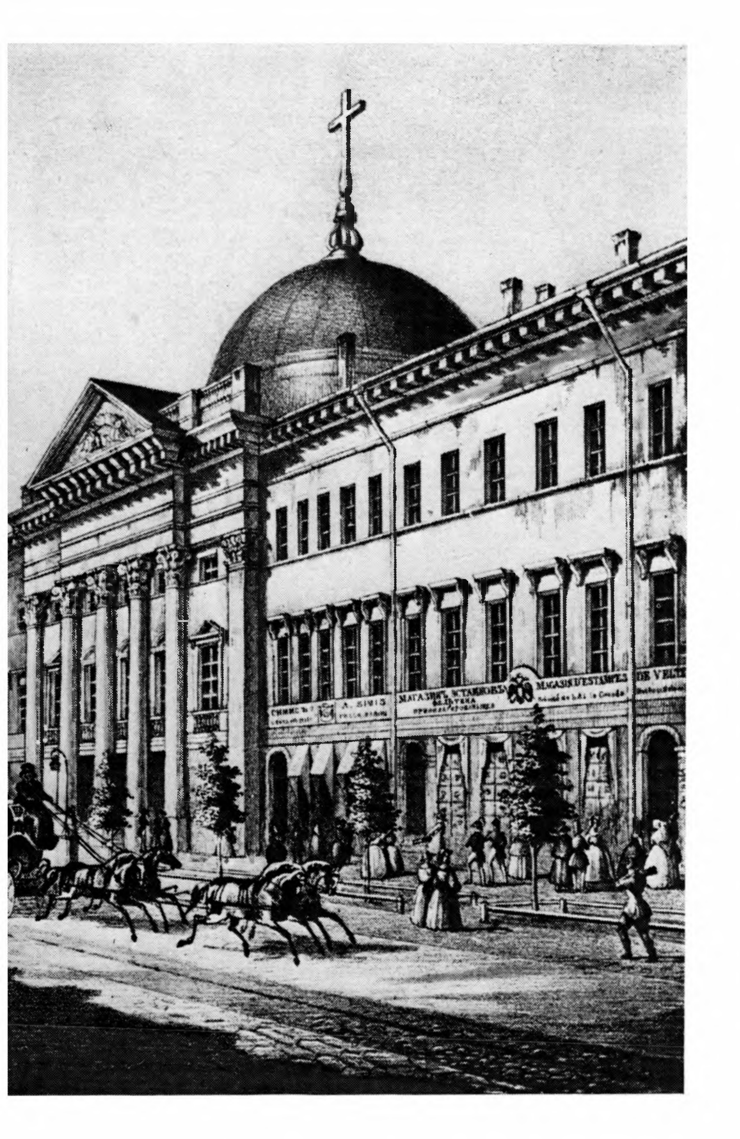
«ТЫ СОВЕРШЕННО ЗАБЫЛ МЕНЯ, МОЙ МИЛЫЙ»

Как часто в книгах, статьях и заметках, старых и новых, встречаются эти два слова — «друг Пушкина». Если иметь в виду одностороннюю, так сказать, дружбу — восхищение гением русской литературы, сопровождавшееся вдобавок счастьем знакомства с ним, то такой подход возражений не вызывает. Однако круг лиц, бывших личными, близкими друзьями Пушкина, расширять, на наш взгляд, не следует, если только не найдутся какие-либо веские доказательства такой дружбы. В конце концов, с точностью определить поименный список своих друзей — в высшем значении этого слова — мог бы только сам Пушкин.

В этом смысле Сергей Дмитриевич Полторацкий другом Пушкина никогда не был. Конечно, можно было бы привести ряд сведений о приятельских отношениях между ними, но, право же, рассказ о встречах за карточным столом менее важен, чем о не столь частых, но все же существовавших библиофильских контактах.

Знакомство их, скорее всего, произошло в доме Олениных в 1817 г., когда С.Д.П. был еще 14-летним мальчиком. Предположения о возможных соприкосновениях Пушкина и С.Д.П. в Одессе ничем не подтверждены. Вторая встреча была в Москве осенью 1826 г. в доме Полторацких за Калужскими воротами. Этот замечательный трехэтажный дом, увенчанный высоким куполом, славился на всю древнюю столицу. Здесь собиралось общество интереснейшее — писатели, ученые, передовые умы России. Здесь хранилась немалая часть хлебниковской библиотеки, и невозможно себе представить, чтобы Пушкин, чей визит вскоре после возвращения из ссылки к Полторацким на Калужскую документально зафиксирован, с книгами не знакомился. Этот факт важен для нашей темы, и мы его подчеркиваем. С.Д.П. вспоминал о той встрече: «У меня была рукопись этого стихотворения (оды „Вольность“.—*Авт.*) с 1821

A. SIMIS
МАГАЗИНЪ ЭСТАМПОВЪ
MAGASIN D'ESTAMPES

года. Я ее показывал Пушкину в Москве в сентябре 1826 года в нашем доме за Калужскими воротами и просил его посмотреть и поправить. Но он не исполнил моей просьбы и не хотел даже взглянуть на Оду. Но умилостивился в отношении своего стихотворения „Кинжал“». Увидев на странице 106-й (рукописной книжки in-8), что „Кинжал“ не дописан, Пушкин взял перо и написал сам последние семь стихов с половиною и под ними подписался «Не А. Пушкин». В последнем стихе он сделал следующую ошибку: «И на торжественном могиле»[36]. Впоследствии пушкинисты выяснили, что в списке Полторацкого было 17 ошибок. Может быть, Пушкин нарочно сделал 18-ю?

Сохранилось свидетельство о том, что 19 февраля 1827 г. С.Д.П. был вместе с Пушкиным, Мицкевичем, Соболевским на вечере у Н. А. Полевого. Можно с большой долей уверенности утверждать, что Полторацкий присутствовал по крайней мере на одном московском чтении «Бориса Годунова». Отметим еще ряд встреч Пушкина с С.Д.П., носивших в какой-то мере библиофильский характер. Сохранился экземпляр первого издания «Полтавы» (Спб., 1829) с надписью на шмуцтитуле: «Полторацкому от Пушкина. 2 апр. 1829 г. Москва». Книга эта впоследствии принадлежала И. С. Остроухову в Москве, купившему ее в книжном магазине П. П. Шибанова. В 1929 г. после смерти владельца «Полтава» поступила в Третьяковскую галерею, а оттуда была передана в Литературный музей. На Пушкинской выставке в 1887 г. «мелькнул» экземпляр «Цыган» с дарственной надписью Пушкина Полторацкому. Однако дальнейшая судьба этой книги неизвестна.

К 1836 г. относятся два важных эпизода библиофильских контактов Пушкина с С.Д.П. Причем в обоих случаях речь идет о подарках Пушкина владельцу авчуринской библиотеки и, следовательно, о его сочувствии собирательскому делу. В последние годы жизни библиофильские увлечения Пушкина стали особенно заметными, и отношения с обоими героями нашей книги сыграли в этом не последнюю роль. «Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится»,—

пишет Пушкин Наталье Николаевне 29 мая 1834 г.[37]. «Что-то дети мои и книги мои?» — спрашивает он ее в письме из Москвы от 14 и 16 мая 1836 г.[38].

Первый эпизод общеизвестен: как раз накануне самой последней поездки в Москву и после возвращения из Михайловского с похорон матери Пушкин подарил Полторацкому несколько комплектов «С.-Петербургских ведомостей» и комплект «Московских ведомостей» за 1759 г. (неполный). Эти газеты Пушкин привез из Ярропольца — имения деда Натальи Николаевны по материнской линии генерал-поручика И. А. Загряжского. Генерал Загряжский в свое время получал «Ведомости» по подписке. Зная особенности авчуринской коллекции и сочувствуя хлопотам С.Д.П., Пушкин передал ему эти комплекты. Трижды принимался Сергей Дмитриевич за переборку пушкинских газет, первый раз 2 мая 1836 г. — сразу по получении; второй раз 20 января 1841 г. — в Авчурине, где перечислил все годовые комплекты газет, повторил дату получения их от Пушкина и у одного из номеров сделал надпись: «В перепл. в саф. с зол. обр. в память его», что, видимо, надо понимать так: «отдал в переплет в сафьян с золотым обрезом» в память Пушкина. Наконец, еще одну разборку пушкинских газет С.Д.П. устроил 13 мая 1857 г. в Москве, как о том свидетельствует помета на составленном списке[39].

Второй эпизод мало известен и едва ли поддается дальнейшей детализации. Речь идет о коротком комментарии к списку статьи Пушкина «Радищев», включенном в тетрадь Лонгинова — Полторацкого. Лонгинов записывает: «У Пушкина был печатный экземпляр (книги „Путешествие из Петербурга в Москву". — *Авт.*)* и он незадолго до смерти *подарил* его С. Д. Полторацкому с тем, чтобы оставить его у себя на несколько времени. Вскоре он умер, и Полторацкий его, разумеется, не получил»[40]. Слово «подарил» в этой записи,

* Об этом экземпляре говорилось в первой части книги.

видимо, пропущенное Лонгиновым, вставлено рукой Полторацкого.

Слишком мало у нас данных, чтобы расшифровать истинную картину, скрывающуюся за этой интересной записью. Пушкин очень дорожил этим редчайшим экземпляром, только перед тем купленным, и трудно себе представить, чтобы с легкостью от него отказался. Однако всякая фальсификация со стороны Полторацкого совершенно исключена. Память его в таких случаях тоже никогда не подводила. Может быть, Пушкин все же не устоял перед напором темпераментного библиофила? Вместе с тем нельзя забывать, что у С.Д.П. был и свой, хлебниковский экземпляр «Путешествия», украшающий теперь фонд Ленинской библиотеки. Вполне вероятно, что это обещание было «выпрошено» в тот самый день, когда Полторацкий получил от Пушкина «Ведомости»*.

Хотелось бы обратить внимание на то, что «Путешествие» как бы объединяет библиофильские интересы Соболевского, который некогда предоставил свой экземпляр книги Радищева поэту, самого Пушкина и Полторацкого — поскольку ему был обещан пушкинский экземпляр. В этом нет никакой случайности. Дело не в том даже, что библиофильская ценность почти полностью уничтоженной книги была исключительна, но прежде всего в том, что всем троим было свойственно стремление утаить, сберечь, по мере возможности распространить и растолковать именно эту книгу, говорившую о самом для них сокровенном — о свободе. Линия Радищев — Пушкин по праву считается магистральной линией нашей литературы, и это отлично понимали, в частности, библиофилы пушкинской поры.

---

* Безусловно заслуживает внимания высказанное автору книги Н. Я. Эйдельманом предположение о том, что и «Ведомости» и «Путешествие» могли быть ответным даром Пушкина Полторацкому за библиографические материалы по «Истории Петра», над которой работал тогда Пушкин. Ведь и в самом деле хлебниковско-авчуринская библиотека была в этом смысле неисчерпаемым кладезем богатств.

Так что тема «Путешествия» не может не быть и важной историко-библиофильской темой...

Единственная сохранившаяся записка Пушкина Полторацкому, датированная 25 марта 1829 г. (не сохранившихся, конечно же, не существовало, иначе Полторацкий не был бы Полторацким), состоит из одной фразы: «Ты совершенно забыл меня, мой милый. А.П.» [41]

Он не только не забыл, но много сил и времени отдал тому, чтобы о Пушкине помнили и знали правду другие. С 1821 г. С.Д.П. собирал пушкинские рукописи, он имел непосредственное отношение к первой библиографической работе о Пушкине, опубликованной другом его И. А. Бессоновым в 1846 г. Наконец, он совершил едва ли не больше всех современников Пушкина для того, чтобы сделать его творчество и биографию известными на Западе. В конце марта 1834 г., например, он подготовил проспект издания пушкинских поэм во Франции: «Проекты для Парижа. 1. Кавказский пленник. Переиздать русский текст с параллельным французским текстом в переводе Шопена с портретом (из „Северных цветов") и с гравюрами, рисованными моей женой (Мария Петровна Киндякова)... окупится, а барыши Шопену*, да себе 25 экземпляров» [42]. В этом весь Полторацкий: барыши всегда шли другим, а экземпляры книг — ему (в лучшем случае). Эпизоды, связанные с пушкинским наследием, в жизни и библиофильской судьбе Полторацкого занимают настолько большое место, что они составили бы целую книгу: немалая часть их уже сообщена читателям пушкинистами, другая ждет «доследования» по материалам архива С.Д.П. Напомним здесь только еще об одной истории, которую можем детализировать по архивным разысканиям.

Авчуринская библиотека давала С.Д.П. возможность выявить стихи Пушкина (как и Вяземского и многих других) в

* Жан Мари Шопен — переводчик ряда произведений Пушкина на французский язык.

старых газетах и журналах. 10 апреля 1856 г. в «Северной пчеле» под рубрикой «Материалы для Словаря» он напечатал свои соображения о дате появления в свет стихотворения Пушкина «К другу-стихотворцу». Однако, как «удалось выяснить» Полторацкому, это было не первое печатное произведение юного поэта. Еще раньше в № 7 «С.-Петербургского вестника» за 1812 г. за подписью А. Пушкин было помещено длинное (126 строк) стихотворение «Страшный суд». Вот его-то и следует считать *первым* выступлением поэта на поприще литературы. Ужас обуял Полторацкого, когда буквально через несколько дней обнаружилось, что он грубо ошибся и «Страшный суд» никакого отношения к Александру Сергеевичу Пушкину не имеет. Нелепую ошибку Полторацкого разоблачил Вяземский, после чего С.Д.П. бросился в «Пчелу» с извинениями и объяснениями, передав также для публикации заметку Вяземского. В «извинении» С.Д.П. писал: «Я имел в виду определить с точностью время появления *первого напечатанного произведения* А. С. Пушкина. После же тщательнейших изысканий по этому поводу справки мои оказываются не точными, и я должен сожалеть, что не имел возможности обратиться своевременно к князю Петру Андреевичу Вяземскому, который находился в отсутствии из Петербурга и которому столь подробно известна вся русская литература...»[43]

П. А. Вяземский разъяснял: «В статье своей о Пушкине С. Д. Полторацкий как любознательный и опытный библиограф сказал весьма основательно, что следует быть осмотрительным, точным и внимательным при делании литературных и библиографических справок. Правило прекрасное, но и в лучших правилах все зависит от применения ... к действию. К сожалению в этой же самой статье... наш библиограф приписывает стихотворение „Страшный суд" 13-летнему Александру Пушкину, когда оно принадлежит уже очень в то время взрослому и зрелому в летах Алексею Михайловичу Пушкину, известному переводчику Мольерова Тартюфа... Самое стихотворение „Страшный суд" есть не что иное, как перевод из

Жильбера... слабый отголосок времен Княжнина и Хераскова, а не попытка 13-летнего отрока, который вскоре после того должен был прославить себя как певец „Руслана и Людмилы", „Кавказского пленника" и многих других творений»[44].

Что оставалось делать Полторацкому? Только заключить свое извинение такими словами: «Благодарю князя Петра Андреевича за это важное и любопытное разъяснение, не подлежащее теперь никакому опровержению»[45] и ждать страшного суда за «Страшный суд». Казалось бы, первым, кто не упустит случая поиздеваться над ошибкой С.Д.П., должен стать С.А.С. Каково же было изумление Полторацкого, когда еще до опубликования опровержения он получил от старого друга упреки в том, что перепечатал «Страшный суд»... не полностью! Этот отрывок письма С.А.С. отсутствует в архиве Полторацкого по той простой причине, что он аккуратно вырезал из письма слова «... поместил бы вполне „Страшный суд" Пушкина, он интереснее твоих возгласов», наклеил на листок бумаги и отослал назад Соболевскому со своим комментарием: «Но главное, главнейшее, бесподобнейшее: ты так же попал в просак, как и я. Мне непростительно; так порядочному человеку (ибо я непорядочный) еще непростительнее?! Ты... не знал, что эта дрянная пьеса не Пушкина-поэта. Я соврал — и сегодня же публично, печатно каюсь в том перед лицом всей России. Я попал в просак ужасный. Ты тоже... А теперь себе толкуй на досуге о шрифтах и форматах таких-то или других-то изданий... Поздравляю! Ты нашел эти стихи интересными. Ты полагаешь их пушкинскими». К счастью, Соболевский уже не стал ничего вырезать и отсылать обратно, а вместе со статьей из «Северной пчелы» вклеил письмо Полторацкого в 16-й том своего архива, где и предстает перед нами вся эта перепалка[46].

В раскаянии С.Д.П. стал с тех пор подбирать материал обо всех А. Пушкиных и нашел немало интересного. Но успокоиться он все же долго не мог и, признавая свой промах в письме к Лонгинову (от которого получил еще прежде опубликования статьи Вяземского убедительное опровержение атрибуции

«Страшного суда»), как коршун набросился... на Соболевского. «Ты прав, совершенно прав во всех твоих 9 пунктах,— писал он Лонгинову.—... Но всего важнее, забавнее, великолепнее, смешнее — это то, что Соболевский бранит меня непорядочным человеком и жалеет, что я *всю эту пьесу* Александра Пушкина (???) не напечатал в Пчеле!..!..

Он порядочный человек, наперсник, духовник всех деяний и помышлений Пушкина в течение 1/4 века, не знал, что это дрянное стихотворение, что эти вирши... не суть произведение его Поэта и Друга!!»[47]

«Так в ненастные дни занимались они... делом», как пошутил Пушкин, рассказывая Вяземскому о карточной игре (между прочим, с участием Полторацкого). Однако, говоря всерьез, забавная история со «Страшным судом», предстающая теперь как незначительный случай в истории поисков, уточнения, публикации пушкинских текстов, никого не порочит. Она лишь вновь подтверждает, что библиофилы пушкинской поры, С. А. Соболевский и С. Д. Полторацкий с юных лет и до последнего вздоха в меру своих сил и в рамках библиофилии и библиографии, боролись за правдивую публикацию и точное комментирование того, что создал Пушкин. Эта их борьба, многие эпизоды которой еще не до конца изучены, не должна быть забыта.

«ПОЛНО, МИША! ТЫ НЕ СЕТУЙ!»

Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) уже не раз появлялся в нашем рассказе. Он и в самом деле играл важную роль в том неоформленном, но реально существовавшем кружке библиофилов, в который входили и С.А.С., и С.Д.П. (при всем различии взглядов и характеров). Связующим звеном между М. Н. Лонгиновым и этими двумя людьми, старше его двумя десятилетиями, был несомненно Пушкин. Соболевский, один из ближайших друзей

Пушкина, свидетель его жизни и трудов, и Полторацкий, знавший поэта и собиравший рукописи, публикации пушкинских текстов, переводы его на все языки, были для Лонгинова олицетворением ушедшей пушкинской поры и источниками живых впечатлений и достоверных знаний о Пушкине. Лонгинов учился в Царскосельском лицее, и все пушкинское в юных и молодых годах было ему дорого. Следует даже сказать больше — в конце 50-х годов именно Лонгинов был среди тех, кто связывал в какой-то мере круг «Современника» с кругом «Библиографических записок». С.Д.П. относился к Лонгинову с обычным своим энтузиазмом, некоторые его статьи о Пушкине называл даже «золотыми»; С.А.С. видел в Лонгинове надежду русской библиографии и обращался к нему с библиографическими прожектами, исполнения которых долго и тщетно ждал от Полторацкого. Узнав, например, о появлении нового еженедельника «Молва» (1857), в котором сотрудничал Лонгинов, С.А.С. предлагал ему: «Тебе следовало бы помещать постоянный отдел библиографии журналов, начиная с „Московских ведомостей“ 1703 года, до самой этой „Молвы“. Эти статьи составили бы историю нашей словесности за последние полтора века. Сухое исчисление листов, нумеров, содержания и прочего ты мог бы приправить занимательными библиографическими и литературными россказнями, на которые ты великий мастер; самое же это сухое исчисление *необходимо* для основания, а для тебя возможно при средствах, кои представляют тебе твоя и Полторацкого библиотеки... Не бегай только за безусловною полнотою: она помешает тебе идти вперед. Да и зачем спотыкаться на оной. Разве нельзя впоследствии в том же журнале исправить или пополнить ошибочное или недостающее.

Такого рода работу я уже заказывал Сережке и *для примера* напечатал 10 сентября 1853 года статью в „Ведомостях“ о ведомостях 1703, 1704, 1705 и 1706, где нет ни единого моего слова, но где сведены его же, Полторацкого, изыскания, разбросанные по многим местам и заглушенные пустою полеми-

кою... возьмись за это ты и употреби в пользу его же бумажки, которые без этого когда-нибудь сгинут и пропадут. Это тем легче, что он на этот счет славный малый и готов делиться»[48]. Само по себе это послание чрезвычайно интересно для историков русской библиографии — оно говорит о методологически точном (и своевременном) подходе к решению важнейших национальных библиографических задач. То, к чему призывал Соболевский, то, что пытался выполнить и частично выполнил (да вот беда — не опубликовал) Полторацкий, значительно позже удалось Н. М. Лисовскому. И еще об одном говорит это письмо — о том, что не всегда стоит откладывать публикацию библиографических материалов, даже если не все еще завершено, даже если не до всего удалось доискаться... иначе поздно будет!

«Молва» скоро заглохла под прямым воздействием цензуры, одинаково ненавистной тогда и С.Д.П., и С.А.С. (С.Д.1½-цкому все-таки чуть-чуть ненавистнее), и, казалось бы, Лонгинову. В архиве Соболевского имеется такая эпиграмма М. Н. Лонгинова по случаю увольнения в 1863 г. с должности председателя Петербургского цензурного комитета В. А. Цеэ:

Еще переворот! Цензура при конце,
Отсечена глава у сей великой дуры.
Уволен от нее сенатор мудрый Це,
И стала уж она *ензурой* из цензуры[49].

Не правда ли — и остроумно, и зло, и решительно? Пожалуй, во сне не приснится, что это сочинил человек, который через восемь лет станет одним из самых отъявленных мракобесов, гонителей свободомыслия — председателем зловещего Главного управления по делам печати?! Да в одной ли эпиграмме дело! Лонгинов, например, был довольно близким приятелем П. Я. Чаадаева и писал Полторацкому о его последних днях: «С искреннею грустию должен прибавить... известие, которое, конечно, опечалит тебя не менее, чем меня. Вчера мы лишились Чаадаева!... В пятницу мы обедали с Соболевским у Шевалье.

Вдруг является согбенный, чуть двигающийся старец, лицо изрыто морщинами, глаза мутны, ввалились и окружились черными кругами, голос чуть слышный, похожий на предсмертное хрипенье. Это был Чаадаев... Это была его последняя беседа и последнее прощание с кем-либо из друзей... Мир праху благородного, исполненного желаний блага человечеству и верного в дружбе человека...»[49а]

Полторацкий, который ни под каким видом ни в юности, ни в зрелых годах, ни в нищей своей старости, на пушечный выстрел не подошел бы к Главному управлению по делам печати, отвечал: «Любезный друг, Лонгинов... получил я твое письмо с горестным и неожиданным известием о кончине милого, доброго нашего Чаадаева. Оно как громом меня поразило; сердце тяжело сжалось в груди. Грустно, глубоко грустно... Наш московский круг лишился в нем много невознаградимого. Никто уже не соединит нас вкупе, как мы соединялись у него, под его гостеприимным кровом. И соединялись не для того, чтобы играть, объедаться или наедаться, а чтобы в живом сочувствии размениваться мыслями, суждениями, убеждениями. Можем сказать, что мы без него в Москве осиротели, и где бы ни были в мире, нигде его не забудем»[50]. Вот такую переписку вел Михаил Николаевич Лонгинов в 1856 г.

Однако возвратимся к предложению С.А.С. Лонгинов воспользовался советом и многое опубликовал по материалам Полторацкого. Авчурино и объятия хозяина всегда были для него открыты. Вот и пример. Еще в 1833 г. С.Д.П. обнаружил в хлебниковско-авчуринской библиотеке в конволюте с другими изданиями журнал

МЕШЕНИНА
КАТОНОСКАРРОНИЧЕСКАЯ
Сочинение периодическое в стихах,
выходящее в свет для забавы покровителей наук,
знатоков и охотников.
Санктпетербург. В генваре 1773 года.

Заглянув, как привык, в «Опыт...» Сопикова, С.Д.П. от души расхохотался. В части III под № 3901 был зарегистрирован журнал «Мещанин», родившийся на свет исключительно из-за ошибки в двух буквах, допущенной либо самим Сопиковым, либо переписчиком. Получалось нечто вроде тыняновского поручика Киже. Под именем «Мещанина» журнал был упомянут в «Телеграфе» за 1827 г., а дальше пошло еще веселей: перепечатывая на французском языке заметку из «Телеграфа», журнал «Bulletin du Nord» (февраль 1828) перевел это название точно по смыслу: «Bourgeois». Поручик Киже был узаконен! Выяснив эту чудовищную нелепицу и восстановив истину, С.Д.П. на том и успокоился. Только возвратившись в Авчурино в 1855 г., он вновь наткнулся на старый журнал и написал М. А. Корфу: «Не позволите ли поднести Библиотеке Мешенину Катоноскарроническую? Это ненаходимая редкость, которой нет ни в библиотеке и нигде в мире. Это еженедельный журнал, изданный в 1773 году в Петербурге и прекратившийся после 2 нумера in=8. Заглавие этого журнала подало повод к забавным уморительным комментариям библиографов, потому что вместо Мешенины его назвали Мещанином. Сопиков (перед которым я благоговею, но не в той степени, в какой благоговеет перед ним Соболевский) (не утерпел! — *Авт.*) из буквы Е сделал Ѣ, а из буквы Ш сотворил Щ...»[51]

Вскорости всю эту историю узнал от Полторацкого М. Н. Лонгинов. В то время он из номера в номер печатал в «Современнике» «Библиографические отрывки», во многом основанные на авчуринских материалах (статью «Драматические сочинения Екатерины II» Лонгинов даже посвятил С.Д.П.). Заметку о «Мешенине» он закончил такими словами: «Библиограф неисцелим. Он нашел пустую книжонку; но она чрезвычайно редка — и он счастлив, и опять начинает искать другую, неизвестную, быть может еще пустейшую. Так и я жду с нетерпением, чтобы гений библиографии помог мне отыскать „Пустомелю“ и тогда опять оповещу тех, кому ведать надлежит»[52].

«Пустомеля» нашелся в Авчурине в 1858 г., и Лонгинов написал Полторацкому: «Гений библиографии должен состоять при тебе на посылках»[53]. Впрочем, может быть, С.Д.П. и был тем самым гением, или, как заметил ему Г. Н. Геннади, «все-таки вы библиография en personne*»[54].

Гений-то гений, а где-то в глубине души обидно, что и сведения о «Мешенине» опубликовал не он, а Лонгинов; и справку о «Ведомостях» напечатал не он, а С.А.С. (по этому вопросу С.Д.П., правда, и сам кое-что опубликовал). Ни в коем случае не следует вульгаризаторски сводить дело к тому, что Лонгинов попросту воспользовался чужим материалом. Отнюдь нет! Он не только сослался на С.Д.П., но и расхвалил его самого и авчуринскую библиотеку, так что здесь не придерешься. И все же... Многое, очень многое сообщил Лонгинову Полторацкий, и все, что знал о Пушкине, и материалы для книги Вяземского «В дороге и дома», которую издавал Лонгинов, и тьму справок о Фонвизине, и даже предлагал ему свои деньги, чтобы выпустить новое издание Пушкина — лучше и вернее анненковского. Вяземский с некоторой горечью писал Полторацкому о Лонгинове: «Труд его должен приводить тебя в стыд, под твоими ногами подкашивают твою траву»[55].

Тем болезненнее оказался для С.Д.П. крутой поворот Лонгинова вправо. Куда девался тот способный библиограф, остроумный и жизнерадостный человек, который «ниспровергал деспотию» в «Чернокнижной» — комнате для бесед Английского клуба в Москве, дружил с Чаадаевым и обрушивался на глупую цензуру? Сначала он стал орловским губернатором, а в 1871 г. неожиданно для всех был назначен начальником Главного управления по делам печати. Тут как раз, вскоре после смерти Соболевского, его посетил наш знакомый Я. Ф. Березин-Ширяев. Лонгинов заверил его, что теперь-то цензура переменится, станет либеральной и для всех доступной. Яков Федулович ушел умиротворенный. Но Лонгинов попросту

* Олицетворенная (*франц.*).

обманул доверчивого библиофила. Одной из первых акций Лонгинова был арест и уничтожение книги «Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе» (Спб., 1872); при этом глава управления по делам печати проявил особую ярость при встрече со свежей мыслью в науке и литературе: даже само слово «просвещение» казалось ему теперь крамольным и он велел добавлять к нему эпитет «полезное». Создавалось впечатление, что Лонгинов «изгиляется» нарочно, что никаких убеждений у него вообще нет, а цинично куражиться ему всего приятнее над прежними друзьями и еще в тех случаях, когда абсурдность запретов совершенно очевидна. Лонгинов, скажем, запретил издание Дарвина. По этому поводу А. К. Толстой обратился к нему со стихотворным посланием:

1

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо*,
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

2

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь....
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

3

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зерна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошелся с Моисеем...

5

Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья —
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотворенье?..

* Там и сям.

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто —
Ведь твое гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто![56]

Что верно, то верно! И в самом деле трудно себе представить нечто более отвратительное, чем лонгиновская эволюция. Пример М. Н. Лонгинова со всей очевидностью подтверждает, что интерес к библиографии и собирание самых лучших книг сами по себе вовсе не гарантируют прогрессивного значения того или иного библиофила в истории культуры. Если можно (да и то с оговорками) считать нейтральной коллекцию книг, оставшуюся после ее владельца, то при жизни его книжное собрание активно *действует* и эта деятельность, увы, далеко не всегда бывает благородной. И тот, кто держал дома за семью замками книги Радищева, Герцена или Рылеева, а выйдя за порог провозглашал вредность прогрессивной литературы, должен подвергнуться моральному остракизму в истории книжного собирательства.

Расцвет цензурной карьеры Лонгинова пришелся на то время, когда С.А.С. уже не было в живых, а С.Д.П. был во Франции. Там он обсуждал метаморфозу Лонгинова с И. С. Тургеневым. Тургенев, между прочим, предрек будущее кредо нового цензурного начальника в письме к С.Д.П. от 26 декабря 1871 г.: «От Лонгинова я жду всяких гадостей: в нем будет кипеть желчь ренегата»[57]. И оказался совершенно прав.

Полторацкий был верным товарищем и готов был закрыть глаза на многие слабости своих друзей. Но здесь был крайний случай. Всякие сношения между ним и Лонгиновым прекратились.

ГЛАВА 3

РУКОПИСИ—НЕ ИГОЛКИ

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?
....
Иль разве меж моих друзей
Двух-трех великих нет людей?

А. С. Пушкин

БЫЛ ЛИ СЛОВАРЬ ПОЛТОРАЦКОГО?

С иголками решительно не получалось: они не только что дохода не приносили, но и требовали постоянных хлопот, вложений денег без отдачи и отвлекали от библиографии (последнее—натяжка, ибо от библиографии Полторацкого ничто не отвлекало). «Думал я было подняться высоко вверх игольными нововведениями посредством небольшого капитала...» [1],—писал он матери в 1839 г. Но только ничего из этого не вышло. Зря, видно, Петр Андреевич Вяземский подбадривал его: «Чтоб был урожай твоим иголкам» или «Чтоб ты не сидел на иглах». Урожая иголкам не было, а «на иглах» С.Д.П. всегда сидел—характер был такой. Ближе к истине шутливые определения, придуманные Вяземским: «библиографи-

ческая душа», «европейский телеграф», «любезнейший из газетоманов», «не только библиофил, но и библиомил»...

Библиографическая душа его пробудилась с юных лет: «на восемнадцатом году возраста», в ноябре 1820 г. в Москве, своей родине, приступил он к сбору материалов для того грандиозного биобиблиографического труда, который он собирался назвать «Словарем русских писателей». Название это менялось и уточнялось — самый полный, кажется, его вариант: «Мой сборник биографический о русских достопримечательных людях. Собрание некоторых и указание всех печатных статей (биографических, некрологических, библиографических и критических), находящихся в русских старых и новых книгах и повременных изданиях». Обратите внимание, что речь идет не только об «указании» — т. е. о библиографическом описании всех статей, но и о «собрании» — т. е. о воспроизведении, перепечатке некоторых из них. Добавьте к этому еще, что словник будущего библиографического справочника (правда, заранее не составлявшийся, а как бы постепенно возникавший) охватывал сотни или даже тысячу имен — и не только беллетристов и критиков, но и всех писавших по-русски, а также и писавших о России на европейских языках. «Проект хорош,— замечал один из друзей С.Д.П.,— но когда будет исполнен?» [2]

Однако мы приоткрыли лишь часть космических планов библиографа, мечтавшего «составить полную, систематическую подробную российскую библиографию — библиографический список всем статьям, помещенным в русских журналах, словарь географический статистический России, биографический русских писателей...» [3] Здесь еще не упомянуты библиографические сведения об отечественной периодике, которые С.Д.П. собирал несколько десятилетий, надеясь в ответ на бесконечные уговоры друзей выпустить печатный свод периодики, столь необходимый литераторам и ученым. Г. Н. Геннади писал Соболевскому: «Вы недовольны тем, что нет полного описания... русских журналов. Да в какой же литературе есть такая опись?.. Дай бог добыть хоть просто список журналов, где были

бы заглавия, имя издателя, год, число томов и №№ и иногда краткое обозначение содержания, т. е. выписка программы... Я над этим бьюсь уже давно. Полторацкий мог бы помочь, я ему показывал свои листки.., да ведь ему гораздо занимательнее и важнее знать, что наврано в Bibliographie Universelle о русских писателях или искать ошибок в словаре Евгения, чем делать дело. Вот ему!»[3а]

Ошибки он и правда искал и разоблачал со страстью, но русской периодикой все же занимался. И еще библиографией Вольтера (которую напечатал во Франции), и русскими, и французскими псевдонимами, и историей революционных идей (также в плане библиографическом, конечно), и многим другим. Да и как ему не собирать было, скажем, все о Вольтере, если Вольтер был его кумиром «с младых ногтей». Как-то, объясняя истоки своих своеобразных отношений с религией, практически сводившихся к совершенному атеизму, С.Д.П. заметил: «Богом моего отца был Вольтер». «О Вольтере чего и когда не писали,— замечает С.Д.П.— Его переводили наперерыв, печатали переводы несколькими изданиями, хвалили, льстили, величали, превозносили до небес, бранили, порицали, хулили, топтали в грязь,— любопытна была бы библиография всех этих разнородных отголосков»[4]. Одновременно он подбирает вырезки и разнообразные сведения на тему, которая названа им так: «Материалы по истории прогресса, распространения и заката конституционных и либеральных идей в России»[5]. Это уж и подавно только в архиве можно было держать.

На упреки он ответил вежливо, но недвусмысленно, когда вышла в свет со многими ошибками составленная Геннади «Литература русской библиографии»: «Иногда осмеливался я советовать вам — не торопиться. Скорость хороша лишь блох ловить. В библиографии она не годится»[6]. А сам потихонечку приоткрывал для публики самую верхушку своего библиографического айсберга, печатая заметки по истории журналов, сообщая о редких книгах или публикуя — не словарь, нет, а лишь «Материалы для словаря русских писателей, собираемые Серге-

ем Полторацким». Ответвлений его библиографической деятельности не счесть, но главным для него всегда был «Словарь».

В октябре 1840 г. в Авчурине С.Д.П. в очередной раз принялся за «чистовик» Словаря и придумал к нему эпиграф из «Аонид» Карамзина: «Искусство писать есть, конечно, первое и славнейшее, требуя редкого совершенства в душевных способностях; за то нации гордятся своими авторами, за то о превосходстве нации судят по успехам авторов ее»[7]. Далее в тетради 1840 г. следует объяснение самого С.Д.П.: «Вот готовый и самый приличный эпиграф к моему Словарю русских писателей, которому еще не решено заглавие. Назовется ли он Литературною Россиею или Русскою библиотекою. Первое как-то нескладно, хотя на иностранных языках звучит плавно: Russie littéraire, второе слишком важно и выражением и смыслом. И так нет покуда заглавия; зато собрано множество запасов и указаний, которые с моих летучих листочков будут мало-помалу собираться в этот библиографический сборник. С отрывистыми листками справляться как-то скучно и неудобно, а Сборник будет подручною книгою... „Приветствием начну, а кончу эпиграммой“,— говорит Вяземский в стихотворении „К перу моему“. Я точно начал приветствием вообще к писателям; не кончу эпиграммой, потому что до моего конца еще далеко...»[8]

До конца было еще в самом деле далеко — во всех смыслах, но Словарь в том виде, в каком С.Д.П. его задумал, был вообще обречен на незавершенность. Однако в том предисловии, которое началось с «Аонид», обнаруживается, может быть, один из импульсов, подвигнувших Полторацкого на великий жизненный труд, не суливший никаких благ ему (ни денег, ни удовлетворенного тщеславия — при жизни, да по существу и в глазах потомства тоже). Библиографы, как и библиотекари, один из скромнейших литературных отрядов, труд их, как правило, несоразмерен с видимыми его результатами. Восхищение литературой, преклонение перед писательским даром с

детства было характернейшей чертой Полторацкого. Не одаренный способностями поэтическими, не склонный к сочинению прозы или критических статей, Полторацкий вырос и всю жизнь прожил в среде книжной и литературной; окружавшая его атмосфера благородного свободомыслия, глубочайшего уважения к творцам литературы и науки, наделенным даром, вовсе недоступным всем и каждому, с неизбежностью должна была как-то отразиться в деятельности человека мыслящего, памятливого, отзывчивого к общественным проблемам и к людским горестям. Таким самовыражением, такой формой самоотдачи стала для Полторацкого критическая библиография. Здесь был его мир, его царство, в котором то и дело сверкали новооткрытые золотые россыпи, возводились (увы, не часто завершавшиеся) грандиозные постройки; обнаруживались зияющие провалы и черные поступки недобросовестных людей... Он правил этим царством без малого семь десятилетий и многое в нем устроил по-своему — в своих понятиях о пользе и бесполезности, о добре и зле. Только вот разрушилось ли царство, ушло ли вместе с ним? Ограничимся пока самим вопросом.

С.Д.П. задыхался под неподъемными грудами материала. В упомянутом предисловии он приводит двустишие Я. Б. Княжнина:

Но ах! Сколь авторов размножилось у нас,
Что брось ты яблоко, так попадешь в поэта!

В сущности С.Д.П. начал ту собирательскую работу, которую с блеском продолжил потом Иван Никанорович Розанов; оба они собирали издания не только известных писателей, но и книги второстепенные и третьестепенные, незаметно мелькнувшие на небосклоне литературы, ибо все вместе они определяют ход литературного процесса, важный и для литературоведа, каким был Розанов, и вдвойне — для библиографа, ибо книжка, которую он упустит и не зарегистрирует, уже никогда не попадет к читателю.

Вслед за строчками Княжнина С.Д.П. помещает знаменательные для себя слова Вяземского: «С последним вздохом он издаст последний стих» (ящики с материалами для «Словаря» громоздились в маленькой комнатке С.Д.П. в Нейи — он и заснул навсегда рядом с ними). И еще одна выписка в предисловии 1840 г. бросается в глаза: «Несчастия от муз не отучили Тасса»,— записывает С.Д.П. Это настолько автобиографично, что и комментариев не требует. Только муза его была — Библиография.

Друзья и знакомые убеждали его поставить все-таки точку или хоть запятую, привести в систему и напечатать «Словарь». Вяземский торопил в 50-х годах: «Да печатай же свои биографические и библиографические сокровища. Что ты гарпагонствуешь? — Ты собиратель материала. Никто не будет требовать от тебя стройного здания. Пожалуй, подведи их под алфавитный порядок, вот и все. Начни с мертвых. Полной полноты, совершенного совершенства ни в чем, ни в ком, нигде нет. Будут у тебя недостатки, промежутки, даже кое-какие промахи,— все это не беда. А все же твоя книга будет драгоценность, и ты скажешь: «Я памятник воздвиг чудесный, вечный»,— не только себе, но и русской литературе. Нас с Булгариным читать не станут, забудут, а что ты скажешь о Булгарине и обо мне, то останется, пока жить будет русское слово»[9].

Соболевский, зная непостижимую работоспособность С.Д.П., предлагал ему грандиозные и действительно дельные планы составления библиографии газет и журналов (сам, однако, и не думал за это приниматься). Он писал: «Вот тебе проект и пища для твоей деятельности. Брось несбыточные предположения и займись этим. Дело сподручное тебе по многим причинам.

1) Ты обладаешь лучшим собранием повременных наших изданий; обладая им и собирая его, ты лучше всякого знаешь, что существует еще вне оного: это твои desiderata; 2) Наша умственная деятельность юнейшая в Европе настала тогда, когда уже журналистика сделалась везде зеркалом авторства: от этого случилось то, что почти ничего не печаталось и не

писалось в России, о чем бы не сообщалось или отрывками, или известиями в наших журналах. Ergo — нигде журналистика не была таким полным репертуариумом... на просвещение и ученость, как у нас. 3) Из сего следует, что у нас-то полный, точный и верный обзор журналов составит сам собою полную историю русской литературы...»[10] После этого предисловия С.А.С. предложил любопытную и новаторскую схему библиографического указателя повременных изданий, которую нет смысла здесь приводить, поскольку С.Д.П. ею не воспользовался.

Г. Н. Геннади попытался по-иному воздействовать на Полторацкого — предложить ему свое сотрудничество и помощь. 22 ноября 1852 г. он записал в дневнике: «Сегодня день счастливый, познакомился с Сергеем Дмитриевичем Полторацким. Этого знакомства давно желал, потому что оно мне нужно и полезно, оказалось оно и приятно, потому что он славный и приветливый человек, страстно любит книги... Он мне показал свои портфели, ящики и тетради, все полные материалов по истории литературы, био- и библиографии, словаря писателей. Мы дали друг другу руку и будем, кажется, работать вместе. По крайней мере я без него не обойдусь»[11].

Геннади только показалось. Ни с кем С.Д.П. не мог работать вместе, ибо его библиографический максимализм, по удачному выражению Л. М. Равич, его упорное стремление доискаться до *всего* и подобрать *все*, прежде чем опубликовать, натыкались на непонимание. Очень скоро Геннади разочаровался: «С Полторацким каши не сваришь. Мы было поговорили о 4-х первых буквах словаря писателей, да С.Д. хочет, чтобы это был какой-то аналитически-алфавитный указатель всего и всех, чтобы под Адамом было все, что писано об Адаме в русской литературе»[12]. Не нужно только думать, что С.Д.П. ленился, не мог собраться, бросал начатое... Ничуть не бывало! Он работал упорно и достаточно систематично. Просто-напросто ему казалось более важным потратить время на дополнительное выяснение библиографических деталей, чем на приведение в порядок и техническую отделку уже найденного. Поэтому по справедли-

вости к тем 250 номерам библиографических трудов С.Д.П., которые уже выявлены, следовало бы добавить те тысячи (если не десятки тысяч), которые существуют в эскизах, набросках, подборах, пометках, поправках, которые были сделаны им в письмах, черновиках, на обложках и полях книг, на листочках, вклеенных и вложенных в книги, и, наконец, в устных сообщениях его, которыми пользовались и Бычков, и Геннади, и Лонгинов, и Межов, и многие другие известные библиографы.

Как же выглядят те «Материалы...», которые С.Д.П. все-таки решился напечатать? Первая тетрадь (или книга) посвящена «Русским переводчикам Вольтера», как о том свидетельствует ее подзаголовок. Между тем в ней автор успел лишь библиографически разобрать четыре перевода одного единственного мадригала Вольтера, меланхолически сообщив читателю, что над произведениями фернейского мудреца трудились к тому времени уже 140 переводчиков! По-видимому, при таком подходе одна лишь аннотированная в духе С.Д.П. библиография переводов Вольтера (с полными текстами самих переводов) оказалась бы по объему близкой к энциклопедическому словарю. Во вторую тетрадь «Материалов...»[13] вошел лишь библиографический рассказ о трех произведениях Г. Р. Державина: 1. Властителям и Судиям, 1780; 2. Изображение Фелицы, 1789; 3. Хариты, 1796.

Попробуем конспективно изложить библиографическое исследование С.Д.П. об оде «Властителям и Судиям». Первый раз оду эту опубликовал Санктпетербургский вестник в 1780 г. (ч. 6, с. 315-316) без имени Державина, под заглавием «Ода. Переложение 81-го псалма» (лишь с 1808 г. она стала печататься как «Властителям и Судиям»). Вскоре после выхода в свет «Санктпетербургский вестник» был конфискован, ода выдрана и восемь листов ноябрьской книжки заменены другими, на которых было нарочито разогнано прозаическое произведение, напечатанное и в первом варианте. Как водится в таких случаях, уцелели несколько экземпляров «Вестника», где рядом были напечатаны и ода Державина и восемь листов без нее.

Один такой экземпляр оказался в Хлебниковской библиотеке. Во второй раз, как пишет С.Д.П., ода была помещена в еженедельном издании Федора Туманского «Зеркало света» 1 янв. 1787 г. (№ 53, ч. IV, с. 1—2) снова без имени автора под заголовком «Ода. Извлечена из псалма 81». В этом тексте прибавлена Державиным одна строфа (третья) и дан ряд вариантов. С.Д.П., естественно, приводит и текст оды, и разночтения, и даже церковнославянский текст псалма.

Исследование продолжается: в 1798 г. при Павле I в Москве напечатана первая часть «Сочинений» Державина, в которой оды не было. Огорченный многочисленными искажениями, допущенными без его ведома при печатании этой книги, Державин выпуск «Сочинений» тогда приостановил, а вернувшись к осуществлению своего замысла в 1808 г., перепечатал и первую часть, наконец-то включив в нее оду «Властителям и Судиям», но не сообщая, что это переложение 81-го псалма Давида. Далее в книге С.Д.П. перепечатан третий вариант оды, указаны все опечатки, разночтения и т. д. В 1822 г. в «Сыне отечества» К. Ф. Рылеев привел 8 стихов оды с некоторыми перестановками (они указываются С.Д.П.); в книге Н. Ф. Остолопова «Ключ к произведениям Державина» (Спб., 1827) также приведена строфа оды, но в примечаниях к ней допущены две неточности (указываются и разбираются). За этим следует еще добрый десяток указаний на цитаты из этого стихотворения, причем аккуратно регистрируются все допущенные цитировавшими опечатки.

Должное внимание уделяет библиограф и такому действительно существенному вопросу, почему переложение библейского псалма пришлось не по вкусу Екатерине II. Оказывается, она усмотрела в нем ни больше ни меньше, как якобинские идеи — поскольку этот псалом пели крамольники на улицах, свергая короля Людовика XVI. Велено было секретно спросить поэта: для чего он и с каким намерением пишет такие стихи? Державин, почувствовав «подыск вельмож», отвечал на упреки в том духе, что царь Давид крамольником не был, следователь-

но, песни его ни в коей мере «не могут быть никому противными». Изложив всю эту историю, С.Д.П. сообщает далее, что ода Державина была переведена в 1821 г. на английский язык Дж. Боурингом, который, правда, в первом издании своей русской антологии приписал ее Ломоносову, но во втором исправил ошибку. Далее следует история антологии Боуринга, сама по себе также исключительно интересная.

Из этого нарочито сжатого изложения одной из трех частей второй тетради «Материалов...» читатель может составить себе приблизительное представление о том, какой примерно дар русской публике долгие годы готовил в тишине Авчуринской библиотеки и московского кабинета Сергей Дмитриевич Полторацкий. Увы, беда еще в том, что слишком часто он отвлекался. То потратит уйму времени на полемику с оппонентами, то надолго уедет за границу и деятельно примется за составление уже не русских, а французских библиографий. При этом все горячо, все пылко — и с пользой для дела (что подтверждается, например, благодарностью, печатно принесенной ему Ж. Кераром).

Что касается полемики — просто беда, сколько сил она у него отнимала. В той же второй книжке «Материалов...» С.Д.П. поместил подробные выдержки из рецензии на первую книжку, сразу же вступая в спор с рецензентами. Вот что писали «Библиографические записки» (А. Н. Афанасьев): «Под таким громким заголовком („Материалы“) явились коротенькие заметки о четырех переводах на русский язык мадригала, сочиненного Вольтером... От души желаем, чтобы материалы, собираемые г. Полторацким, послужили действительными материалами для словаря русских писателей и чтобы первая тетрадь не была и последнею»[14]. С.Д.П. возмутился: «Не понимаю, что г. Афанасьев нашел *громкого* в заглавии моей первой книжки? Кажется, что нельзя было выразиться *скромнее,* назвав мои заметки не *Словарем* писателей, а только *Материалами.* Что же тут *громкого*? Это одна только пустая придирка, едва ли уместная в журнале, носящем имя „*Библиографических записок*“»[15].

Второй отзыв, вызвавший немедленную реакцию С.Д.П., появился в «Отечественных записках»: «Известный наш библиофил и библиограф С.Д. Полторацкий издал под приведенным выше заглавием брошюрку в 18 страниц, не объявив при этом ничего о плане нового издания; но так как на заглавном листе брошюры означено *том первый*, а внизу *тетрадъ первая*, то мы имеем полное право ожидать продолжения издания... Собственно в этой статье идет речь только о четырех переводах семистрочного мадригала... Наша библиография должна дорожить трудами и изысканиями такого почтенного деятеля, каков г. Полторацкий, и потому нельзя не жалеть, если его новое издание будет заниматься такими мелкими подробностями. А между тем, это непременно сбудется, если только г. Полторацкий не откажется от тех размеров, какие он принял для своей первой тетради. Ведь из 18 страниц... только 6 посвящены собственно замечаниям о Нелединском-Мелецком, Пушкине, Сумарокове и Хованском, а 11 отданы для замечаний о Вольтере по поводу одного только его стихотворения в 7 строк» [16].

Эта критика была, пожалуй, покрепче предыдущей. И опровергнуть ее оказалось нелегко. С.Д.П. возразил только, что весь материал, опубликованный им, представляет интерес и ценность. И с этим не поспоришь.

Вдобавок его материалы обладали еще одним достоинством — высочайшей точностью. В статье 20-х годов, обрушиваясь с праведным гневом на тех европейских литераторов и библиографов, которые допускали нелепейшие ошибки в своих публикациях о России, он призывал: «Мы просим пощады Русской литературе, для которой совершенное молчание лестнее и выгоднее, чем такое небрежное и недостойное внимание...» [17] Почти через полвека И. С. Тургенев в письме к С.Д.П. выразил ту же мысль: «Ничего не может быть презрительнее неаккуратного и недобросовестного библиографического труда» [18]. Под этим лозунгом всю жизнь трудился библиофил и библиограф Полторацкий.

Остальных публикаций С.Д.П. разбирать не будем, ибо все-таки главная тема книги — *библиофилия и судьба.* В данном случае они настолько слиты воедино, что не разорвешь, а библиография для С.Д.П., на наш взгляд, была лишь формой проявления, или, точнее сказать, формой культурного, общественного выявления всего достигнутого собирательством. Может быть, даже не совсем верно требовать от библиофила-библиографа, чтобы все накопленное он предал печатному станку, да еще подсказывать, в каком именно виде. Не думаю, чтобы С.Д.П. слишком страдал от того, что собранные материалы для Словаря в львиной доле не напечатаны; может быть, он больше радовался тому, что они *собраны*? Прежде чем давать окончательную оценку значению Полторацкого — библиографа и накопителя библиографических сведений, не худо бы посмотреть, что он нам оставил.

В 1867 г., собираясь за границу, С.Д.П. передал Румянцевскому музею, где уже хранилась значительная часть Авчуринской библиотеки, почти весь свой архив. Передал на хранение, надеясь когда-нибудь воротиться. С собою увез он 18 ящиков — несколько сот книг и материалы для Словаря, над которыми непосредственно собирался работать.

Что же осталось в Москве в нынешнем Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина? 6800 единиц хранения этого архива распределены по 162 картонам[19]. Семейный архив — документы Хлебниковых, Полторацких-старших, самого С.Д.П. и его детей занимают три картона; огромная переписка всего семейства — богатейший историко-бытовой, литературный, библиографический архив от первой четверти XVIII столетия до 50-х годов XIX (до сих пор почти совсем не опубликованный) хранится в четырех картонах; собственные опубликованные работы С.Д.П., варианты их и черновики — в двух; остальные 153 картона — тысячи документов, десятки тысяч листов — это подготовительные материалы его библиографических работ и прежде всего — Словаря. Здесь и упоминавшиеся не раз вырезки в специальных обложках с пометами С.Д.П., указывающими.

откуда сделано извлечение. Здесь в двух толстых переплетенных тетрадях (картон 162, единицы 1 и 2) так называемый пушкинский сборник Лонгинова — Полторацкого, в котором переписаны от руки все известные к концу 50-х годов произведения Пушкина, не вошедшие в анненковское собрание. Наряду с подробнейшими примечаниями Лонгинова, во многом сделанными по сообщениям и заметкам С.А.С. и С.Д.П., имеются и дополнительные уточнения, вписанные рукою Полторацкого (иногда и С.А.С.). Этому сборнику цены нет — вот уже несколько поколений пушкинистов черпают из него и конкретные сведения и пищу для размышлений. Богатства этого сборника далеко еще не исчерпаны, как им самим не исчерпывается пушкинская часть архива С.Д.П. Но ведь только в Москве хранятся собранные им сведения о сотнях русских литераторов, о ряде анонимных изданий, о множестве журналов и газет, о французской и английской библиографии и книжном деле и многое другое. А ведь есть еще и ленинградский архив Полторацкого! В 1908 г. в Публичную библиотеку поступил «Мой сборник биографический о русских достопамятных людях» — 13 томов (1587 листов), сведения о 400 деятелях нашей культуры. В 1919—1931 гг. Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина было куплено еще 490 писем к Полторацкому и собственноручных копий его писем [20]. Небольшое собрание документов семьи Полторацких имеется еще и в ЦГАЛИ [21]. Если добавить, что во всех наших крупнейших архивохранилищах находятся письма С.Д.П. в составе архивов многочисленных литераторов и библиографов, то станет ясно, какая громада культурно-исторических ценностей оставлена нам этим человеком.

В своей большой статье о Полторацком бесконечно благодарный ему Ж. Керар, в частности, писал: «Мы оба принадлежим к той маленькой области царства разума, которую называют библиографией. Но в этой области Вы, милостивый государь, повелитель, я же не больше как обыкновенный солдат. Преданность ваша интересам библиографии не раз заставляла

вас снабжать на свой собственный счет рядовых... Отечество вас знает, оно вас знает по вашим подготовительным работам и по тем остроумным историко-литературным статьям, которыми вы обогатили отечественные издания...»[22] Конечно — знает, конечно — ценит, но иногда и недооценивает. В комментариях к переводу той самой статьи Керара, которую мы цитируем, сказано: «Полторацкий бесспорно любил библиографию, был книгофил, в самом прямом, часто даже узком, иногда даже смешном смысле этого слова... Тем не менее литературные заслуги Полторацкого в библиографии, связанные непосредственно с его именем, нельзя ставить и в параллель с заслугами такого библиографа, как Керар»[23]. Правда, это писано в 1896 г., но все же симптоматично. И в наше время С.Д.П. иногда называли и выразителем сугубо объективистского подхода к библиографии[24], и посредственным библиографом[25]. Неполна и неоправданно занижена, как справедливо отмечает В. В. Крамер[26], оценка, данная Полторацкому исследователем истории русского библиофильства П. Н. Берковым: такие люди, как С. Д. Полторацкий, литературными работами «предвосхищают то направление, которое возобладало в середине этого столетия и которое заключалось в описании редких книг и журналов из собрания библиофила»[27]. Но в том-то и дело, что С.Д.П. стремился к максимальной библиографической полноте (иногда впадая в явную крайность), а ведь такой подход исключает описание одних лишь редкостей. Что же касается своего собрания, то заслуга С.Д.П. состоит именно в раскрытии богатств родовой Хлебниковско-Авчуринской библиотеки. И то, что в ней было действительно много редкостей, лишь обостряет интерес к его работе.

Уже одно то, что десятки советских исследователей черпали богатейший материал, оставленный С.Д.П., не дает права на какое бы то ни было пренебрежение к его библиофильским и библиографическим заслугам. Словарь Полторацкого существует. Более того, осмелюсь высказать убеждение, что издание этого Словаря до сих пор не запоздало. Только надо издавать

его в таком виде, в каком он был создан — это было бы сырье неоценимое (именно сырье!) для многих исследователей; такое издание, может быть, как никакое другое, дало бы представление о литературном и библиографическом процессе нашего прошлого века; это был бы памятник многим литераторам и среди них — собирателю материалов для «Словаря...»

БАБУШКА И ВНУЧКА

В 1958 г. в Нью-Йорке вышла книга Элен М. Альмединген «Очень далекая страна»[28]. Автор ее — довольно известная писательница, которой принадлежит ряд исторических хроник — о Екатерине II, Павле I, Александре I, биографическая работа о Леонардо да Винчи и другие сочинения. В 1968 г. увидела свет автобиографическая книга Э. М. Альмединген «Завтрашний день придет».

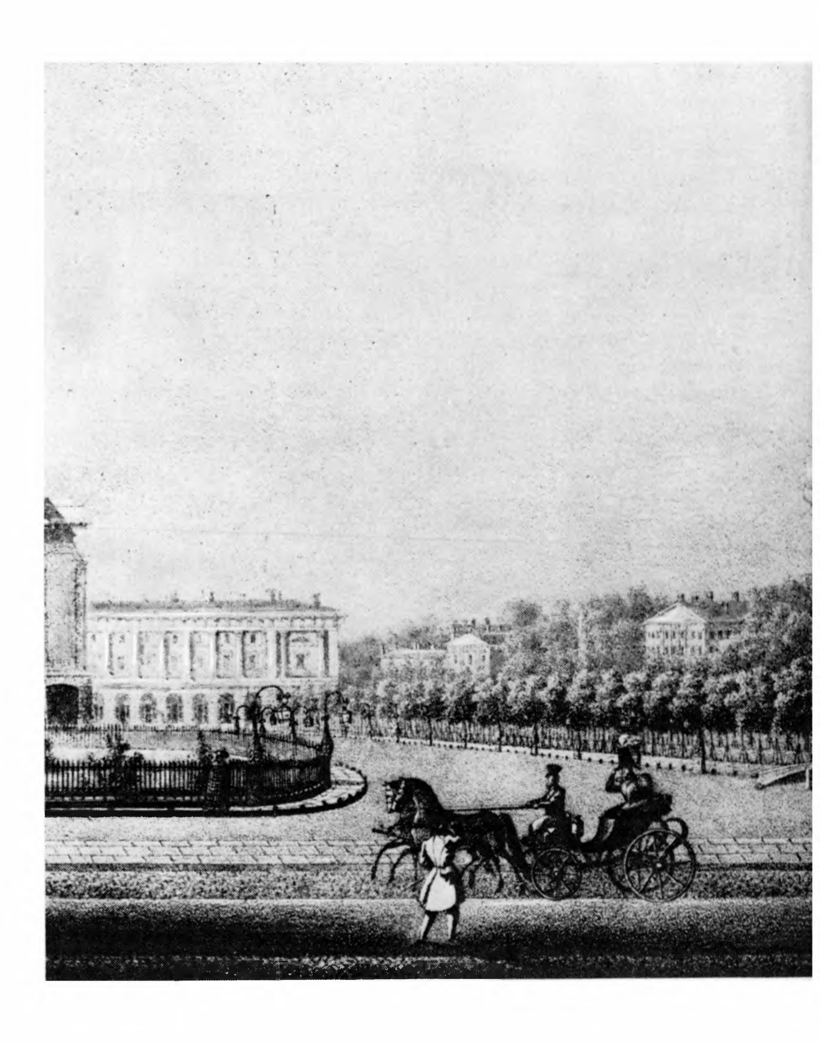
«Очень далекая страна» — это, как догадался читатель, наша родина. Почему Э. М. Альмединген так много пишет о России? Потому что автор этих книг — родная внучка Сергея Дмитриевича Полторацкого, кстати сказать, родившаяся в Петербурге. Дело в том, что вторым браком С.Д.П. был женат на Элен-Сарре Саути (1819—1908), англичанке, приехавшей с отцом и сестрой в Петербург, видимо в начале 40-х годов. История расставания Полторацкого с М. П. Киндяковой, от которой у него было семеро детей (младшая дочь Вера родилась в 1846 г.), запутана, не очень ясна, как и последующая судьба его первой жены.

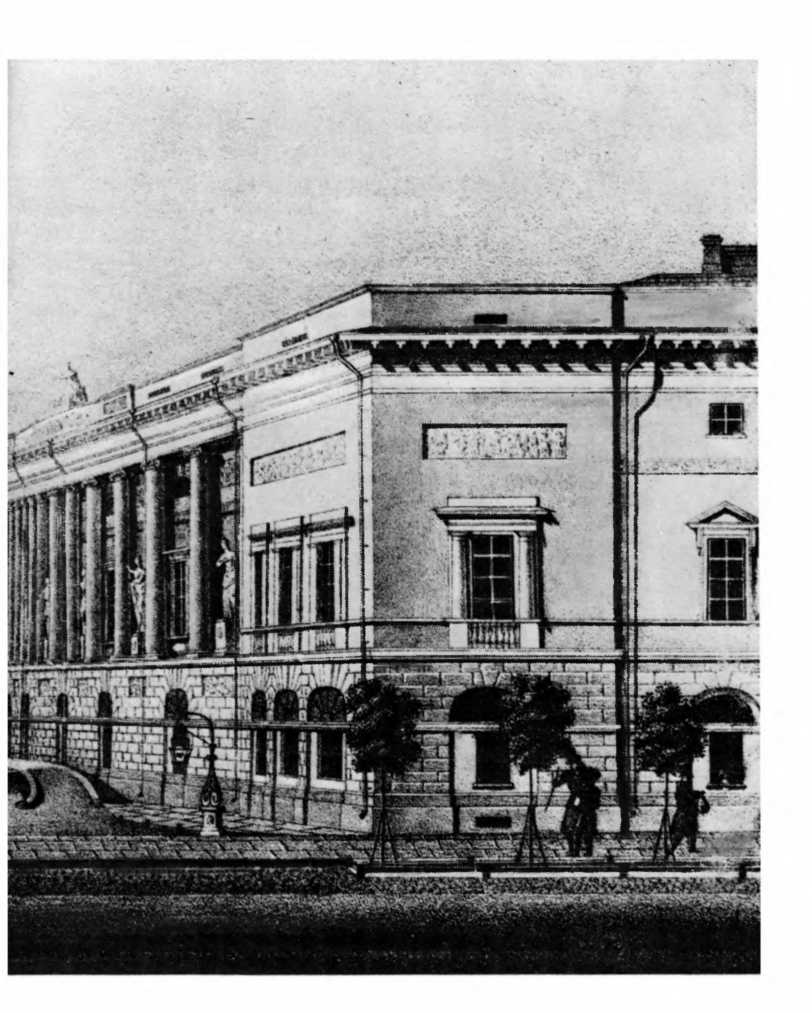
Но не об этом сейчас речь. Свою книгу «Очень далекая страна», содержащую рассказ о жизни ее бабушки, а отчасти и деда — С. Д. Полторацкого, Э. Альмединген назвала не романом, а хроникой. Это вызывает большой интерес и обещает новые сведения о Полторацком и о жизни в России в середине прошлого столетия. Интерес только увеличивается, когда читаешь последний раздел книги, озаглавленный «Примечание автора». Здесь очерчен круг источников, которыми воспользо-

валась Э. Альмединген. Вдова Сергея Дмитриевича доживала свои дни в семье старшей дочери, вышедшей замуж за итальянского графа. «Дневники бабушки, ее записные книжки и особенно многочисленные заметки на полях принадлежавшей ей Библии,— пишет Э. Альмединген,— могли дать материал не на одну, а на несколько книг». Дневники, записные книжки Э.-С. Полторацкой вместе с черновиками сочиненных ею в 1838—1843 гг. романтических сказок хранились после ее смерти в Риме у дочери.

В 1937 г. будущий автор «Очень далекой страны» побывала в Риме у тетушки и получила заверение, что весь семейный архив Полторацких перейдет по завещанию к ней. Тут же Э. Альмединген получила возможность познакомиться с этим архивом. «Прочитав две романтические сказки,— замечает она,— я сосредоточилась на дневниках». И правильно сделала, потому что перед смертью (1944 г.) дочь С.Д.П., которой было уже далеко за 90, сожгла большую часть документов. «Всего лишь связка бумаг, несколько старых гравюр и фотографий, одна из записных книжек моей бабушки, Библия, ей принадлежавшая, попали ко мне в конце концов»,— сообщает автор. В книге, между тем, приведены выдержки из некоторых писем Элен Полторацкой, которые оказались переписанными в ее дневнике. Привычка снимать копии с собственных писем, характерная для С.Д.П., по-видимому, была воспринята и его женой, и дочерью Гермионой (Фанни) Сергеевной, ставшей впоследствии литератором и печатавшейся не только во Франции, но и в России. Среди документов, попавших к Э. Альмединген, имеются и дневники Фанни Сергеевны 1869—1871 гг., и копия ее письма к отцу, написанного сразу после франко-прусской войны.

Сведения о своем деде, по словам Э. Альмединген, она почерпнула из «Биографического бюллетеня Полторацких», опубликованного частным образом в Риме в 1912 г., статьи Керара и ряда работ о нем в русских и французских журналах. В качестве дополнительных источников автор называет воспо-

минания собственного детства и многочисленные семейные предания*.

Среди семейных реликвий назван и том Шекспира, подаренный Сергеем Дмитриевичем Элен Полторацкой с трогательной надписью. Выписав цитату из «Генриха VI»: «В своих „Записках“ пишет Цезарь: „Кент — на острове приятнейшая область; прекрасен край, и много в нем богатств“», С.Д.П. добавляет: «Одним из них я владею» (Элен была родом из Кента). Видно, библиофилы и в любви объясняются по-библиофильски!

В старости Элен Полторацкая начала записывать в дневник свои давние впечатления о России, которые составили нечто вроде мемуаров, к сожалению, уже не существующих.

Некоторые детали последних лет жизни Сергея Дмитриевича, сообщенные в книге «Очень далекая страна», представляют несомненную для нас ценность. Рассказано, что в Нейи у Сергея Дмитриевича образовалась библиотека примерно из шести тысяч томов — в основном сочинения Вольтера в первых изданиях; французские книги о России; переплетенные в тематические сборники вырезки из французских газет... Существенно сообщение о том, что Сергей Дмитриевич собирался в Россию, чтобы взглянуть на свою библиотеку в Румянцевском музее. После смерти Сергея Дмитриевича его вдова писала дочери: «Я намерена продать книги отца, но бог воспротивится, если я продам хоть строку из его сочинений». По словам автора, ящики с архивом С.Д.П., в соответствии с его завещанием, сразу же после его смерти были отправлены в Петербург — в Публичную библиотеку. Может быть, это и так, но достоверно известно, что 13 томов «Моего сборника биографического» поступили туда лишь в 1908 г. Поэтому содержащиеся в книге упреки по адресу библиотеки в нерадивости, медлительности и даже «варварстве», поскольку архив Полторацкого якобы долго

* Одно из них — о посещении Элен Саути (будущей Полторацкой) английского поэта У. Вордсворта любопытно и для историков английской культуры.

не был доступен исследователям, основаны на недоразумении. Хранителем Рукописного отделения после А. Ф. Бычкова стал его сын, блестящий библиограф и архивист И. А. Бычков, так что к архиву Полторацкого здесь проявлялось самое уважительное отношение.

13 апреля 1885 г. состоялся аукцион книжного собрания Сергея Дмитриевича Полторацкого в Париже, организованный М. Клоденом (в связи с этим и был выпущен аукционный каталог). Вполне правдоподобен трогательный эпизод, который сообщает Э. Альмединген: французские книгопродавцы, сложившись, купили на аукционе 163 тома первого собрания сочинений Вольтера и преподнесли в дар вдове русского библиофила со словами: «Эти книги более всего любил маленький месье». В память о Сергее Дмитриевиче бабушка Э. Альмединген переплела в нескольких экземплярах вырезки из французских газет, содержавшие некрологи Полторацкого и другие упоминания о нем, и подарила каждому из своих детей (к тому времени были живы два сына и три дочери) с надписью: «Выдержки из французских газет, относящиеся к вашему отцу Сергею Полторацкому, переписанные вашей матерью в Нейи возле Парижа в июне—июле 1884 года». Это была библиофильская эпитафия мужу и отцу.

Из этого можно прежде всего сделать вывод, что на Западе имеется пусть небольшой по объему, но все же архив, освещающий последний период жизни Полторацкого; сохранились и некоторые книги из его библиотеки. Совершенно очевидно также, что тема, избранная Э. Альмединген, давала большие возможности для воссоздания исторической обстановки и биографий интересных людей (отчасти это удалось в главах, посвященных первому знакомству Элен Саути с Россией).

И все же некоторые страницы работы «Очень далекая страна» вызывают возражения и требуют комментария. Это касается хронологии и отчасти этики.

Э. Альмединген сообщает, что ее дед и бабушка были обвенчаны в домашней церкви Строгановых в Петербурге

9 сентября 1844 г., после чего надолго выехали в Авчурино. По-видимому, ошибочно названа дата самого события, но главное — в рассказе автора о жизни ее бабушки в Авчурине вовсе не упоминаются сын и пять дочерей С.Д.П. от первого брака: можно подумать, что этих людей просто не существовало. Между тем множество документов московского архива вплоть до 60-х годов доказывают, что Сергей Дмитриевич ни на день не разрывал связей с горячо любимыми им детьми: чего стоят одни книжные дары дочери Александре! Переписка С.Д.П., хранящаяся в его московском архиве, свидетельствует о том, что бабушка Э. Альмединген в 1846 г., например, вовсе не жила в Авчурине, а путешествовала по Европе. В 1846 г. С.Д.П. был в Париже вместе с М. П. Киндяковой, что подтверждает и московский архив семьи Полторацких, и некоторые печатные источники.

Хронология подвела автора и в другом случае. Э. Альмединген сообщает, что из-за материальных трудностей Полторацкого ее бабушка с мужем навсегда покинули Россию 4 февраля 1860 г. Мы уже знакомились с целым рядом документов Полторацкого, помеченных «Авчурино» — вплоть до 1864 г., «Москва» и «Петербург» — вплоть до 1868 г. Ошибка была бы чисто фактической, если бы не искреннее (но, увы, неверное) убеждение Э. Альмединген в том, что библиотека была принесена С.Д.П. в дар городу Москве. Не сомневаюсь, что С.Д.П. именно так поступил бы с Хлебниковско-Авчуринским собранием, если бы для этого оставалась малейшая возможность. Но такой возможности не было, и стоит ли задним числом «поправлять» реальный ход вещей? Одна из родственниц, по словам Э. Альмединген, жаловалась на то, что «целое состояние досталось русскому правительству в обход вас всех». Вдова Полторацкого, вспоминает автор книги, с возмущением отвергла такой подход, противоречивший убеждениям Полторацкого-библиофила, собиравшего книги для пользы отечественной. Но беда в том, что приводимое письмо родственницы о судьбе библиотеки вообще недостоверно. Не было дара городу Москве, не получало

русское правительство целого состояния за счет малолетних детей Полторацкого, ибо часть библиотеки была куплена Румянцевским музеем на средства А. И. Кошелева, а остальное, как говорилось, разошлось по другим покупателям или осталось в Авчурине у сына Полторацкого от первого брака — Дмитрия Сергеевича.

Отметим еще курьез в книге Э. Альмединген: автор повествует о том, как Полторацкий после Парижской Коммуны принимает в своем доме друга юности С. А. Соболевского. И все же даже это загробное свидание библиофилов (читатель помнит, что Соболевский скончался в 1870 г.) можно было бы простить автору, если бы в книге не было еще одной обширной «области ошибок».

Несколько раз на страницах «Очень далекой страны» появляется Александр Сергеевич Пушкин — по воспоминаниям бабушки, основанным якобы на воспоминаниях дедушки, и, надо думать, зафиксированным в дневниках или записных книжках (иначе откуда бы их взять автору?). В принципе любое новое (пусть и косвенное) свидетельство современников, а тем более, как в данном случае, близких знакомых Пушкина о встречах с ним, представляет огромный интерес и максимально используется пушкинистами. Но в каждом случае надо отделять пшеницу от плевел! Рассмотрим в этой связи три пассажа из книги.

Вот что, например, будто бы рассказывал жене С.Д.П.: «Дом Олениных был моим домом на протяжении нескольких лет... Я помню вечера, когда Пушкин читал „Руслана и Людмилу", тогда еще не напечатанную. Он читал, сидя на столе. Левой рукой он жестикулировал так усердно, что перевернул подсвечник, и моя тетушка Елизавета пересекла комнату, чтобы водрузить свечу на место. На ковре появилось большое опаленное пятно, но разве кто-нибудь из нас думал об этом!» Действительно, дом Олениных был родным для Полторацкого, и Пушкин в самом деле читал там «Руслана» в 1819 году. Но вот знакомство Полторацкого с Пушкиным у Олениных если и состоялось, то ранее — в 1817 г., по выходе Пушкина из Лицея

и до отъезда С.Д.П. в Одессу в Ришельевский лицей. Однако даже факт знакомства С.Д.П. с Пушкиным до 1826 г. не доказан, хотя такие предположения исследователями и высказывались. Трудно допустить, во-первых, что С.Д.П. молчал бы о своем присутствии при чтении «Руслана» до самой могилы (при его-то склонности фиксировать все важные и маловажные события и обстоятельства); и, во-вторых, что С.Д.П. приезжал в Петербург из Одессы в 1819 г. Однако этот эпизод «самый достоверный» из недостоверных и представляет определенный интерес.

Второе «воспоминание» С.Д.П., приведенное Альмединген, относится к Авчурино. «Пойдем,— говорит Сергей Дмитриевич жене,— я покажу тебе мои главные сокровища». Он повел ее в кабинет и достал три тоненькие книжечки в зеленых бумажных обложках. «Это Пушкин — „Медный всадник", „Борис Годунов" и „Евгений Онегин" с его автографами. Видишь это маленькое слово „другу" (drugu). Да, он называл меня своим другом. Мы вовсе не всегда обсуждали дела литературные. Он болтал о многом, и я тоже».

Автограф Пушкина на «прижизненном издании» «Медного всадника» (впервые напечатанного, как известно, лишь после смерти поэта) — это уже «открытие первостепенное»! «Бориса Годунова» от Пушкина С.Д.П. тоже, видимо, не получал, а о каком издании «Онегина» (или главы?) идет речь, неясно. Зато об известных подарках Пушкина Полторацкому — «Полтаве» и «Цыганах» автор не упоминает (на них, кстати, слова «другу» не было и, видимо, быть не могло — Пушкин и Полторацкий поддерживали между собой отношения не более, чем приятельские). Трудно понять, почему автор хроники «Очень далекая страна» хотя бы в комментариях к воспоминаниям бабушки не воспользовалась какими-нибудь достоверными источниками и не сделала соответствующие оговорки. Кстати сказать, действительная реликвия — издание «Полтавы» с автографом Пушкина — оказалась после смерти С.Д.П. выброшенной на книжный рынок, чего Полторацкий никогда бы не допустил.

Процитируем и третье пушкинское «воспоминание С.Д.П.». Напомнив, что Пушкин и Полторацкий встречались за ломберным столом, Э. Альмединген живописует такую сцену: «И все же иногда он (Пушкин.— *Авт.*) переставал играть и начинал делать то, что Петр Вяземский называл „чиркать", хотя я никогда не назвал бы это так. Помню, в один из вечеров мы роздали карты и кто-то сказал: „Пушкин, вам не стоит торговаться, у вас ведь ни одного козыря на руках". Тогда Петр поднял исписанный листок бумаги и вскричал: „У него здесь козырной туз, господа!" Дорогая, это было начало „Золотого петушка". В тот вечер мы забыли об ужине — мы только сидели и слушали».

«Золотой петушок» был написан в Болдине осенью 1834 г. Мы до сих пор не имели сведений об игре Пушкина с Полторацким в те годы. Боюсь, что «не имел их» и сам С.Д.П. Что касается П. А. Вяземского, то он уехал из Петербурга за границу со смертельно больной дочерью в августе 1834 г., т.е. тогда же, когда Пушкин отправился — через Москву, Полотняные заводы — в Болдино, где и написал «Золотого петушка». Спрашивается, как мог Вяземский оказаться вместе с Пушкиным и Полторацким за карточным столом и поднимать оброненные черновики сказки?

Очень жаль, что в эту весьма любопытную книжку о пребывании молодой англичанки в очень далекой стране, о встречах ее со многими русскими людьми попали столь неправдоподобные «воспоминания» о Пушкине. Судя по тому, что Э. Альмединген обращается со словами благодарности к хранителям Оксфордской русской библиотеки, у нее были все возможности проверить приводимые данные. Дед г-жи Альмединген Сергей Дмитриевич Полторацкий еще в 1824 г. писал: «Точность и верность показаний, как исторических, так и литературных и проч. есть главное достоинство всякого сочинения и всякой статьи». И неуклонно соблюдал это правило.

* * *

Нет истории, которая не проецировалась бы в современность; нет библиофильских проблем ушедших времен, которые в какой-то мере не были бы актуальными и сегодня.

Несхожие судьбы двух столь различных по характеру и темпераменту людей, о которых фрагментарно и неполно рассказано в этой книге, вовсе не принадлежат одному лишь прошлому. И сегодня то и дело удается получать своеобразные «библиографические сигналы» от С.А.С. и С.Д.П. Бывший сотрудник казанских библиотек пишет, например, что после лейпцигского аукциона часть «Соболевскианы» попала в Казань; о книге Соболевского в фонде библиотеки Симферопольского университета рассказывает журнал «В мире книг» (в ответ на запрос автор заметки В. Канарш любезно сообщает интересные подробности); далеко не до конца обследован фонд Соболевского в библиотеке Британского музея... Но больше всего неразгаданных загадок и неопубликованных материалов таит еще зал «Е» хранилища Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, где среди прочих сокровищ находится и значительная часть библиотеки С. Д. Полторацкого. Интереснейший «репортаж» из этого зала провела в своих сообщениях о библиотеке П. Я. Чаадаева сотрудник Ленинской библиотеки В. С. Гречанинова. Важными сведениями о коллекции Полторацкого обязан ей и автор этой книги.

Иногда мне кажется, что о библиотеках С.А.С. и С.Д.П. можно рассказать столько историй, сколько томов было в каждой из них. Это, конечно, преувеличение, но факт остается фактом: в книгу вошла лишь небольшая часть архивных материалов и рассказано лишь несколько эпизодов библиофильской деятельности С.А.С. и С.Д.П. Начав свое собирательство в далекую уже и в такую близкую нам пушкинскую пору, оба они, может быть даже не всегда сами это сознавая, десятилетиями вплетали прочные нити в ту драгоценную ткань, которая составила национальное культурное наследие России.

Глубочайшее уважение к истории, творческое и нестандартное использование опыта всегда отличало прогрессивных деятелей культуры, к числу которых следует отнести и подлинных библиофилов. Книги и библиотеки живут после Соболевского и Полторацкого и будут жить после нас. Это величайшее богатство, ныне принадлежащее всем, надо разумно использовать, не забывая и о тех, кто способствовал его сохранению.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть первая

Глава первая

[1] Соллогуб В. А. Из воспоминаний.— Русский архив, 1865, № 5—6, с. 761. См. также: Соллогуб В. А. Воспоминания. М., 1931, с. 365.
[2] Русский вестник, 1869, № 11, с. 85.
[3] Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты. М., 1912, с. 88. (Все стихи Соболевского, кроме оговоренных случаев, цитирую по этой книге).
[4] Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, с. 16 (далее: Виноградов).
[5] Куфаев М. Н. Пушкин — библиофил.— Альманах библиофила. Л., 1929, с. 99.
[6] Пушкин и его современники. Вып. 31—32. Л., 1927, с. 37.
[7] РО ГБЛ, ф. 261 (издательства Сабашниковых), к 18, ед. 5, л. 52—53.
[8] Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960, с. 399.
[9] Цит. по: Виноградов, с. 71.
[10] Пушкин и его современники. Вып. 6, с. 62.
[11] Пушкин А. С. Сочинения. Изд. Имп. Академии наук. Переписка, т. 3. Спб., 1911, с. 269.
[12] Пушкин в письмах Карамзиных, с. 162.
[13] Искусство, 1929, № 3—4, с. 45—49.
[14] Литературный музей. Летописи, № 5 (Архив опеки Пушкина). М., 1939, с. 216.
[15] Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пг., 1924, с. 25—26.
[16] Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1969, т. 7, с. 168—169. См. также: Суворин А. С. Дневник. М.—Пг., 1923, с. 206.
[17] Новые материалы.., с. 24.

[18] Там же, с. 29.
[19] Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 68.
[20] Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1888—1901, кн. 11, с. 315.
[21] Пушкин и его современники, вып. 31—32, с. 37.
[22] ЦГАЛИ, ф. 149 (Г. Н. Геннади), оп. 1, ед. 24, л. 7.
[23] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 8.
[24] Новые материалы.., с. 122—124.
[25] ИРЛИ, ф. 244, оп. 17. 1-й альбом Соболевского, л. 247—248.
[26] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, т. 10, с. 13 (далее: Пушкин).
[27] Русский архив, 1866, т. 4, с. 1108.
[28] Павлищев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, с. 175.
[29] Пушкин, т. 7, с. 272.
[30] ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, 1-й альбом Соболевского, л. 3—4.
[31] Там же, л. 21.
[32] Кошелев А. И. Записки. 1812—1883 годы. Берлин, 1884, с. 11.
[33] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17-ти т. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1959, т. 11, с. 392.
[34] Русский архив, 1901, кн. 2, с. 159.
[35] Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты. Под ред. В. В. Каллаша. М., Изд. С. Г. Мамиконян, 1912.
[36] Русский архив, 1909, кн. 2, с. 487.
[37] Пушкин, т. 10, с. 230.
[38] Ростопчина Е. П. Дом сумасшедших в Москве в 1858 году.— В кн.: Воейков А. Ф. Дом сумасшедших. М., 1911, с. 84. См. также: Русский архив, 1908, кн. 3, с. 140—142.
[39] Полевой К. А. Записки. Спб., 1888, с. 198.
[40] Лит. наследство, 1952, т. 58, с. 52.
[41] Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925, с. 72—73.
[42] Пушкин, т. 10, с. 215; т. 2, с. 356—357.
[43] Пушкин, т. 10, с. 216.
[44] РО ГБЛ, ф. 233 (С. Д. Полторацкого), к. 162, ед. 1, л. 201.
[45] Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 103.
[46] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.—Л., 1937—1952, т. 11, с. 37.

[47] Пушкин, т. 7, с. 268—271.
[48] Якушкин В. Е. Статьи и заметки о Пушкине. М., 1899, с. 26.
[49] Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1938, с. 180.
[50] Там же, с. 235.
[51] Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826—1830), с. 103—104.
[52] Пушкин, т. 10, с. 222.
[53] Русская старина, 1891, кн. 2, с. 252—253.
[54] ИРЛИ, ф. 244, оп. 17, 1-й альбом Соболевского, л. 373.
[55] Вигель Ф. Ф. Записки. Л., 1928. Т. 2, ч. 7, с. 134.
[56] Пушкин, т. 10, с. 239.
[57] Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 144.
[58] Пушкин, т. 10, с. 457.
[59] Там же.
[60] Пушкин, т. 8, с. 350.
[61] Русский архив, 1909, кн. 2, с. 501.
[62] РО ГПБ, ф. 531 (А. С. Норова), оп. 1, ед. 580, л. 6 об.
[63] Русский архив, 1899, кн. 2, с. 90.
[64] РО ГБЛ, ф. 261, к. 18, ед. 5, л. 14—15.
[65] Пушкин, т. 10, с. 228.
[66] Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Спб., 1889, т. 2, с. 391. См. также: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 152.
[67] Пушкин, т. 10, с. 245.
[68] Цит. по: Виноградов, с. 18.
[69] Русский архив, 1909, кн. 2, с. 497.
[70] Там же, с. 503.
[71] РО ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 2, ед. 1003, л. 6—7.
[72] Там же, л. 10 об.
[73] Там же, л. 17.
[74] ИРЛИ, архив Лонгинова, 23 498 LXXXIX б. 14, л. 55.
[75] Русский архив, 1909, кн. 2, с. 487.
[76] Цит. по: Виноградов, с. 26.
[77] Русский архив, 1909, кн. 2, с. 485.
[78] Там же, с. 506.
[79] Там же, с. 508.
[80] ГИМ, Архив П. А. Бессонова, связка 154, письмо № 9.

81 Пушкин и его современники. Вып. 31—32, с. 41—42.
82 См.: Виноградов, с. 47.
83 Пушкин, т. 10, с. 436—437.
84 См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. (Пушкин и его современники. Вып. 9—10). Спб., 1910, с. 288—289, № 1167.
85 Русский архив, 1909, кн. 2, с. 502.
86 Там же, с. 509.
87 Пушкин и его современники. Вып. 31—32, с. 42.
88 Пушкин, т. 3, с. 532—534.
89 Лит. наследство, т. 79, с. 137. См. также: Буслаев Ф. И. Мои воспоминания.— Вестник Европы, 1891, № 10, с. 637.
90 Пушкин, т. 3, с. 284—285.
91 Пушкин, т. 3, с. 219.
92 Цит. по: Виноградов, с. 102.
93 Пушкин и его современники. Вып. 23—24, с. 212.
94 Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 60—62.
95 Пушкин, т. 10, с. 472.
96 Пушкин, т. 10, с. 850.
97 См.: Павлищев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890, с. 356—357.
98 Русский мир, 1874, № 117. См. также: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 311—312.
99 Книга и революция, 1922, № 7 (19), с. 46.

Глава вторая

1 Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la bibliothèque de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou). Leipzig—Berlin—Londres, [1873]. 314 p.
2 Русская библиотека Соболевского. Catalogue de livres russes de la bibliothèque de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou). Leipzig, 1874.
3 Русский архив, 1878, кн. 3, с. 388. (Письмо С. А. С. Березину-Ширяеву от 17 авг. 1869 г.).
4 Там же.
5 См.: Catalogue, p. VI.
6 Русский архив, 1870, т. 8, с. 2070.
7 Шевырев С. П. История русской словесности. М., 1859. (О библиотеке С. А. С. см.: ч. 1, с. LXXXVII).

8 Ростопчина Е. П. Дом сумасшедших в Москве в 1858 г.— В кн.: Воейков А. Ф. Дом сумасшедших. М., 1911, с. 83.
9 Русский архив, 1909, кн. 2, с. 509—511.
10 РО ГПБ, ф. 603 (С. Д. Полторацкого), ед. 189, л. 25.
11 Русский архив, 1909, кн. 2, с. 510.
12 Ульянинский Д. В. Библиотека. Библиографическое описание. М., 1913, т. 2, № 1407, с. 489—491.
13 Соболевский С. А. Новые явления в русской библиографии. М., 1869, с. 7.
14 См.: Catalogue, p. VI.
15 Ibid, p. V.
16 Русский архив, 1878, кн. 3, с. 394.
17 Там же, с. 392.
18 РО ГБЛ, ф. 233 (С. Д. Полторацкого), к. 3, ед. 46, л. 33 об.
19 Иваск У. Г. Сергей Александрович Соболевский и его библиотека. М., 1906, с. 3.
20 См.: Боднарский Б. С. О библиофилии в ряду библиографических дисциплин.— Библиографические известия, 1918, № 1—2, с. 61.
21 Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 216, оп. 5, ед. 562, л. 3, 4.
22 Бокачев Н. Ф. Описи русских библиотек. Спб., 1890, с. 143—145. См. также: Отчет Имп. публичной библиотеки за 1873 год. Спб., 1875, с. 31—32.
23 Бокачев Н. Ф. Описи .., с. 143.
24 Иваск У. Г. Сергей Александрович Соболевский и его библиотека. М., 1906, 14 с.
25 Апостол П. Библиофил С. А. Соболевский.— Временник Общества друзей русской книги. Париж, 1932, вып. 3, с. 110.
26 Там же, с. 110—111, 113.
27 Виноградов, с. 88.
28 Там же, с. 119.
29 ЦГАЛИ, ф. 1303 (А. К. Виноградова), ед. 405, л. 3.
30 T. F. Dibdin. Library companion. London, 1825, p. 382.
31 I. C. Brunet. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. V. 1. Paris, 1860, p. 1897—1902.
32 РО ГПБ, ф. 531, ед. 580, л. 3 об.
33 ЦГАЛИ, ф. 450 (С. А. Соболевского), оп. 1, ед. 22, л. 35 об.
34 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 25, л. 97.

1 Русский архив, 1878, кн. 1, с. 526.
2 Виноградов А. К. Мериме в письмах к Дубенской. Письма к семье Лагренэ. М., 1937, с. 40—41.
3 Ростопчина Е. П. Дом сумасшедших в Москве в 1858 году.— В кн.: Воейков А. Ф. Дом сумасшедших. М., 1911, с. 84.
4 S[obolewsky]. Lettres d'un bibliophile russe à un bibliophile français.— „Journal de l'amateur de livres", Paris, 1850. v. 3, N 2, p. 46-59; N 6-7, p. 165-180. См. также "Revue Hispanique", 1914, v. XXX, avril.
5 Sobolevsky S. A. Bibliofilia romantica Española (1850). Valensia, 1951.
6 РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 23.
7 Виноградов, с. 85.
8 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 13, л. 578. См. также: Васильева-Шведе О. К. К вопросу об авторе El Buscapie.— В кн.: Сервантес. Статьи и исследования. Л., 1948.
9 Русский архив, 1878, кн. 3 (письмо от 17/IX 1868).
10 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 23, л. 695.
11 ИРЛИ, ф. 234 (П. А. Плетнева), оп. 3, ед. 615, л. 1—1 об.
12 Русский архив, 1908, кн. 3, с. 140—142.
13 В «Эпиграммах и экспромтах» первая строка звучит: «Поверила Москва-столица...» Приведенный вариант см.: Русская литература, 1966, № 3, с. 103.
14 Русский архив, 1909, кн. 2, с. 509.
15 Библиографические записки, т. 1, 1858, с. 747.
16 ИРЛИ, ф. 93 (Собрание П. Я. Дашкова), оп. 3, ед. 1140, л. 1—1 об.
17 Архив АН СССР (Ленингр. отделение), ф. 764, оп. 2, № 711, л. 9—10.
18 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 21, л. 159.
19 Отчет Румянцевского музея за 1867—69 годы. М., 1871, с. 90.
20 Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911, с. 263.
21 ГИМ, ф. 445 (А. Д. Черткова), ед. 305, л. 286.
22 ГИМ, ф. 445, ед. 270, л. 3.
23 Там же, л. 4 об.
24 Русский архив, 1869, т. 7, с. 65.
25 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 22, л. 35.
26 РО ГПБ, ф. 531, ед. 580, л. 3.
27 Там же, л. 1—2.

28 Цит. по: Виноградов, с. 129.
29 Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929, с. 312—314.
30 Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 159.
31 Там же.
32 Русский архив, 1885, кн. 2, с. 315.
33 Пушкин, т. 10, с. 107.
34 Библиографические записки, 1858, т. 1, с. 205.
35 Геннади Г. Н. Литература русской библиографии. Спб., 1858.
36 ЦГАЛИ, ф. 149, оп. 1, ед. 24, л. 3; л. 7.
37 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 13, л. 595.
38 Там же, л. 637 об.
39 См.: Русский архив, 1888, кн. 3, с. 469—471.

Глава четвертая

1 РО ГБЛ, ф. 261, к. 18, ед. 5, л. 52.
2 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 277—278.
3 Русский архив, 1878, кн. 3, с. 388.
4 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 285.
5 Русский архив, 1878, кн. 3, с. 377.
6 См.: Березин-Ширяев Я. Ф. Сергей Александрович Соболевский. Из воспоминаний библиофила.— Библиограф, 1892, № 1. (То же: отдельный оттиск).
7 Ульянинский Д. В. Библиотека. Библиографическое описание. М., 1913, т. 2. № 1407, с. 489—491.
8 Берков П. Н. Русские книголюбы. М.— Л., 1967, с. 193—197. Выдержки из этого письма см. также: Маркушевич А. И. О суетности библиофилов.— Книга, сб. 34, М., 1977, с. 164.
9 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 394—395.
10 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 25, л. 190—191.
11 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 396.
12 См.: Русский архив, 1878, кн. 3, с. 374—391.
13 Там же.
14 Там же.
15 РО ГБЛ. Архив Я. Ф. Березина-Ширяева, картон различных бумаг, л. 15—16.
16 Соболевский С. А. Новые явления в русской библиографии. М., 1869, с. 7—8 (отд. оттиск).

[17] Там же, с. 16.
[18] Там же, с. 15, с. 8.
[19] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 358—358 об.
[20] Березин-Ширяев Я. Ф. Сергей Александрович Соболевский.., с. 10.
[21] Архив АН СССР (Ленингр. отд.), ф. 764 (Бычковых), оп. 2, ед. 711, л. 42.
[22] Московский вестник, 1827, ч. 4, с. 67.
[23] См.: Соболевский С. А. О влиянии Смоленского бульвара (в Москве) на Португальский парламент (в Лиссабоне).— Русский архив, 1868, кн. 1, с. 330 (дальнейший материал почерпнут из этой публикации).
[24] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.—Л., 1928—1959, т. 1—90. Т. 83, с. 146.
[25] Там же, с. 144.
[26] Толстой Л. Н. Т. 61, с. 202.
[27] Государственный литературный музей. Летописи. 2, Л. Н. Толстой, 1938, с. 259, 43.
[28] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 28-ми т. М., 1961—1968. Письма, т. 8, с. 299.
[29] См.: Письма Г. Берлиоза к В. Ф. Одоевскому. (Перевод и публикация М. Барановской).— Сов. музыка, 1969, № 8, с. 62—67.
[30] Русский архив, 1878, кн. 3, с. 391.
[31] Цит. по: Виноградов, с. 258—261.
[32] Русский библиофил, 1912, № 5, с. 62—65.
[33] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 435—436.
[34] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 25, л. 129; л. 144 (все цитируемые письма А. Кона — в оригинале по-английски).
[35] Там же, л. 162.
[36] Там же, л. 165.
[37] Там же, л. 208 об.
[38] Там же, л. 744.
[39] Русский архив, 1871, т. 9, с. 383—384.
[40] ЦГАЛИ, ф. 46 (П. И. Бартенева), ед. 562, л. 522.
[41] Там же, л. 524.
[42] ИРЛИ, 23113/CL XVI 6, л. 70.
[43] ЦГАЛИ, ф. 46, ед. 565, л. 82.
[44] Исторический вестник, 1895, № 2, с. 686—687.
[45] См.: G. Struve. Unpublished Pushkin Documents in the British Museum.— Slavonic Review, 1937, v. XV, april, p. 689-690. См. также:

Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972, с. 282—283.
46 Саитов В. И. Соболевский — друг Пушкина. Пг., 1922, с. 21.

Часть вторая

Глава первая

1 РО ГБЛ, ф. 233 (С. Д. Полторацкого), к. 2, ед. 66, л. 13 (писарская копия).
2 Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966 (по указ.).
3 Крамер В. В. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина.— В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968 гг. Л., 1970, с. 62; Крамер В. В. О литературной деятельности С. Д. Полторацкого в 30-е годы.— Русская литература, 1974, № 2, с. 155—164.
4 Прийма Ф. Я. С. Д. Полторацкий как пропагандист творчества Пушкина во Франции.— Лит. наследство, 1952, т. 58, с. 298—307; Прийма Ф. Я. Русская литература на Западе. Л., 1970, с. 101—104; Крамер В. В. Из истории ранних французских переводов Пушкина.— В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974, с. 114—117.
5 Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973 (по указ.).
6 Крамер В. В. С. Д. Полторацкий и русско-французские библиографические связи в середине XIX века. (Ленинградский ин-т культуры им. Н. К. Крупской). Л., 1975.
7 Библиографические записки, 1892, № 1, с. 15—25.
8 См.: Советская библиография, 1947, вып. 2, с. 61—90; Масанов Ю. И. Bibliophile russe.— В кн.: В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963, с. 199—218.
9 Семевский М. И. Знакомые. Спб., 1888, с. 26.
10 Жихарев С. П. Записки современника. М.— Л., 1934, т. 1, с. 71.
11 Стасов В. В. [Записи со слов отца]. Цит. по: Каренин В. В. В. Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л., 1927, ч. 1, с. 57.
12 Иллюстрация, 1846, № 9, с. 133.
13 Цит. по: Бокачев Н. Ф. Описи русских библиотек... Спб., 1890, с. 139.
14 См.: Черейский Л. А. Пушкин и Полторацкий.— Русская литература, 1965, № 1, с. 190—191.

[15] Там же.
[16] См.: РО ГБЛ, ф. 233, к. 2, ед. 46, л. 8.
[17] Русский архив, 1901, № 12, с. 540.
[18] Цит. по: Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция, с. 154.
[19] Полторацкий С. Синхронистические таблицы русской литературы. М., 1863, с. 22.
[20] Цит. по: Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция, с. 258.
[21] Исторический вестник, 1882, т. 3, с. 330—331.
[22] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты.., с. 38—47.
[23] Исторический вестник, 1882, т. 3, с. 330.
[24] Новь, 1896, № 9, с. 94.
[25] Тургенев И. С. Письмо К. Д. Кавелину.— Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. М., 1961—1968. Письма, т. 13, кн. 1, с. 68.
[26] Иллюстрация, 1846, № 9, с. 133.
[27] Достоевский Ф. М. Бесы.— Собр. соч. в 10-ти т. М., 1957, т. 7, с. 602.
[28] Стасов В. В. [Записи со слов отца]. Цит. по: Каренин В. В. В. Стасов, ч. 1., с. 55.
[29] Там же, с. 53.
[30] См.: Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга с 1703 по 1751 год. В Санкт-Петербурге, 1779, с. 444.
[31] Стасов В. В. ... Цит. по: Каренин В., ч. 1., с. 55.
[32] Иллюстрация, 1846, № 9, с. 134.
[33] Карамзин Н. М. История государства Российского, ч. 1, 1816, с. XXIX, XXXIII.
[34] РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 48.
[35] РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 49, л. 113—113 об.
[36] Там же, л. 24; л. 47; л. 49.
[37] Там же, л. 63.
[38] Богданов А. И. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, с. 443.
[39] РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 49, л. 66.
[40] РО ГБЛ, ф. 215 (Осоргиных), к. 1, ед. 5, л. 48.
[41] J. M. Quérard. Notice sur Mr. Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe russe.— France littéraire, Paris, 1854, v. XI. Русский перевод с сокращениями см.: Викторов Н. Полторацкий и Керар.— Книговедение, 1896, № 2—3.

[42] См.: Библиографические записки, 1858, № 10, с. 291—293.
[43] ЦГАЛИ, ф. 450 (Соболевского), оп. 1, ед. 22, л. 476.
[44] Bibliophile Belge, 1844, т. 4, p. 42.
[45] Bibliophile Belge, 1843, т. 3, p. 329.
[46] См.: Книговедение, 1896, № 2, с. 3—12.
[47] РО ГБЛ, ф. 233, к. 3, ед. 46, л. 1.
[48] РО ГБЛ, ф. 233, к. 3, ед. 2, л. 6.
[49] РО ГПБ, ф. 603 (Полторацкого), ед. 297, л. 42.
[50] Русский архив, 1910, кн. 1, с. 464.
[51] Императорская публичная библиотека. Отчет за 1884 год. Спб., 1887, с. 2—3.
[52] РО ГБЛ, ф. 233, к. 1, ед. 33, л. 9 об.
[53] РО ГБЛ, ф. 233, к. 2, ед. 66, л. 3.
[54] РО ГБЛ, ф. 233, к. 2, ед. 52, л. 8 об.
[55] РО ГБЛ, ф. 233, к. 2, ед. 66, л. 10.
[56] Там же, л. 6—6 об.
[57] Цит. по: Крамер В. В. О литературной деятельности С. Д. Полторацкого в 30-е годы.— Русская литература, 1974, № 2, с. 163.
[58] РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 75, л. 2.
[59] Факты почерпнуты из архива С.Д.П.: РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 71. (Эта пачка бумаг названа Полторацким: «Детям моим подаренные книги». 15/VIII 1859)
[60] РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 72.
[61] РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 33—34.
[62] Цит. по: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты.., с. 46.
[63] Ростопчина Е. П. Дом сумасшедших в Москве в 1858 году.— В кн.: Воейков А. Ф. Дом сумасшедших. М., 1911, с. 83.
[64] РО ГБЛ, ф. 233, к. 3, ед. 46, л. 2—4.
[65] Catalogue de ma bibliothèque accompagné de notes bibliographiques et littéraires et suivi de table alphabetiques et analytiques. Livres allemands, anglais, danois, espagnols, français, grècs, hebreux, hollandais, italiens, latins, portugais, suedois etc. Serge Poltoratzky de Moscou. M., 1862, p. 2—5.
[66] РО ГБЛ, ф. 233, к. 13, ед. 40, л. 13—15.
[67] Ульянинский Д. В. Библиотека, т. 2, с. 1124—1125.
[68] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 22, л. 445.
[69] РО ГБЛ, ф. 215, к. 1, ед. 5, л. 47.
[70] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 22, л. 477.

Глава вторая

1 Вяземский П. А. Эпиграммы.— В кн.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1973, с. 285.

2 Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты, с. 42. Эпиграмма приписывалась Пушкину и даже была помещена в «Собрании запрещенных стихотворений Пушкина», Лейпциг, 1879.

3 Цитирую по тетради Лонгинова — Полторацкого. РО ГБЛ, ф. 233, к. 162, ед. 1, л. 168.

4 Там же.

5 Цит. по: Орлов В. Н. Пути и судьбы. Л., 1971, с. 367.

6 См.: Ученые труды высших учебных заведений Литовской ССР. Отд. литературы, т. 9, 1966, с. 301—325.

7 Русская литература, 1974, № 2.

8 См.: Остроглазов А. И....— Библиографические записки, 1892, № 1 (вклейка — на обороте портрета факсимиле стихов С.А.С.).

9 РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 9.

10 Цит. по: Равич Л. М. Г. Н. Геннади и проблема репертуара русской книги.— Труды Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, 1970, т. 21, с. 93.

11 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 22, л. 462.

12 РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 3.

13 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 22, л. 386, 389.

14 Там же, л. 391—392.

15 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 16, л. 343.

16 ИРЛИ, Архив Лонгинова, 23252 CLXVII б. 1, письмо № 18.

17 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 16, л. 317.

18 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 22, л. 431.

19 ИРЛИ, 23252 CLXVII б. 1, л. 10.

20 Сопиков В. С. Опыт российской библиографии/Ред., примеч., дополнения и указатель В. Н. Рогожина. Ч. 1, 1904, с. XXV.

21 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 16, л. 297.

22 РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 23.

23 Там же, л. 24.

24 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 16, л. 295.

25 РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 45 об.

26 ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 16, л. 442.

27 Цитирую по копии письма из архива С.Д.П.— РО ГБЛ, ф. 233, к. 2, ед. 67, л. 9—11.

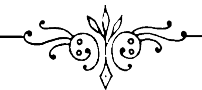
[28] ИРЛИ, 23513 CLXX, б.10, письмо № 23.
[29] Полемика велась в «Библиографических записках», 1858, т. 1, № 7, с. 205—206 и «Русском вестнике», 1858, т. 18, № 22, с. 183—197.
[30] Равич Л. М. Г. Н. Геннади и проблема репертуара русской книги.— Труды Ленингр. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, т. 21, с. 81.
[31] ИРЛИ, 26513 CLXX, б. 10, № 160.
[32] Там же, № 161.
[33] Там же, № 164.
[34] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 19, л. 425 об.—426.
[35] ИРЛИ, По 3119, XII, с. 102, л. 11, 31.
[36] Подлинник записи С.Д.П. см. РО ГБЛ, ф. 233, к. 162, ед. 1, л. 536. См. также: Цявловский М. А. Автограф стихотворения Пушкина «Кинжал».— Голос минувшего, 1923, № 1, с. 22—23.
[37] Пушкин, т. 10, с. 485.
[38] Пушкин, т. 10, с. 581.
[39] РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 63. См. также: Сорокин В. Собрание «Ведомостей» С. Д. Полторацкого.— Книжные новости, 1937, № 23—24, с. 67; Толстяков А. Из библиотеки Пушкина.— Книжное обозрение, 10/III 1967.
[40] РО ГБЛ, ф. 233, к. 162, ед. 1, л. 318.
[41] Пушкин, т. 10, с. 258.
[42] Цит. по: Крамер В. В. Из истории ранних французских переводов Пушкина.— Временник пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974, с. 117.
[43] Северная пчела, 1856, № 158, 16 июля («Страшный суд» был помещен в № 153 за 10 июля).
[44] Там же.
[45] Там же.
[46] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 16, л. 303.
[47] ИРЛИ, 23252 CLXVII, б. 1, письмо № 25.
[48] ИРЛИ, 23513 CLXX, б. 10, письмо № 23.
[49] ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 21, л. 185.
[49a] РО ГБЛ, ф. 233, к. 1, ед. 84, л. 3—4 (от 15/IV 1856).
[50] ИРЛИ, 23252 CLXVII, б. 1, письмо от 21 апреля 1856.
[51] РО ГБЛ, ф. 233, к. 2, ед. 66, писарская копия.
[52] Лонгинов М. Н. Сочинения в 2-х т. М., 1915, т. 1, с. 27.
[53] РО ГБЛ, ф. 233, к. 1, ед. 84, л. 15.
[54] РО ГБЛ, ф. 233, к. 1, ед. 31, л. 17.
[55] Новь, 1896, № 9, с. 92.

56 Толстой А. К. Послание к М. Н. Лонгинову о дарвинизме.— Собр. соч. в 4-х т. М., 1969, т. 1, с. 419—421.
57 Тургенев И. С. Собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. 9, с. 200.

Глава третья

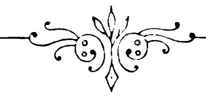
1 РО ГБЛ, ф. 233, к. 3, ед. 2, л. 7.
2 См.: Записки И. П. Сахарова.— Русский архив, 1873, № 6, с. 976.
3 РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 10, л. 4.
3а ЦГАЛИ, ф. 450, оп. 1, ед. 13, л. 640 об.
4 РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 5, л. 4.
5 Там же, ед. 24.
6 Цит. по: Масанов Ю. И. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок, с. 204.
7 Карамзин Н. М. Аониды, ч. 2, М., 1797, с. XI.
8 РО ГБЛ, ф. 233, к. 5, ед. 6, л. 3.
9 Новь, 1896, № 9, с. 92.
10 РО ГПБ, ф. 603, ед. 189, л. 30.
11 Цит. по: Равич Л. М. Г. Н. Геннади и проблема репертуара русской книги, с. 93.
12 Там же, с. 94.
13 Материалы для словаря русских писателей, собираемые Сергеем Полторацким. М., 1858, т. 1, кн. 1, с. 1—18; М., 1859, кн. 2, с. 19—66.
14 Библиографические записки, 1859, т. 2, с. 60.
15 Материалы для словаря.., кн. 2, с. 63.
16 Отечественные записки, 1859, т. 122, февраль, отд. 3, с. 100—101.
17 Московский телеграф, 1827, № 22, отд. 1, с. 76.
18 Тургенев И. С. Собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма, т. 9, с. 353.
19 См.: «Обзор» к описи архивного фонда 233 РО ГБЛ, составленный Е. А. Преферансовой.
20 См.: Императорская публичная библиотека... Отчет за 1884 год. Спб., 1887, с. 2—3; Отчет за 1908 год. Пг., 1915, с. 187—203. Гос. публичная библиотека. Краткий отчет Рукописного отделения за 1914—1938 гг. Л., 1939, с. 214.
21 Фонд № 1130.
22 Книговедение, 1896, № 3, с. 71—72.
23 См.: Викторов Н. Полторацкий и Керар. Там же, с 75.
24 Рейсер С. А. Хрестоматия по русской библиографии с XI в. по 1917 г. М., 1956, с. 224—225.

[25] Орлов В. Н. Пути и судьбы, с. 365.
[26] Крамер В. В. С. Д. Полторацкий и русско-французские библиографические связи в середине XIX века (канд. дис.). Л., 1975.
[27] Берков П. Н. Русские книголюбы. М.—Л., 1967, с. 160.
[28] E.-M. Almedingen. A very far country. N.-Y., 1958. См. также вышедшее в Англии издание E.-M. Almedingen. Life of many colours. The story of grandmother Ellen. London, 1958. Автобиографическая работа того же автора также посвящена России: Tomorrow will come. N.-Y., 1968.
[29] Литературные листки, 1824, № 16, с. 116.

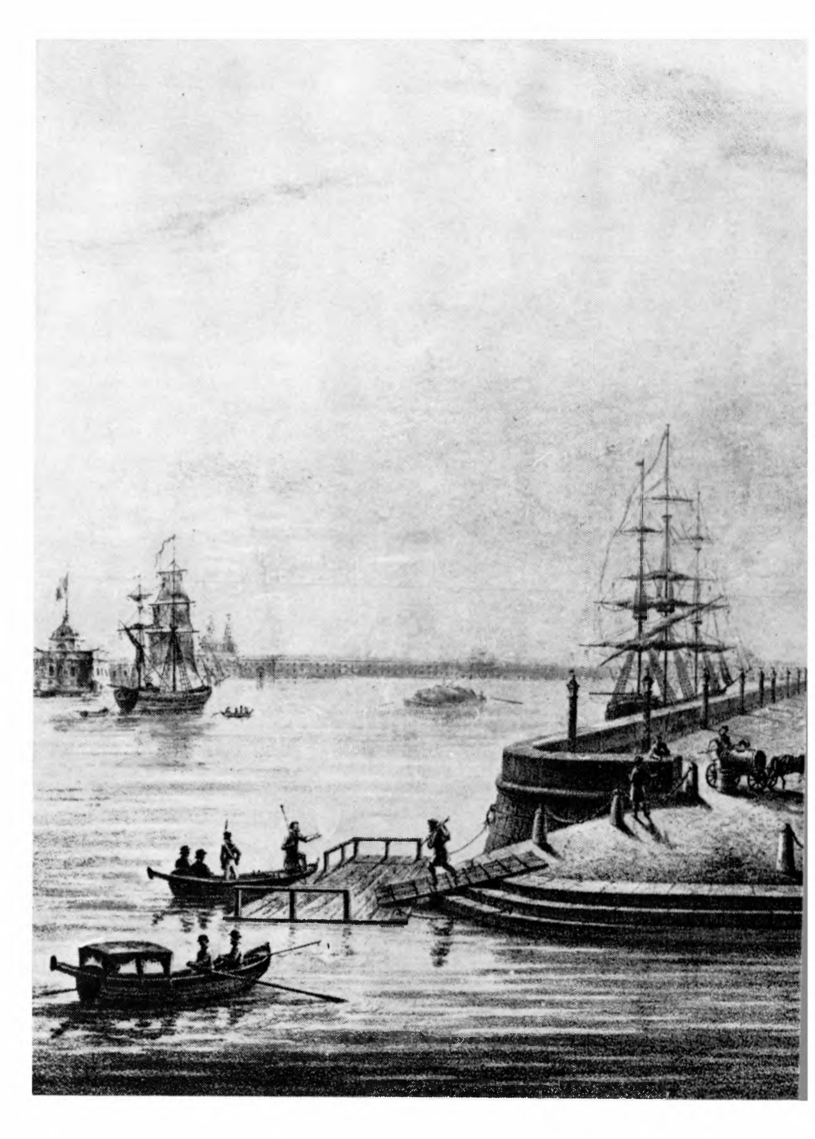
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрации (кроме шмуцтитулов) — из собрания Государственного музея А. С. Пушкина.

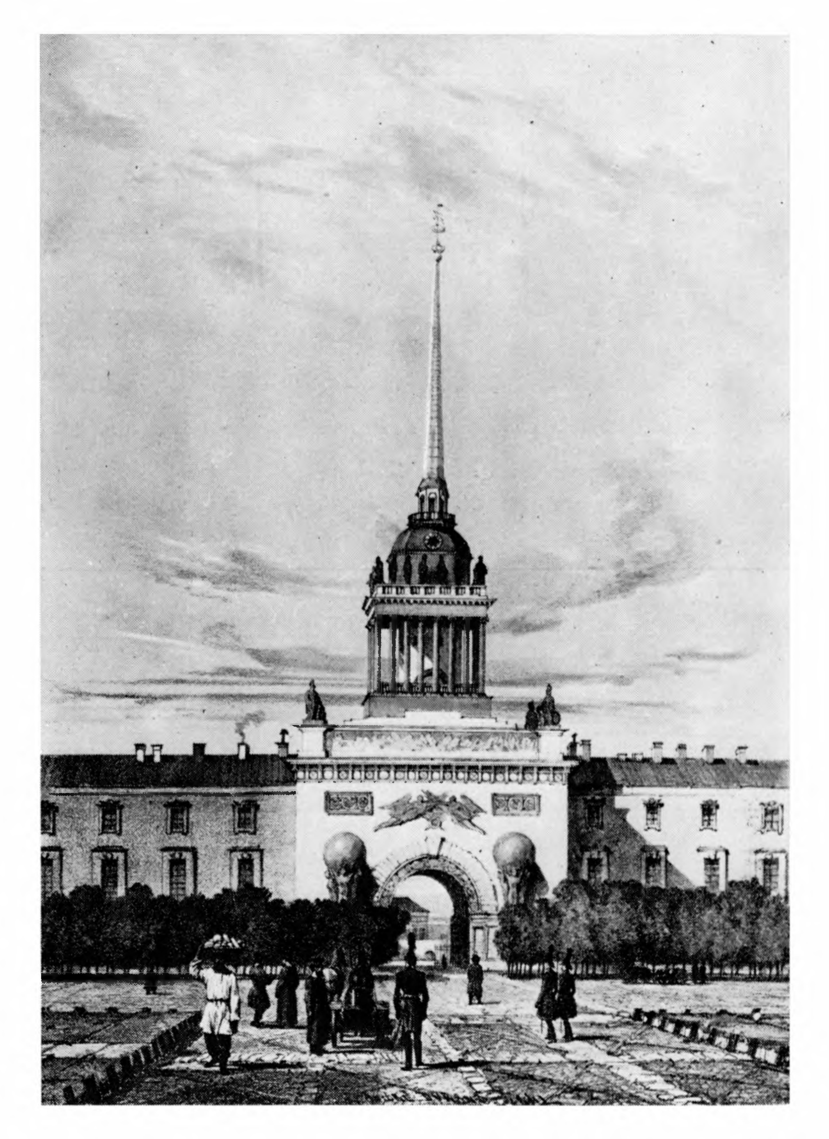

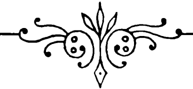
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Указатель составил Д. В. Кузьмин. Имена С. А. Соболевского и С. Д. Полторацкого, а также материал примечаний в конце книги в указатель не включены.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Владимирович Кунин

БИБЛИОФИЛЫ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Редактор *Э. Б. Кузьмина*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *Е. И. Полякова*
Корректор *Н. Ю. Семенова*

Сдано в набор 15.01.79. Подписано в печать 24.08.79. А-12427 Формат 70×108$^1/_{32}$. Бум. мелованная 115 гр. Гарнитура баскервиль. Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 17,48. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3591. Изд. № 2196. Цена 2 р. ИБ № 286

Издательство «Книга». Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР по делам издательств полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Поправка
Правильная цена книги
2 р. 10 к.

2р. 10к.

«КНИГА»

